

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

Выпуск 1

ВОПРОСЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ
НАРОДОВ РОССИИ

Межвузовский   сборник

Ответственный редактор проф. *А. В. Гадло*

ИЗДАТЕЛЬСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2004

ББК 63.5(2)
В 74

Рецензенты: д-р ист. наук проф. *А. Х. Даудов* (СПбГУ),
д-р ист. наук проф. *А. С. Мыльников* (МАЭ РАН)

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
С.-Петербургского государственного университета*

Вопросы этнической истории народов России: Межвуз. сб. /
В74 Под ред. А.В.Гадло. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. — 202 е.—
(Историческая этнография. Вып. 1).

18ВЫ 5-288-02891-5

Статьи сборника посвящены этнической истории народов России и охватывают период от эпохи раннего средневековья до современности. Представлены новые материалы по истории Северного Кавказа, севернорусских областей, Прибалтийского региона, Западной и Южной Сибири. В сборнике освещены вопросы этнической истории русских, осетин, адыгов, ингерманландских финнов, хакасов, тофалар, западносибирских татар и других народов России, показаны конкретные формы их исторических взаимосвязей и некоторые современные этнокультурные и этносоциальные процессы.

Для историков, этнографов и этнологов, археологов; преподавателей, аспирантов и студентов гуманитарных факультетов; для практических работников административной, национально-культурной и социальной сфер.

ББК 63.5(2)

15ВИ 5-288-02891-5

© Издательство
С.-Петербургского
университета, 2004

ПРЕДИСЛОВИЕ

Этой книгой открывается новая серия сборников «Историческая этнография», подготовку которых берет на себя кафедра этнографии и антропологии Санкт-Петербургского государственного университета.

Под тем же названием в 1983, 1985, 1993 и 1997 гг. издательство Санкт-Петербургского университета выпустило четыре сборника серии «Проблемы археологии и этнографии». В настоящее время, когда по существу завершилось определение объектно-предметной зоны этнографической или, как теперь чаще стали ее называть, этнологической науки и она отделилась от археологии с ее специфическим интересом к проблемам древней истории, сохранение общего археолого-этнографического сборника вряд ли целесообразно, тем более, что Санкт-Петербургский университет имеет серийное издание, содержание и название которого по существу дублирует название указанной серии — «Проблемы археологии». Несомненно, археология и этнография — родственные науки, и нередко они используют общие источники и на их основе решают общие задачи в рамках одной сферы познания — истории. Однако в отличие от археологии этнография (этнология) вне зависимости от изучаемой ею конкретной эпохи обращена к проблемам сегодняшнего дня и решает вопросы, связанные прежде всего с насущными потребностями современного общества.

Называя новую серию «Историческая этнография», мы вновь подтверждаем научное кредо кафедры этнографии и антропологии Санкт-Петербургского университета. Историческая этнография — это область этнографической (этнологической) науки, целью которой является изучение процессов, приведших к образованию современного этнокультурного (этнического) многообразия мира. В сферу интересов исторической этнографии, таким образом, попадают вопросы, связанные с расселением этнических общностей и их генезисом, а также с их экономикой и социальной структурой, с динамикой их материальной и духовной культуры, отражающей исторические изменения, происходящие в недрах той или иной конкретной общности, взаимодействия между общностями. Иными словами, историческую этнографию можно определить как особую, в известной степени самостоятельную область исторического познания, лежащую в пограничной зоне между собственно историей и этнографией (этнологией), нацеленную, во-первых, на раскрытие этнического аспекта истории и, во-вторых, на решение специфических проблем исторической науки посредством включения в процесс исследования особой группы источников, сбором которых, анализом, критикой и оценкой занимается только этнография.

Настоящий сборник был задуман как издание, подводящее итог проведенной кафедрой этнографии и антропологии еще в 1993 г. Всероссийской научной конференции «Этническая история народов России (X-XX вв.)». Однако в связи с тем, что выпуск неоднократно откладывался, его первоначальное содержание претерпело некоторые изменения, хотя в целом он не утратил общего направления и цели: осветить некоторые конкретные вопросы этнической истории народов нашей страны на протяжении длительного периода — от начала формирования на ее территории первых средневековых народностей до наших дней.

Статьи сборника размещены на основании хронологического принципа. Его открывает статья А.В.Гадло, посвященная этносоциальной и этнополитической истории адыгов второй половины I тыс. н. э. — предков современных народов Северного Кавказа: адыгейцев, черкесов, кабардинцев. В этой статье автор, опираясь на многочисленные археологические, письменные, фольклорные и лингвистические источники, впервые представляет общую схему зарождения у средневековых адыгов признаков автохтонной государственности, которая реализовалась, по мнению автора, в X в. в виде своеобразного конгломерата — Тмутороканского княжества, где адыги составляли основной массив населения, а русские князья из династии Рюриковичей и их окружение — элитарную правящую надстройку.

К этой статье примыкает статья рано ушедшего из жизни талантливого осетинского этнографа В. С. Уарзиати, в которой делается попытка реконструкции герба средневекового Аланского царства, самого значительного политического образования на Северном Кавказе в X-XIII вв., в границах которого происходило становление современной осетинской общности и, соответственно, история и культура которого в настоящее время привлекает к себе не только ученых, но и широкие слои общественности в пределах Северного Кавказа и в Закавказье.

Раннесредневековому периоду русской этнической истории посвящена статья И. В. Дубова, в которой автор излагает свой взгляд на проблему начальной славянской колонизации Верхнего Поволжья, территории, ставшей в XI-XIII вв. неотъемлемой частью Древней Руси, а в дальнейшем — ядром образования современной русской (великорусской) общности. Взаимоотношению русских земель XIII-XIV вв. и Золотой Орды посвящена статья Ю. В. Кривошеева, в которой сквозь призму наиболее известного института, отражавшего связь Руси и татаро-монголов — «дани», автор обоснованно показывает неправомерность упрощенного взгляда на отношения Руси и Орды как исключительно отношения жесткого политического и военного противостояния и обосновывает возможность более историчной оценки этих отношений, рассмотрения их как отношений двух равнозначных партнеров, представлявших в равной степени архаичные средневековые этнокультурные системы.

Особенностям расселения русских в лесной зоне Восточной Европы в период зрелого Московского государства посвящена статья А. А. Шенникова. По содержанию к ней примыкает статья И. И. Верняева, который рассматривает социальные итоги широкого расселения русской общности. В поле его внимания поземельные отношения в крестьянских общинах Псковской губернии во второй половине XIX — начале XX вв.

Финноязычным этническим общностям Северо-Запада России посвящены статьи К. М. Плоткина, А. Г. Новожилова и А. Ю. Чистякова. К. М. Плоткин на основании данных о специфических обрядах жертвоприношения устанавливает границы расселения этнической общности сету, сегодня расселенной в пограничном районе Эстон-

ской республики и Псковской области Российской Федерации. А.Г.Новожилов реконструирует картину размещения финноязычного и русского населения в бассейне р. Невы на месте будущего Санкт-Петербурга, какой она представляется на основании данных новгородских писцовых книг, составленных на рубеже XV-XVI вв. А.Ю.Чистяков посвящает свою статью хозяйственной деятельности ингерманландских финнов, потомков переселенцев XVII в. из Восточной Финляндии на побережье Финского залива в Приневье и на Карельский перешеек. Эта этническая общность в XVIII-XIX и начале XX вв. составляла заметный массив населения Санкт-Петербургской губернии и играла существенную роль в ее экономической системе.

Статьи Л.А.Скрябиной и В. А.Козьмина посвящены этнической истории Западной Сибири. Л. А. Скрябина рассматривает вопрос о взаимоотношениях двух русских групп — «старожилов» и «переселенцев», расселившихся в конце XIX — начале XX вв. в бассейне р. Томи. В. А.Козьмин анализирует межэтническое взаимодействие и региональную интеграцию культур этнических общностей западносибирского региона, имеющих в составе своей экономики оленеводческий комплекс.

Народам Южной Сибири посвящены статьи В. А. Табаева, определяющего хозяйственно-культурную принадлежность хакасов; А. Н. Садового, представляющего итоги исследования традиционной системы жизнеобеспечения тофалар; В. М.Кимеева и В. П. Кривоногова, исследующих современные этнические процессы, проходящие в общности татар-калмаков. Современная этноисторическая тематика связывает с этими статьями статью Ю. Ю. Карпова. Автор посвящает ее характеристике одного из современных малых народов Дагестана — цезам.

Завершает сборник статья В. С. Бузина, который исследует региональные особенности погребально-поминальной обрядности русских старожилов Кенозерья (юг Архангельской области). Цель статьи — проанализировать новые материалы, полученные в ходе изучения одной локальной группы севернорусских, сравнить их с данными о погребально-поминальном комплексе финноязычных общностей, исторически являвшихся автохтонами в лесной полосе Северной России.

Таким образом, статьи сборника охватывают период от раннего средневековья до современности. Читатель найдет в сборнике новые материалы по истории народов Северного Кавказа, Севера Восточной Европы, Западной и Южной Сибири. В сборнике освещены вопросы этнической истории русских, адыгов, осетин, ингерманландских финнов, западносибирских татар, хакасов, тофалар и других народов Российской Федерации. В статьях сборника показаны конкретные пути исторического развития отдельных общностей и конкретные формы их исторического взаимодействия, некоторые современные этнокультурные и этносоциальные процессы. Авторы полагают, что сборник найдет широкую читательскую аудиторию и будет интересен историкам, этнографам и этнологам, археологам, социологам и философам-культурологам. Материалы, приведенные в сборнике, могут представить интерес также и для практических работников административной, хозяйственной, социальной и национально-культурной сфер.

А. В. Гадло

АДЫГИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ н. э.
(очерк этносоциальной и этнополитической истории)

Концепция исторического развития адыгской общности в течение второй половины I тыс. н.э., т.е. в начальный период раннего средневековья, была впервые разработана в середине 50-х годов ушедшего столетия Л. И. Лавровым и с тех пор практически не пересматривалась.¹ Материалы, собранные Л. И. Лавровым, и выводы, сделанные им на основании их изучения, вошли в статьи и монографии (в том числе изданные в самые последние годы), посвященные этнической истории адыгских народов — адыгейцев, кабардинцев, черкесов, абазин;² в общие очерки истории населенных адыгами северокавказских республик;³ в академическую историю народов Северного Кавказа.⁴

В предлагаемом читателю очерке сделана попытка нового прочтения начального периода раннесредневековой истории адыгов. Он был написан на рубеже 80-90-х годов и, соответственно, базируется не только на материалах (источниках), которые были известны Л.И.Лаврову, и на разработанной им концепции, но и на материалах, которыми в 50-х годах Л.И.Лавров располагать не мог. Этот очерк готовился для нового издания «Истории Адыгеи», которое должно было увидеть свет в начале 90-х годов, но не было осуществлено. Его отдельные части были включены автором в серию статей «Тмутароканские этюды», которая публиковалась в Вестнике Санкт-Петербургского (Ленинградского) университета с 1989 по 1996 г.,⁵ но полностью, в виде общей концепции, он до сих пор остается не известным ни ученым-кавказоведам, ни интересующейся историей народов Северного Кавказа широкой читательской аудитории. Предлагая теперь этот очерк к публикации, автор, естественно, стремился учесть новые материалы (источники), появившиеся в поле зрения исследователей в течение последнего десятилетия, среди которых на первом месте стоят результаты археологических разведок и раскопок на древней коренной территории расселения адыгов. Однако, поскольку эти материалы, во-первых, в своей большей части остаются еще детально не обработанными и не опубликованными и, во-вторых, насколько можно о них судить по появившейся в печати краткой информации, не противоречат изложенным в очерке наблюдениям и выводам, автор не счел необходимым его существенно перерабатывать, за исключением некоторых позиций, отнесенных им в примечания.

*   *

*

Письменные источники сохранили исключительно мало сведений о внутренней жизни адыгской общности. Памятники археологии, которые могли бы дополнить данные письменных источников, на коренной территории адыгов изучены до сих пор относительно слабо. Правда, проведенные в послевоенные десятилетия на Северо-Западном Кавказе археологические исследования (работы Е. П. Алексеевой, Н. В. Анфимова, Ю. Н. Воронова, П. А. Дитлера, А. В. Дмитриева, А. А. Иерусалимской, В. В. Ковалевской (Деопик), Н. Г. Ловпаче, М. Н. Ложкина, А. Л. Монгайта, Л. М. Носковой, С. А. Плетневой, Б. А. Рыбакова, М. К. Тешева и других) во много раз увеличили тот информативный фонд, которым располагала наука в начале 50-х годов, однако и они все еще не позволяют выйти за пределы обобщенной характеристики адыгской материальной культуры и общественного устройства на раннем этапе средневековья.⁶

История развития хозяйства и социальной организации адыгов во второй половине I тыс. сегодня может быть реконструирована только в общих чертах. Об интенсивном заселении коренной адыгской территории на протяжении всей второй половины I тыс. свидетельствуют многочисленные городища, селища и могильники, обнаруженные как на побережье, так и в равнинно-предгорной части Закубанья. Адыги, жившие на побережье, как правило, селились в неукрепленных поселках, располагавшихся на возвышенных плато и горных склонах вдали от берега в верховьях впадавших в море рек и ручьев. Возникшие в античный период на морском берегу поселки-торжища в раннесредневековую эпоху не утратили своего значения, а некоторые из них даже превратились в защищенные крепостями города (например, Никопсис в устье р. Нечепсухо в районе с. Ново-Михайловского). Адыги, жившие в Закубанье, как правило, селились на возвышенных мысах, нависавших над пойменной долиной, в устьях впадающих в Кубань с юга рек или в устьях их притоков. До начала VIII в. здесь преобладали укрепленные поселения, состоявшие из огражденного рвом городища-цитадели и примыкавшего к нему посада, иногда также огражденного с напольной стороны рвом. Большинство из этих поселений располагалось на местах старых меотских городищ, покинутых в III или IV в. (например у хут. Красного, у аулов Гатлукай, Тахтамукай, Пшскайхабль, Ново-Вочепший, у хут. Ястребовского, у пос. Красного и др.). В начале VIII в. прикубанские адыги тоже начинают селиться в неукрепленных открытых поселениях, подобных поселениям адыгов побережья. В это время некоторые группы переходят с левобережья на правый берег Кубани и селятся вблизи от оседавших на землю кочевников-булгар.

Как и в более позднее время, основным типом жилища на адыгских поселениях V-X вв. были легкие постройки, возводившиеся из плетеной лозы или камыша, которые обмазывались глиной, смешанной с рубленой соломой и кизяком. Отапливались они при помощи заглубленных в земляной пол открытых очагов, обложенных по сторонам камнями. Над очагами, как и в более поздних

адыгских жилищах, по-видимому, устраивались обмазанные глиной плетеные раструбы-дымари, через которые удалялся дым. Рядом с жилищами, также из плетня, возводились хозяйственные постройки. В дельте Кубани жилища и хозяйственные постройки чаще всего строились из самана, на каменном основании. Для отопления и приготовления пищи здесь, как и в античный период, устраивали очаги-печи, имевшие вид прямоугольного ящика, встроенного в угол или пристроенного к одной из стен жилища. Такие печи делались обычно из поставленных на ребро плоских плит или саманных кирпичей, на которые укладывалась толстая саманная плита-перекрытие, имевшая отверстие для выхода дыма. Для того чтобы эта плита держалась, в центре очага ставили камень, подпиравший ее. Такие же печи бытовали в период раннего средневековья и на крымской стороне Керченского пролива.

Материалы, полученные при исследовании адыгских поселений и могильников второй половины I тыс., характеризуют адыгов как оседлых земледельцев, не утративших идущих с меотских времен навыков плужного земледелия. Основными земледельческими культурами, которые возделывали адыги, были мягкая пшеница, ячмень, просо, рожь, овес, из технических культур — конопля и, возможно, лен. Многочисленные зерновые ямы — хранилища раннесредневековой эпохи — прорезают толщи ранних культурных напластований на городищах Прикубастья, а крупные красноглиняные пифосы — сосуды, предназначенные главным образом для хранения зерна, составляют основной вид керамических изделий, бытовавших на поселениях Черноморского побережья. Почти на всех поселениях встречаются обломки круглых ротационных жерновов или целые жерновые камни, служившие для дробления и размолва зерна. Найдены обломки каменных ступ-крупорушек и пестов-толкачей. Известны находки серпов (Сопино, Дюрсо), которые могли использоваться как для жатвы зерновых, так и для косьбы кормовых трав для скота.¹

Продукция земледельческого хозяйства не только удовлетворяла собственные потребности региона, но и шла на вывоз. Изготавливавшиеся из местных сортов конопли или льна полотна доставлялись на рынки Трапезунда, а оттуда развозились по странам халифата, где пользовались высоким спросом.⁸ Можно думать, что дань, которую адыги выплачивали Хазарскому каганату, а затем князьям Тматороканя, в значительной своей части состояла из продуктов местного земледелия. Вряд ли случайно в известном летописном рассказе о поединке тматороканского князя Мстислава Владимировича и предводителя касогов (т.е. адыгов) Редеди «земля» и «дань» (в значении подать. — Л. Г.) оказываются равнозначными понятиями.⁹

Несомненно, видную роль в хозяйстве адыгов играло также скотоводство. Адыги разводили крупный рогатый скот, овец, коз, свиней. Неоднократно найденные в могильниках этой эпохи захоронения боевых коней или деталей конского снаряжения свидетельствуют о том, что коневодство представляло важнейшую отрасль их экономики. С большой долей вероятности можно предпо-

лагать, что к концу I тыс. скотоводство уже приобрело устойчивый отгонный характер и на территории Северо-Западного Кавказа определились главные скотопрогонные пути — летом скот пасли на горных пастбищах в верховьях рек, а зимой его сгоняли на равнину поближе к поймам Кубани и в устья ее притоков. Об использовании под пастбища островов южной части Кубанской дельты сохранилось прямое свидетельство Константина Багрянородного.¹⁰ Борьба за стада крупного рогатого скота, табуны коней и тучные равнинные пастбища является постоянным мотивом героических деяний в адыгском фольклоре. Разумеется, ведущее направление экономики отдельных территориальных групп могло быть различно, однако в основе ее везде лежал земледельческо-скотоводческий комплекс, представлявший сочетание плужного земледелия с экстенсивным скотоводством.

Район дельты (Тамань) и прилегающая к нему с юга область не утратили в течение всего раннесредневекового периода древних античных традиций виноградарства и садоводства. Об этом свидетельствует описание этого края, составленное на основании более ранних свидетельств в середине XII в. сицилийским географом ал-Идриси.¹¹

В Прикубанье и на Черноморском побережье значительную роль в экономике играло рыболовство. Рыбные богатства северо-восточной части Черноморья были хорошо известны, и в VII—X вв. даже вся область Прикубанья в столице Византийской империи Константинополе определялась по тем видам рыбы, которые доставлялись отсюда—мурзулион, кистон, верзитикон.¹² Остатки рыболовных снастей (крючки, грузила) неоднократно встречались при исследовании археологических памятников. Уходящие своими корнями в меотский период навыки обработки и заготовки рыбы впрок, надо думать, не были забыты адыгами и во второй половине I тыс.

С развитием производящих форм хозяйства (земледелие, скотоводство) роль охоты как одной из жизнеобеспечивающих отраслей обычно падает. Однако, судя по обилию в раннесредневековых могильниках Прикубанья таких видов оружия, которые могли использоваться в качестве орудий охоты (копья-рогатины, дротики, стрелы, боевые топоры, кинжалы, ножи), значение охотничьего промысла в экономике адыгских общин не следует приуменьшать. Горные леса и альпийские луга высокогорья, лесные и камышовые заросли пойм и дельты, необжитые и невозделанные пространства закубанской степи представляли исключительные возможности для охоты на оленей, туров, кабанов, пернатую дичь. Вряд ли случайно одним из наиболее устойчивых адыгских культов вплоть до XIX в. был культ покровителя охоты Мэзытхэ.

Исследование прикубанских и причерноморских могильников дает представление о развитии у адыгов различных видов производств, прямо не связанных с обработкой сельскохозяйственной продукции. Среди них в первую очередь должно быть отмечено кузнечное дело. Адыгские кузнецы в эпоху раннего средневековья, по-видимому, еще не порвали своей связи с общиной и не выде-

лились из нее, однако внутри общины они уже составляли обособленную профессиональную группу, находившуюся под покровительством особых божеств, имена которых сохранились в адыгейской версии Нартского эпоса — Тлепша и Дабеча. Кузнечное производство было ориентировано в этот период в основном на удовлетворение хозяйственных нужд общины (лемехи, косы, серпы, топоры, ножи, надочажные цепи, вертела, овечьи ножницы и т. п.) и потребностей ее военной организации (конское снаряжение — удила, стремяна, подковы, подпружные пружки; наступательное оружие — копья, боевые топоры, мечи, кинжалы, наконечники стрел; защитное вооружение — шлемы, кольчуги, детали щитов и т. п.). Какова была сырьевая база этого производства, определить пока что трудно, но, не исключая наличия собственной выплавки металла из местных руд, укажем на два железорудных района, откуда металлургическое сырье (полуфабрикаты-крицы) могло поступать и кузнецам-адыгам. Это, во-первых, Керченский полуостров и, во-вторых, верховья Кубани, Зеленчуков и Урупа, где обнаружены явные следы древней сыродутной выплавки железа.¹³ Технологическая сложность и высокое качество некоторых железных изделий, найденных в могильниках второй половины I тыс., дают основание предполагать, что в эту эпоху из массы кузнецов-универсалов, обычно работавших только на свою общину, уже начинают выделяться кузнецы-специалисты (оружейники, бронники и т. п.), переходившие к обслуживанию группы общин и работе не только на заказ, но и на рынок.

Тот же процесс постепенной переориентации производства от обслуживания нужд узкой территориальной общности к удовлетворению потребностей широкого регионального рынка, по-видимому, переживало в эту эпоху также и ювелирное дело, основанное на обработке цветных металлов. В одежду адыгов входил целый ряд металлических деталей, служивших как для скрепления ее частей, так и в качестве украшений-оберегов (застежки-фибулы, пружки, гривны, серьги, браслеты, бляшки-апликации и т. д.). Как правило, они изготавливались в соответствии с общей модой, распространявшейся по евразийским степям из крупных византийских и среднеазиатско-иранских ремесленных центров. Адыгские ювелиры владели навыками литья цветных металлов, паяния, штамповки, изготовления проволоки, гравировки и др. В отличие от кузнечного дела их производство не требовало громоздкого оснащения и больших, труднотранспортируемых запасов сырья. Как показало погребение ювелира в могильнике на р. Дюрсо, металлурги-ювелиры в качестве сырья могли использовать не только полученные из руды слитки, но и металлический лом.¹⁴ Вместе со своим инструментарием и сырьем они свободно передвигались от селения к селению, все более отрываясь от своей общины и превращаясь в ремесленников-отходников.

В течение второй половины I тыс. происходят изменения также и в гончарном производстве. Несмотря на то, что лепная посуда домашней выделки до конца этого периода не исчезает из обращения, все больше сосудов повсе-

дневного обихода производится гончарами-профессионалами, использующими гончарный круг и специальные обжигательные печи. В адыгской керамике V - VII вв. можно обнаружить некоторые характерные черты, свойственные керамике салтово-маяцкой археологической культуры, распространившейся в VIII-X вв. по всему восточноевропейскому Юго-Востоку. Это связано с тем, что оседание кочевников северокавказской степи, вызванное образованием Хазарского каганата, началось прежде всего в низовьях Кубани, где переходившие к оседлости группы хазаро-булгар испытывали влияние более высокой земледельческо-скотоводческой адыгской культуры. Именно в этот период вырабатываются почти все характерные для адыгской культуры более позднего времени формы тарной (пифосовидные сосуды) и «столовой» керамики. Тамань и прилегающие к ней районы становятся с конца VII в. одним из важнейших центров гончарного производства, откуда идет вывоз керамики во все провинции Хазарского каганата. Здесь наряду с заимствованной из Византии амфорообразной формой тарных сосудов начинает производиться специфическая, выработанная на месте форма — высокие веретенообразные смоленые внутри кувшины, предназначенные для транспортировки жидких и сыпучих продуктов. Помимо вина, масла, жиров в амфорах и кувшинах с Тамани вывозилась также нефть, которая широко расходилась по степи, где использовалась как лечебное средство в скотоводческом хозяйстве.¹⁵ Можно думать, что нефть из прилежащих к Тамани предгорий вывозилась также и в Византию. О месторождениях нефти подробно сообщает Константин Багрянородный, который, по-видимому, специально интересовался ее качеством и способами добычи.¹⁶ Нефть византийцы применяли в составе особой зажигательной смеси, «греческого огня», которую использовали при ведении военных действий.

Дельта Кубани издревле служила главными воротами в страну адыгов. В V-VI вв. здесь еще продолжалась жизнь на месте древних античных городов, ставших теперь наибольшими торговыми центрами, через которые осуществлялась связь Византии с кочевыми объединениями северокавказской степи и коренным оседлым населением предгорий. Наибольшее значение из них имела Фанагория, где в начале VI в. была даже самостоятельная епископская кафедра, подчиненная непосредственно Константинопольскому патриархату. В конце VII в. Фанагория стала центром хазарской администрации, под контролем которой находились юго-западные владения каганата. Однако на рубеже IX-X вв. эта роль перешла к поселению, расположенному на месте античной Гермонассы, которое в период владычества на берегах Керченского пролива хазар получило новое, тюркское наименование Тумен-тархан, что буквально означает место ставки военачальника — главы округа, выставляющего десять тысяч воинов (по-тюркски — тумен). Греки называли это поселение Таматарха, русские — Тмуторокань, а ближайшие его соседи адыги — Тамтаракай. Хазары укрепили старое поселение, превратив его в сильную крепость, которая контролировала все движение через Керченский пролив и от пролива вверх по Кубани вглубь

Северного Кавказа. Через возникшие под защитой крепости рынок и порт осуществлялся экспорт местной продукции (зерно, скот и продукция скотоводства, рыба, нефть, полотно) в страны Средиземноморья и импорт на Северный Кавказ средиземноморской сельскохозяйственной продукции и ремесленных изделий (вино, оливковое масло, дорогие ткани, оружие, предметы роскоши). Здесь начинался знаменитый «Хазарский путь», который через Азовское море, Дон и Волгу, существовавший между Доном и Волгой в месте их сближения, выводил торговые караваны к Каспию, от берегов которого шли пути в дальние восточные страны — Индию и Китай, и сюда сходились водные дороги, по которым в Византию и на Арабский Восток славянские, скандинавские и хазарские купцы вывозили из далеких северных стран меха и невольников.¹⁷

Рынок и порт, несомненно, притягивали к себе ремесленников и стимулировали развитие специализации и технологического совершенствования различных ремесел.¹⁸ Интенсивный рост торговой и торгово-посреднической деятельности населения Кубанской дельты, отмечаемый источниками на протяжении всей второй половины I тыс., не мог не отразиться на экономике и социальном быте прикубанских и причерноморских адыгских общин. Наряду с категорией лиц, преимущественно занятых ремесленно-промысловой деятельностью, внутри адыгской общности постепенно формируется категория лиц, главным образом занятых торговлей и посредническими операциями. Адыгские купцы были хорошо известны в Трапезунде на южном берегу Черного моря — главном перевалочном пункте на пути из Прикубанья на Ближний Восток, где даже город, выросший под защитой хазарской крепости Тумен-тархан, стали называть Касак (Касог), т. е. тем именем, под которым в странах Востока была известна вся адыгская общность.¹⁹

Помимо района дельты для экономического и социального развития адыгов важное значение имели также дороги, ведущие по ущельям Верхней Кубани, Теберды, Большого и Малого Зеленчуков, Лабы из Предкавказья через перевалы Большого Кавказского хребта к черноморскому побережью Абхазии. Они составляли часть проложенного в VI в. согдийскими купцами «Великого шелкового пути», который начинался в Северном Китае и заканчивался в Константинополе. Несмотря на то, что на рубеже VII-VIII вв. весь северокавказский отрезок этого пути оказался под контролем Хазарского каганата, горные общины, через земли которых проходил «Шелковый путь», несомненно, вступали в тесное общение с двигавшимися по нему караванами. Ярким подтверждением этому могут служить материалы могильника Мощевая балка на Большой Лабе (окрестности пос. Курджиново). В нем сохранились фрагменты дорогих шелковых тканей, вытканых в Китае, Иране, Согде (Средняя Азия) и на Ближнем Востоке.²⁰ Кусками драгоценного шелка владельцы караванов расплачивались за право прохода через земли горных общин, за охрану их в пути, за проводников, за предоставление им ночлега и крова, пищи и вьючных животных. Близость к транскавказским караванным путям способствовала развитию ме-

новой торговли, вела к накоплению в отдельных общинах в руках общинной аристократии и предводителей общинных дружин различного рода материальных ценностей, тем самым все больше и больше подтачивая основы древней межобщинной и внутриобщинной демократии, социального и имущественного равенства.

На основании приведенных фактов, разумеется, было бы неверным полагать, что в течение второй половины I тыс. товарные отношения внутри адыгской общности достигли высокой степени развития и равномерно охватили всю заселенную ею территорию. Однако имеются веские основания считать, что у тех групп адыгов, которые обитали в низовье Кубани и ближайшем к дельте районе Черноморского побережья, развитие товарных отношений достигло такой стадии, когда остро стала ощущаться потребность во внутреннем денежном обращении. До конца VII в. эта потребность в основном удовлетворялась за счет сохранившихся монет, чеканенных в IV в. последними правителями Боспора (материалы могильника Дюрсо, городища у хутора Ильичевка на Тамани).²¹ К концу VII в. количество этих монет, вероятно, настолько уменьшилось, а их стоимость настолько упала, что принимавшие участие в торговых операциях группы вынуждены были полностью перейти к использованию монет византийской чеканки и подражаний им, которые имели хождение в VIII-X столетиях в границах Хазарского каганата.²² В конце X в. в связи с изменением политической и экономической ситуации на Северном Кавказе и в Причерноморье, которое было следствием падения каганата, значение внутренней торговли на территории расселения адыгов, видимо, поднялось уже до такого уровня, что на повестку дня встала проблема создания местной, рассчитанной главным образом на внутренний рынок денежной системы. Центром чеканки местной монеты стала, как можно судить по концентрации находок, Таматарха—Тмутарокань, а за образец были взяты имевшие широкое хождение в Византии и в торговавших с нею странах в конце X в. милиарисии Иоанна Цимисхия (969-976 гг.), при котором, вероятнее всего, и началась местная чеканка, и сменивших его на византийском престоле Василия II и Константина VIII (976-1025 гг.). Вначале местные монеты чеканили из серебра, затем, очевидно, по мере возрастания потребности в их количестве и уменьшения запасов серебра стали чеканить из биллона (смесь серебра и меди), а в дальнейшем полностью перешли на медь. Очень существенно, что несмотря на то, что за образец монеты была взята византийская денежная единица, ее весовой номинал не соответствовал византийскому образцу и, следовательно, был рассчитан на независимую от империи сферу обращения.²³

Социальная структура адыгского общества второй половины I тыс. нам мало известна, хотя, судя по материалам могильников, можно предполагать, что на протяжении всего этого периода ее основной ячейкой оставалась территориальная община, представлявшая одну из стадий формирования позднесредневековой адыгской общины — селения (къуаджэ).²⁴ На основании упоминания

Константином Багрянородным одного адыгского селения, которое носило имя его основателя — прародителя общины, можно сделать вывод о том, что некоторые из этих общин возникли непосредственно из древних родовых объединений и стойко сохраняли представление о кровном родстве составлявших их семейных (патронимических) единиц.²⁵

В общинных могильниках V-VII вв. (Агойский, Борисовский, Пашковский, Дюрсо, Сопино) еще не удастся проследить резкого имущественного и социального неравенства погребенных. Мужские погребения в них, как правило, содержат более или менее полный набор вооружения, характерного для пешего воина или воина-всадника (обоюдоострые кинжалы, мечи, копья, топоры-секиры, ножи, стрелы), занимавшего в общинном войске положение, соответствующее его возрастной группе, а женские погребения — набор украшений, относительно равномерно распределявшихся внутри всей общины при поступлении в нее военной добычи или при ведении ею активных торгово-обменных операций.²⁶

Те же, в общем, признаки не разложившейся имущественно и социально общины прослеживаются и на материалах могильников VIII IX вв., исследованных на коренной адыгской территории (погребения поздней группы в Борисовском могильнике и в могильнике Дюрсо, первой группы в Казазовском могильнике, в могильнике Мощевая балка и других). Однако в них уже могут быть выделены отдельные погребения, содержащие значительно более разнообразный и богатый инвентарь (например, дорогой защитный доспех, одежда, сшитая из драгоценной шелковой ткани, высокохудожественные предметы личного снаряжения воина и снаряжения боевого коня) по сравнению с погребениями, представляющими для данного могильника наиболее характерный, эталонный комплекс.²⁷ По-видимому, на рубеже VII-VIII вв. верхи внутриобщинной социальной иерархии — главы аристократических родов, предводители общинного войска, старейшины и общинная администрация — настолько усилились, что встали на путь открытого противопоставления своих сословных преимуществ уравнилельно-демократическим традициям всего остального коллектива членов общины. Мы вряд ли ошибемся, если сообщение ал-Масуди о том, что адыги «одеваются в белое, в румскую парчу, в ярко-алую ткань ("сиклатун") и в различные парчевые ткани, затканые золотом», отнесем не ко всем социальным группам адыгов, а только к тем из них, которые в его эпоху — первая половина X в. — консолидировались в господствующее сословие, если еще и не полностью оторвавшееся от породившей их общины, то во всяком случае уже выделившееся из нее и поднявшееся над ней.²⁸

К началу VI в. на территории Северо-Западного Кавказа, заселенной адыгами, сложились три политических объединения, представлявших независимые конфедерации (союзы) отдельных общин и племен.

¹ ~~1ср1К)морж~~ побережье от р. Шахе (древнее название — Ахеунт) и прибли-
пл м ПП1, —-кди 11 границы современного Анапского района занимала Зихская

(Зихийская) конфедерация (зихи). Она включала в свой состав собственно зихскую племенную общность, исконной территорией которой был участок побережья между р. Шахе и современным Туапсе, общность ахеев, древних обитателей побережья между современными Туапсе и Геленджиком, и общность эвдусиан, занимавших, по данным конца V в. (Псевдо-Арриан), побережье между современными Геленджиком и Анапой. На юге Зихская конфедерация граничила с родственной адыгам абазоязычной общностью санигов, которые к началу VI в. были инкорпорированы (по Л.И.Лаврову) также протоабазинами — абасгами.²⁹

Юг современного Анапского района, левобережье Кубанской дельты и часть закубанской равнины, тянувшейся от начала дельты на восток, занимала Сагинская конфедерация («сагины»)³⁰ Византийские источники VIII–XII вв. называют сагинов (сагины — искаженное греческое наименование адыгской общности «шегаков» или «хегаков») «сугдами» и «согдианами» и различают «нижних», приморских сугдов, обитавших вблизи дельты на землях древней Синдики, и сугдов «верхних», живших выше дельты в степном Закубанье.³¹ Кубань отделяла сагинов (сугдов) от кочевников — утигуров, которым принадлежала вся Приазовская низменность вплоть до Дона. В первой половине VI в. утигуры также представляли конфедерацию племен и территориальных групп. Среди них ведущее положение принадлежало кочевавшим по правобережью Кубани и вдоль степных рек Приазовской низменности булгарам. Последние образовались из осколков различных тюркоязычных племен, которые в середине IV столетия в составе гуннского объединения передвинулись из степей Средней Азии и Южного Приуралья в Предкавказье и причерноморские степи.³²

На северном склоне Большого Кавказа в горах и предгорьях, прорезанных притоками Кубани, сложилась Касожская конфедерация («гаш'к» «Армянской географии» VII в., «касқун» свода грузинских хроник «Картлис цховреба», «кашак» — арабо-персидской и древнееврейской письменной традиции IX–X вв., «Касахия» — Константина Багрянородного, «касоги» — русских источников XI–XII вв.). Она соседствовала на юге, в верховьях Лабы и Зеленчуков, с абазоязычной общностью брухов, а в районе перевалов, лежащих у истоков Кубани, — со сванами. На востоке соседями касогов были «овсы» («аланы» — византийских и армянских источников), которые владели центральной частью предгорий Северного Кавказа от междуречья Урупа и Лабы до низовьев Сунжи. Соседями касогов на севере были адыгские общности, входившие в Сагинскую конфедерацию, — «верхние сугды».³³

Очерченные границы адыгских конфедераций в течение VI–VII вв. не оставались неизменными. К концу VII в. Зихская конфедерация включила в свой состав приморских сагинов, и ее владения таким образом достигли Таманского полуострова. Касоги также продвинулись на север и, очевидно, включив в свой состав восточную часть конфедерации сагинов, вышли к Северной Кубани, где стали соседями кочевников — булгар. На юге они подчинили себе брухов (во

всяком случае, после середины VI в. имя этой общности больше в источниках не упоминается), но на востоке им пришлось отступить к Лабе и открыть для Овсского (Аланского) объединения, превратившегося к середине VI столетия в политически сильное и консолидированное образование, свои перевальные дороги, ведущие из Предкавказья в Сванию (Сванетию), Апсилию, Абасгию и через них к Черноморскому побережью.³⁴

Социально-политическое развитие адыгских конфедераций в течение VI-VII вв. проходило на фоне сложной международной обстановки. Почти полтора столетия — от начала VI и до 40-х годов VII в. — на Ближнем Востоке не утихали войны между двумя крупнейшими державами раннего средневековья — Ираном и Византией. С 541 г. основным театром военных действий между ними стали области западного Закавказья, в том числе соседние с исконными землями адыгов Свания, Мисимиания, Апсилия, Абасгия и Санигия. С этого времени войска обеих держав неоднократно вторгались в горные районы, а их дипломатия прилагала значительные усилия для привлечения на свою сторону социальной верхушки горных обществ. При этом ни та, ни другая сторона не пренебрегала ни подкупом, ни лживыми обещаниями мира и помощи, ни жестокими расправами с враждебными им группировками и неудобными вождами. Немногочисленность собственных войск, направленных для ведения войны в Закавказье, и та и другая сторона стремились покрыть за счет наемных отрядов, которые создавались из кочевников северокавказской степи, обитателей северокавказских предгорий и горцев. Одним из наиболее эффективных средств политического давления на западнокавказские племена правительства обеих империй считали распространение в их среде своих религиозно-идеологических учений: Иран — зороастризма, а Византия — христианства.

Занимавшие Черноморское побережье и владевшие перевалами адыги в этих условиях, естественно, не могли оставаться вне поля зрения враждующих государств. Прямое свидетельство об этом сохранил свод грузинских летописей, где имеется сообщение о том, что император Византии Юстиниан I (527-565 гг.) силами своего союзника картлийского царя Парсмана подавил «восстание» «народа каскун» (конфедерации касогов или более широкого объединения адыгских общин и родов).³⁵ По словам источника, Парсман не только лично возглавил карательную экспедицию, но и отправил в Византию «князей этого народа», взятых им в плен во время военных действий. Несмотря на то, что свидетельство грузинского источника нуждается в коррекции — в Картли (Восточная Грузия) с 523 г. не было царя, и страна управлялась ставленником Ирана, он, несомненно, сообщает о событии, которое могло иметь место в действительности. В 549-550 гг. Византия с помощью союзной ей тогда Лазики (Западная Грузия), где скрывались представители картлийской царской династии Хосровианов, изгнанной из Тбилиси, учинила жестокую расправу над абасгами, соседями адыгов, разорвавшими в 540 г. связи с империей и перешедшими на сторону Ирана.³⁶ Адыги («каскун»), как можно думать на основании

грузинского источника, поддержали абасгов, вместе с ними приняли иранскую ориентацию и, как следствие этого, подверглись нападению лазского войска.

Готовясь к войне с Ираном на территории Закавказья и укрепляя свое влияние среди горцев Западного Кавказа, Византия еще в середине 20-х годов VI в. сделала попытку привязать к себе кочевников Приазовья. Здесь дипломатия империи сумела привлечь на свою сторону главу конфедерации утигуров, который, посетив Константинополь и приняв крещение, взял обязательство охранять от врагов империи город Боспор (современная Керчь), имевший для Византии стратегическое и торговое значение, и связанные с нею поселения-эмпории на Тамани. Однако замысел империи не удался. Кочевники восстали против главы конфедерации и разгромили Боспор, перебив находившихся там византийских чиновников и стражу. Для возвращения Боспора и соответственно для установления своего контроля над Керченским проливом Византии пришлось снаряжать специальную военную экспедицию, которой удалось прогнать утигуров в степи и укрепить влияние империи в северо-восточной части Причерноморья.³¹

В непосредственной связи с этими событиями следует рассматривать относящееся к 526 г. свидетельство о появлении на территории Зихской конфедерации христианской епархии. Ее центром стало приморское селение Никопсис, с которым византийская церковь попыталась связать легенду об апостольской проповеди учеников Христа в землях Восточного Причерноморья. Здесь, по церковным преданиям, находилась могила Симона Кананита, сподвижника апостола Андрея. Зихская епархия со временем выросла в крупный церковный центр, тесно связанный с епископскими кафедрами Крыма.³⁸ Однако со своей основной задачей — обращением в христианство адыгов и усилением посредством этого влияния Византии внутри адыгских общин и племен — она, по-видимому, справлялась плохо. Христианство в адыгских землях распространялось медленно, и в церковной литературе за зихами утвердилась нелестная слава народа «жестокого и варварского».³⁹ Незначительны были также и политические результаты ее деятельности. Характеризуя отношение зихов к империи, Прокопий Кесарийский, один из наиболее осведомленных писателей того времени, отмечал, что если в древности правитель страны зихов назначался римским императором, то в 30-40-е годы VI в. зихи «ни в чем уже не повиновались римлянам» (т.е. Византии. — А. Г.). Точно так же вне сферы влияния империи оказались в это время и сагины.⁴⁰ Византия, таким образом, несмотря на все предпринятые ею усилия, не смогла подчинить себе адыгские конфедерации и направить их силы против своих врагов.

Вместе с тем вряд ли можно сомневаться в том, что адыги наряду с другими горцами Кавказа принимали участие в войнах, ведшихся в Закавказье, и совершали набеги на север, на кочевья предкавказских степняков, постоянно направлявших свои отряды на помощь Византии и Ирану. Сама структура экономики и социальных отношений адыгской общности этого периода, как и

любой другой общности, стоящей на стадии военной демократии, вынуждала адыгские объединения искать внешние источники жизнеобеспечения и обогащения и постоянно напоминать соседям об искусстве своих воинов и силе своих дружин. Отсутствие у Прокопия каких-либо указаний на наличие в стране зихов единоличной или наследственной власти дает основание полагать, что в середине VI в. адыгские конфедерации такой власти еще не знали. Как и другие этнополитические образования, возникшие на Северном Кавказе в V — первой половине VI в., они управлялись советом старейшин, представлявших наиболее знатные родо-племенные и территориальные группы, вошедшие в конфедерацию. Упомянутые грузинским источником «князья ... народа», захваченные Парсманом и отправленные им к императору, вероятнее всего, и были такими старейшинами.⁴¹

Во второй половине VII в. международное положение адыгских конфедераций заметно осложнилось. Территория степного Предкавказья, включая низовья Кубани, вошла в политическую систему Хазарского каганата, поглотившего все степные общности от Каспия до Азовского побережья. Булгарские племена, кочевавшие в Приазовской низменности и Прикубанье, вынуждены были либо уйти на запад в Подунавье, а затем переселиться на Балканы, либо влиться в состав каганата. Несмотря на то, что коренным районом расселения хазарской общности были степи современной северо-восточной Калмыкии, где на берегу Волжской дельты в IX-X вв. находилась столица каганата Итиль, низовья Кубани и Таманский полуостров вскоре после завоевания стали рассматриваться как одна из важнейших провинций государства. Ей отводилась роль плацдарма для завоевания Таврики (Крыма) и политического давления на адыгские конфедерации. Последнее имело для хазар особое значение. Верховка каганата существовала за счет даней, взимаемых с покоренных племен Северного Кавказа, и грабежа старых земледельческих областей Азербайджана и Грузии. С середины VII в., когда у хазар в Закавказье появился сильный соперник — Арабский халифат, закрывший для них Дербендский и Дарьяльский проходы, — горные дороги, которыми владели адыги, превратились в важные стратегические артерии. На протяжении всего более чем столетнего периода арабо-хазарской войны (середина 50-х годов VII в. — 70-е годы VIII в.) адыгские конфедерации существовали в условиях постоянной угрозы вторжения и с севера, и с юга, что не могло не отразиться на их социально-экономическом и политическом развитии.

С 695 г. роль нижнекубанской провинции в политической системе каганата еще более возросла. Здесь на месте древней Фанагории была создана резиденция свергнутого в результате народного восстания в Константинополе и бежавшего в Хазарию византийского императора Юстиниана II (685-695 и 705-711 гг.) и его жены — сестры кагана. С этого времени дельта Кубани (Тамань) стала не только обособленной военно-административной единицей — туменом, но и центром политических интриг, ведшихся экс-императором с целью воз-

вращения себе престола. Масштабы этой деятельности были настолько велики, что они начали серьезно беспокоить правительство Хазарии, и оно в конце концов организовало заговор, намереваясь устранить опасного родственника кагана. Этот заговор, однако, не удался. Юстиниан бежал из-под стражи. С группой сторонников он смог добраться до Болгарии, где нашел поддержку хана Тервеля, и во главе болгарских войск возвратился в Константинополь.⁴² Свое возвращение на престол Юстиниан ознаменовал жестокими репрессиями и рядом карательных военных экспедиций против населения Таврики и главного ее города Херсона, жители которого во время событий 695 г. проявили себя противниками императора. В это время и раскрылась роль Таманского плацдарма. Таврика, включая Херсон, была оккупирована хазарами. Вместе с хазарскими отрядами или под защитой их на территорию Таврики начали передвижение оседавшие с середины VII столетия в низовьях Кубани булгары, вслед за ними двинулись и их ближайшие соседи сагины-сугды. Подтверждением последнему служит факт появления в начале VIII в. на территории Таврики поселения, получившего у греков наименование Сугдея (современный Судак).⁴³ Церковная организация Сугдеи, согласно епархиальным спискам Константинопольского патриархата VIII-XI вв., сохраняла свою связь с адыгской Зихской епархией. Показательно также, что с VIII в. начинают в епархиальных списках называться Зихскими (Зихийскими) и более древние кафедры Херсона и Боспора.⁴⁴

Переселение отдельных групп адыгов вместе с булгарами в Таврику свидетельствует о том, что в начале VIII в. адыгские конфедерации оказались, подобно другим объединениям северокавказских предгорий, включенными в сферу государственной политики каганата. Сближение коренных обществ Северного Кавказа с каганатом было прямым следствием активизации арабов в Закавказье. В это время арабы от разрозненных набегов на горные селения перешли к методическому их покорению, захвату перевалов и организации крупных рейдов на север Кавказа и в предкавказские степи. Особенно пострадали от арабских вторжений Дагестан и восточные области Страны овсов (Алании). Однако арабы проходили и через перевалы, находящиеся в верховье Кубани, разоряя таким образом земли западных овсов, соседних с адыгами.⁴⁵

В 735 г. арабы совершили глубокий рейд в направлении Поволжья, в результате которого хазары потерпели сокрушительное поражение, а вслед за этим арабы сделали попытку нанести еще один удар Хазарии — со стороны Черноморского побережья. Арабские войска разграбили землю абасгов и дошли до крепости Бичвинта (современная Пицунда). Спасаясь от них, правитель Абасгии Леон I бежал на север к овсам, а стремившиеся найти у него приют и защиту картлийские цари Арчил и Мир затворились в крепости Анакопия (современный Новый Афон), которую арабы подвергли длительной осаде.⁴⁶ Вряд ли можно сомневаться в том, что под натиском арабских войск, которые возглавлял один из самых известных полководцев халифата, впоследствии халиф

Мерван ибн Мухаммед, прозванный грузинами за свою жестокость «Кру», т.е. «Глухой», абасги, отступая на север, укрывались в горах, заселенных не только овсами, но и адыгами, а также в том, что западнокавказские горцы, соседи абасгов, участвовали в дальнейшем в изгнании арабских войск из Абасгии.

Последовательность двух крупных арабских вторжений, направленных в сторону основного политического центра Хазарии в Поволжье и в сторону военно-политического оплота Хазарии в Причерноморье — Таманского плацдарма, не была случайной. Этим вторжениям предшествовало установление тройственного союза — Византии, Хазарии и Абасгии, нацеленного против халифата и скрепленного династическими браками. Арабы попытались разорвать этот союз, в первую очередь сокрушив его наиболее слабые звенья — Хазарию и Абасгию. Однако они просчитались: поражение Хазарии и Абасгии было временным. К середине столетия и Хазария, и Абасгия восстановили свой экономический и политический потенциал. В 763 г. хазары совершили нападение на земли Восточного Закавказья, а абасги к этому времени сумели полностью сбросить арабское иго и укрепить свои давние связи с южными соседями — апсилами.

С 70-х годов VIII столетия в политике Хазарского каганата наступает резкий перелом. Каганат все более активно начинает продвигаться на север — в Подонье и Поволжье.⁴¹ Горные области Северного Кавказа, в ходе арабо-хазарской войны связавшие себя с каганатом, теперь становятся его вассальными территориями и начинают выплату хазарам регламентированной дани. Для удержания в повиновении этих областей хазары сооружают в горах крепости, в которых ставят преданные им гарнизоны из степняков — булгар. Одна из таких крепостей была возведена на Верхней Кубани в районе современного города Карачаевска (Хумаринское городище).⁴⁸ Эти крепости должны были контролировать перевалы в Закавказье и одновременно поддерживать власть каганата над горными общностями. Возводили их, несомненно, местные жители, которые сгонялись хазарскими чиновниками для ломки камня и производства строительных работ.

Развиваясь в окружении участников военно-политического союза «Византия — Хазария — Абасгия», адыги не могли остаться вне воздействия тех внутренних процессов, которые они переживали, и в стороне от тех внешнеполитических акций, которые ими предпринимались. При этом наибольшее влияние на адыгские общности должны были оказать изменение политики Хазарского каганата на Кавказе и объединение абасгов и апсиров в одно политическое целое — Абхазское царство.⁴⁹ Значение этих двух факторов выявляется особенно рельефно, если учесть, что они были взаимосвязаны. Установление единой политической власти в Абхазии произошло благодаря помощи хазар, которые оказали поддержку правителю абасгов Леону II, а образование Абхазского царства закрыло каганату последние пути для грабительских походов в Закавказье и заставило их не только усилить эксплуатацию вассальных областей Северно-

го Кавказа, но и начать широкую экспансию на север и северо-запад в сторону поволжских народов и славян.

* * *

На фоне истории образования раннесредневековых государств у соседних с адыгами общностей (у хазар, абасгов, овсов), которая восстанавливается на основании письменных свидетельств, вполне достоверными представляются устные предания адыгов об истории возникновения их собственной государственности. Несмотря на то, что эти предания дошли до нас в большинстве своем в литературной обработке, которая была предпринята в ХУП-ХУШ вв. с целью связать генеалогию адыгских аристократических родов с историей арабского мира и общей историей ислама, в них сохранился целый ряд известий, заслуживающих пристального внимания как отражение реальных ситуаций вполне определенной эпохи. Героем этих преданий неизменно выступает правитель страны адыгов Инал (пши Инал, Инал-мурза, Инал-теген), считающийся прямым предком всех княжеских династий Адыгеи и Кабарды.⁵⁰

Инал, согласно преданиям, принадлежал к пятому поколению одного местного аристократического рода, захватившего в свои руки власть над приморской группой адыгов, входивших в Сагинскую конфедерацию, т. е. над собственно сагинами (шегаками), населявшими левобережье Кубанской дельты. Имя Инал имеет тюркское происхождение и означает социальный статус (титул) его носителя. Иналом тюрки УГ-УШ вв. называли человека знатного происхождения; лицо, облеченное особым доверием правителя; сына женщины из ханского рода и человека более низкого по сравнению с нею социального положения.⁵¹ В «родословных» князей Черкасских, составленных в Москве в XVII в., Инал упоминается под другим именем — Акабга, которое может быть истолковано как другой тюркский титул — «ак-ябгу», т. е. западный правитель или наместник (в географической номенклатуре тюркских народов слово «ак», т. е. белый, используется для обозначения запада).⁵² Принимая во внимание то, что в преданиях об Инале не только не говорится о его борьбе с хазарами, а напротив, содержится прямой намек на то, что в годы его долгого правления набеги адыгов «на хазар и Таматаракану» (т. е. Тамтаракай, Тумен-тархан) были прекращены,⁵³ с большой долей вероятности можно предположить, что Инал был автономным адыгским правителем, признававшим свою зависимость от каганата и, возможно, даже связанным родственными отношениями с домом кагана. Система зависимости, установленная каганатом, не предусматривала ликвидации сложившихся на вассальных территориях традиционных форм правления. Местная аристократия — зарождавшееся сословие феодалов — включалась в состав хазарской сословной иерархии и наделялась соответствующими тюркскими титулами и правами. Так было в стране овсов, так было в Дагестане, так, очевидно, было и на западе каганата — в земле адыгов.⁰⁴

Опираясь на свою связь с каганатом и используя верные ему дружины шагаков, Инал, как можно полагать, начал борьбу за объединение адыгских племен и общин. В этой борьбе он нашел поддержку части протоабазинских родоплеменных группировок, очевидно, влившихся в состав адыгских конфедераций в период арабского вторжения в Абасгию. Первый удар он нанес по тем адыгским аристократическим родам, которые некогда были клиентами его собственного рода и входили в возглавляемую сагинами-шегаками конфедерацию, но при его слабом отце отложились и начали проводить самостоятельную политику, включая набеги на соседей и территории, находившиеся под непосредственной юрисдикцией каганата, что, несомненно, вызывало ответные действия, разорявшие и ослаблявшие адыгов. Жестоко расправляясь с непокорными, не щадя ни старшин, ни рядовых общинников, Инал восстановил пошатнувшийся престиж своего рода и создал адыгским группам, населявшим северные, прикубанские районы, условия относительно спокойного существования.

Следующим шагом к объединению должно было стать подчинение горных районов, где укрепились противники Инала и возникла коалиция враждебных ему общин и племен. Инал разбил выступившие против него дружины горцев и принудил горные племена принести присягу на верность. Десять из тридцати захваченных им «главных начальников» (старшин. — А. Г.) были казнены. Последними в объединение вошли горные общества, населявшие пограничные с Абасгией земли, среди которых были и протоабазинские группы, пытавшиеся опереться на Абхазское царство. Однако правитель Абхазии, связанный с каганатом, интересы которого формально как вассал кагана представлял Инал, их не поддержал. Поход Инала на юг закончился миром с Абхазией, заключенным на реке Бзыби. Усмирение горных обществ, населявших пограничные между Абхазией и державой Инала районы, несомненно, было выгодно молодому Абхазскому государству, начинавшему экспансию в южном направлении.⁵⁵

Мир на Бзыби был последним политическим актом Инала. В свою резиденцию—крепость Шанжир, расположенную на южном берегу Кизильташского лимана,—он не вернулся. Смерть настигла его в верховьях Бзыби, где он и был погребен, на земле, принадлежавшей в XIX в. абхазскому обществу Псху.⁵⁶ В памяти потомков он остался не только правителем-воином, силою оружия и дипломатии объединившим разрозненные племена и общины адыгов, но и реформатором внутренней структуры общности, мудрым законодателем. Очевидно, в качестве меры, направленной против сепаратизма отдельных ее частей, им был учрежден институт «сорока судей», игравший роль Совета страны—административно-политического органа, известного в истории и других народов Северного Кавказа.⁵⁷ По сообщению Ш.-Б. Ногмова, которому мы обязаны сохранением одной из наиболее подробных версий предания об Инале, этот институт продолжал функционировать до начала XV в.⁵⁸ Время же объединительных реформ Инала, вероятнее всего, падает на 60-80-е годы VIII в.⁵⁹

Объединение всех адыгских племен и общин в составе одного политического

образования имело исключительное значение для адыгской общности. Это был решительный шаг в этнической консолидации адыгов и сложения раннесредневековой адыгской народности. Не случайно политическое сплочение адыгов запечатлелось в исторической памяти всех этнотерриториальных групп, говоривших на адыгских языках, и даже их соседей осетин, которые считают одного из своих героев (святых) Хетага сыном (потомком) Инала. По существу именно с этого времени за адыгской общностью утверждается общий этноним, которым обозначаются все адыги вне зависимости от их территориального положения. Для хазар и народов Востока это этноним восточной конфедерации — «касаг» (в позднейшем русском варианте — «касоги»), для Византии и стран Запада этноним причерноморской конфедерации — «зихи», для народов Закавказья в равной степени оба этнонима: «касаг» в форме «кашаг», проникший через сванов и овсов, и «джик» («джики»), усвоенный через абасгов и апсилов. Появление общего этнонима свидетельствует о возникновении общего этнического самосознания, упрочении внутренних этнокультурных связей и о начале распространения внутри общности одного языка — диалекта, выступающего в качестве языка-посредника в межплеменном и межтерриториальном общении.

В связи с этим нельзя пройти мимо свидетельства славянского жития Константина (Кирилла) Философа, где среди народов, имеющих свою письменность, «книги и богослужение на своем языке», рядом с иверами (грузинами) и авасагами (абхазами) названы сугды.⁶⁰ Его появление в тексте жития вряд ли можно считать случайностью. Около 860 г. Константин сам побывал в Хазарии, и его путь из Херсона в ставку кагана шел через Керченский пролив и низовья Дона, а обратно в Херсон — через Тамань и Боспор. Константин, создавший позднее славянскую азбуку, несомненно, во время своих странствий проявлял интерес к языкам встречавшихся ему на пути народов и к распространению грамотности в тех городах и странах, которые он посещал. Упоминание письменности на языке сугдов может указывать, во-первых, на то, что в течение VIII-X вв. диалект именно этой этнотерриториальной группы адыгов благодаря ее близости к хазарско-византийским культурным центрам Тамани и Таврики получил наибольшее распространение внутри адыгской общности, и, во-вторых, о том, что зихская церковь не осталась в стороне от объединительной деятельности Инала и путем создания собственной адыгской письменности попыталась внести свой вклад в укрепление ее единства.

Период политического объединения адыгской общности был недолгим. Согласно преданиям, сразу же после смерти Инала начались восстания покоренных им племен и общин, которые не хотели мириться с главенством сагинов-шегаков. Сыновья Инала после смерти отца не сумели сплотиться, и попытка Инала возвести в закон передачу власти над объединением от отца старшему сыну потерпела крах. Связанные через обычай аталычества с различными территориальными группами, а возможно, получив их еще при жизни отца в ленное владение, сыновья Инала разделились. Один из них, вероятно старший,

остался на родовых землях в низовьях Кубани, а другие возглавили племенные группировки, населявшие равнинную часть Закубанья. Горцы восстановили свою древнюю независимость, а обитатели южных районов побережья, в том числе коренной территории зихов, присоединились к Абхазии. В относящемся к 30-м годам IX в. источнике, который, составляя свое сочинение «Об управлении империей», при описании северо-восточного Причерноморья использовал Константин Багрянородный, старый церковный центр зихов Никопсис упомянут как пограничная между Абхазией (в тексте Авастгией) и Зихией крепость.⁶¹ О включении побережья вплоть до Никопсиса в состав Абхазии имеется также свидетельство и в своде грузинских летописей.⁶² Произошло это, вероятно всего, на рубеже 80-90-х годов VIII в. Во всяком случае, в списке епископских кафедр Константинопольского патриархата, составленном в самом конце VIII или начале IX в., Никопсис назван центром Авастгийской епархии, так же как и старый епархиальный центр абасгов Севастополис (современный Сухуми). Зихская епархия, согласно этому документу, не исчезла, но зихскими в нем именуются крымские епископии — Боспора, Сугдеи и Херсона, на которые патриархатом, видимо, возлагались какие-то обязанности в отношении адыгов-христиан, не признававших зависимость от Абхазии.⁶³

Говоря в своем сочинении о земле адыгов (зихов), Константин Багрянородный называет в ней три самостоятельные области, расположенные в ее северной части: собственно Зихию, Папагию и Касахию.⁶⁴ Зихия, по его представлениям, занимает побережье от южного рукава Кубани до Никопсиса, Папагия лежит восточнее ее, вероятно, в междуречье Абина и Афипса (или Псекупса), а Касахия — еще восточнее и простирается до отделяющих ее от Алании гор. Эти области можно сопоставить с теми этнополитическими образованиями, которые возникли в Закубанье после крушения державы Инала. Показательно, что Зихией Константин считал коренную территорию расселения приморской группы сагинов-шегаков и земли их южных соседей, а не собственно территорию зихов, лежавшую, как известно, южнее Никопсиса. Папагией он называет область родственных сагинам-шегакам «верхних сугдов», по-видимому, отделившихся от своих сородичей. О Касахии из его повествования узнать ничего нового не удастся, но сам факт отсутствия дополнительных сведений о ней может служить признаком определенной стабильности этой части адыгской общности в отличие от ее западной и северо-западной частей. Как можно думать на основании народных преданий, ослабление старшей ветви династии Инала, что, в частности, выразилось в расколе даже Сагинской конфедерации, из которой она вышла, привело в конечном счете к усилению конфедерации касогов. Согласно преданиям, именно у касожской ветви потомков Инала в течение столетий сохранялся титул верховного главы адыгской общности «князь из князей», которым владел род князей Болотоковых, сосредоточивший в своих руках власть над этнотерриториальной группой кемиргой (темиргоевцы), в XIX столетии населявшей бассейны рек Лабы и Белой.⁶⁵

Помимо основной причины, приведшей к распаду политического объединения адыгов, — недостаточной степени развития внутри адыгской общности социально-экономических условий для консолидации, существовали также другие причины, из которых важнейшей, безусловно, было противодействие адыгских племен и общин расширению экспансии Хазарского каганата. Действуя как орудие каганата и опираясь на его поддержку, Инал на время сумел потушить огонь сопротивления, но как только единая политическая власть ослабела, оно вспыхнуло с новой силой. Адыгские племена и общины, естественно, не хотели мириться ни с хазарской данью, которая была наиболее ощутимой формой зависимости от каганата вассальных по отношению к нему народов, ни с захватом кочевниками, вошедшими в состав каганата, степных и горных пастбищ, которые традиционно использовались самими адыгами, ни с установлением хазарского контроля над перевальными путями, проходившими через их земли. После распада державы Инала мирные отношения с хазарами сменяются непрерывной цепью войн и столкновений. Согласно происходящему из Константинополя свидетельству, относящемуся к началу 60-х годов X в., зихи (в тексте «зибус») были одним из народов, который считался постоянно враждебным хазарам.⁶⁶

В народной памяти адыгов сохранилось предание об одной из адыго-хазарских войн. Несмотря на его многослойность и характерные для народной памяти анахронизмы, неизбежные в источнике такого рода, оно в целом отражает реальную ситуацию, которая могла иметь место в конце IX или в начале X в. Героем этого предания выступает потомок Инала — кемиргойский князь Безруко Болотоков. Ему приписываются два похода против Хазарии и взятие Тамтаракая. Поводом, заставившим Безруко вступить в борьбу с каганатом, как следует из предания, был голод, охвативший страну адыгов вследствие поразившего ее неурожая.⁶⁷ Совершенно естественно, что в условиях неурожая дань, которую адыги должны были выплачивать хазарам, становилась непосильным бременем, и попытки хазар получить ее могли породить не только сопротивление чиновникам, собиравшим дань, но и войну за полное освобождение.

Одним из союзников кемиргойского князя в предании названы ближайшие соседи кемиргоевцев — овсы-аланы (в тексте «опсы»). Предание говорит, что овсы были приглашены адыгами на помощь, когда в Прикубанье в самый разгар адыго-хазарского конфликта вторгся «татарский хан с многочисленным войском».⁶⁸ Русские былины дают ключ к расшифровке этого анахронизма. В них татарами обычно именуются печенеги, забытые за столетия татарского ига. Реальность проникновения печенегов на Северный Кавказ и их столкновений с адыгами и овсами-аланами не подлежит сомнению.⁶⁹ Вполне достоверными представляются и совместные действия адыгов и овсов против каганата, основанные на союзе, возникшем в момент появления угрозы печенежского вторжения в самом конце 80-х годов IX в. Согласно преданию, адыги и овсы совершили глубокий рейд на север и дошли до Саркела (в тексте «Сарка-

лы»), хазарской крепости, находившейся в районе современного Цимлянского моря. Косвенным подтверждением возможности такого рейда служит свидетельство Константина Багрянородного, который прямо указывал на то, что в период обострения отношений между Аланией и каганатом аланы могли перекрывать хазарам пути, ведущие в Подонье и Таврику (Крым), и нападать на двигавшиеся по степи хазарские отряды.⁷⁰ То, что Константин называет врагами хазар на Северном Кавказе только алан и не упоминает адыгов, вполне объяснимо. Алания, превратившаяся на рубеже IX-X вв. в сильное политическое образование и ставшая главным соперником Хазарии на юге, была в центре забот византийской дипломатии, и к ней было приковано ее внимание. Не сумевшие сохранить свое единство адыги не казались византийским политикам серьезным противником каганату, и поэтому их совместные с аланами выступления против хазар в Константинополе могли приписывать одним аланам.

Молчание византийских источников о совместных действиях адыгов и алан против каганата могло иметь и еще одну причину. В Константинополе было хорошо известно, что адыго-аланские отношения не всегда носили дружественный характер. Усиление политического могущества Алании сопровождалось расширением ее границ и вторжениями аланских дружин на соседние территории. О таких вторжениях алан на земли адыгов одновременно в середине X в. сообщают Константин Багрянородный⁷¹ и ал-Масуди.⁷² Они оба говорят о том, что во время аланских вторжений адыги вынуждены спасаться в труднодоступных местах побережья, где у них существуют укрепления, и на островах, прилежащих к Кубанской дельте. Нельзя исключить, что набеги алан на земли адыгов, которые имели в виду Константин Багрянородный и ал-Масуди, могли быть инспирированы хазарами, сумевшими в 932 г. не только нанести крупное поражение аланам, но и вернуть их в лоно своей политической системы.⁷³ Последнее представляется тем более вероятным, если мы вспомним о той исключительной роли в экономической и политической жизни Хазарско-го каганата, которую играли Керченский пролив и Кубанская дельта, особенно в последние десятилетия его существования, а также о том, что по мере своего внутреннего экономического и социального развития и западные, и восточные группы адыгов должны были все более активно стремиться к восстановлению над этим районом своего собственного господства и таким образом утверждению своего собственного контроля над проходившей через него межконтинентальной торговой артерией. Именно к этому времени, по-видимому, следует относить появление на территории дельты и на берегах пролива выходцев из различных адыгских общин, которые селились по соседству или чересполосно с хазаро-булгарами, носителями салтово-маяцкой археологической культуры, что впоследствии привело к образованию здесь обособленной этнографической группы адыгов, получившей тюркское наименование «адале» («адалер»), т.е. обитатели устья реки или островитяне.⁷⁴

Говоря о столкновениях адыгов и алан и о поражениях, которые при этом терпят адыги, ал-Масуди прямо называет причину этого. Она, по его словам, заключается в том, что адыги в отличие от алан разобщены, что «они не допускают назначить над собой царя, который объединял бы их слова», т. е. «объединял их вместе», как поясняет переводчик. В противном случае, пишет ал-Масуди, «ни аланы, ни какой-либо (другой) народ не мог бы выжить (не потонуть)» под их натиском.⁷⁵ О политической разобщенности адыгов, существовавшей еще на рубеже 40-50-х годов X в., свидетельствуют также и те данные о них, которые отложились в сочинении Константина Багрянородного, написанном в 50-е годы. Однако в 60-е годы X в. тенденция к консолидации адыгской общности, по-видимому, стала проявляться с новой силой. Не затихавшая в течение десятилетий борьба с каганатом и постоянная опасность вторжений со стороны Алании и Абхазии, которая периодически испытывала так же, как и адыги, политическое давление Алании,⁷⁶ прямо вели к осознанию необходимости нового сплочения всех адыгских групп и возрождения политического единства, начала которого были заложены в эпоху Инала во второй половине VIII в.

Непосредственным толчком к возникновению нового объединения адыгов, как можно думать, послужило падение Хазарского каганата, что повлекло за собой резкое изменение всей системы экономических, социальных и политических отношений, установившихся на Северном Кавказе и в Причерноморье за три столетия его существования. Каганат пал в результате фантастического по своей дерзости похода русских дружин, возглавляемых киевским князем Святославом, в самое сердце каганата на Нижнюю Волгу, который состоялся летом 965 г. Разгромив войска кагана и разрушив Итиль, столицу Хазарии, Святослав направился на Северный Кавказ к Самандару (южная окраина современной Махачкалы), откуда хазары контролировали прикаспийский путь в Закавказье и осуществляли свое господство над населением Дагестана и его северных предгорий. Взяв Самандар, Святослав с триумфом прошел вдоль Кавказского хребта на запад. Согласно «Повести временных лет» на своем пути по землям Предкавказья он встретился только с двумя организованными силами — «ясами» (Аланским царством) и «касогами» (объединением адыгов).⁷⁸ Одержав над ними победу, он, как свидетельствует сохранившаяся наиболее древний вариант повествования о походе Новгородская первая летопись, не ограничился получением с них обычной контрибуции-дани, а попытался связать вассальными отношениями с Русью.⁷⁸ То, что в летописном рассказе об этом ясы и касоги выступают в качестве абсолютно равных этносоциальных образований — важнейшее свидетельство того, что к моменту появления русских дружин в Прикубанье адыги сумели преодолеть свою разобщенность и достигли уровня политической консолидации, близкого уровню консолидации соседних аланов. Представ впервые перед русскими дружинами как единое целое, адыги (касоги) и в дальнейшем, на протяжении всего существования Древней Руси, мыслились политически сплоченной общностью, не знающей внутреннего деле-

ния и борьбы между отдельными племенными и территориальными группами.

Зиму 965/966 гг. Святослав, вероятнее всего, провел в низовьях Кубани, откуда весной 966 г. двинулся на Дон, где завершил поход, взяв главный оплот каганата на западе — крепость Саркел.⁷⁹ С уходом русских дружин из Прикубанья, а особенно с началом войны с Болгарией, в которую Византии удалось в следующем 967 г. втянуть Святослава, зависимость адыгского объединения от Руси должна была ослабеть, а может быть, и вообще утратила свою силу. Однако разгром Русью политических центров каганата и установление временного военно-политического равновесия между Аланским царством и объединением адыгов, безусловно, сыграли положительную роль в дальнейшей истории адыгской общности. С этого времени дельта Кубани полностью оказалась под контролем адыгов, а крупнейший торгово-ремесленный пункт, от которого начинался «Хазарский путь» вглубь Восточной Европы и Средней Азии, Тументархан (Тмуторокань, Тамтаракай) стал в основном адыгским городом.⁸⁰ На рубеже 60-70-х годов X в. здесь возникает новая Зихская епархия Константинопольского патриархата, создание которой означало возрождение попыток Византии распространить свое влияние на адыгов и посредством усиления христианской проповеди включить их формирующееся государственное образование в число союзников империи.⁸¹ Старый епархиальный центр адыгов Никопсис вновь упоминается как резиденция зихского епископа только в документах XIII в., когда политическая ситуация в Причерноморье и на Северном Кавказе вновь резко изменилась, а адыгское объединение опять распалось и перестало существовать.

* * *

Единственным источником, дающим представление о новом политическом объединении адыгов, является включенный в «Повесть временных лет» под 1022 г. рассказ о войне, которую вел с адыгами (в тексте «касогами») внук Святослава Мстислав.⁸² Как следует из этого рассказа, русскому князю и его дружине противостояло адыгское войско, сформированное из отрядов, представлявших различные территориальные группы и племена. Во главе его стоял не временный предводитель-военачальник, облеченный верховной властью только на период войны, а сосредоточивший в своих руках всю полноту политического, административного и военного управления sovereign, персону которого была сакрализована. От его единоличного решения зависела стратегия войны и судьба подвластных ему племен и общин. Возглавляя объединение в целом, он одновременно представлял в нем одну из его частей, с которой не порывал тесных связей. Летопись называет эту часть вполне определенно — «земля его». В этой «земле» находилась его личная собственность («все имение его», по словам летописца), и в нее уходили его родовые корни, там была расположена его резиденция и жила семья. Вместе с тем его особое положение внутри

общности уже было закреплено и особым титулом, под которым он был известен вступающим с адыгами в контакты народам, и особыми административно-экономическими отношениями с неродственными ему прямо частями объединения. Русские называли его «князь касожский», что равноценно титулу, который позднее византийцы давали правителю Тматороканя — «архонт Зихии». ⁸³ Племена и общины, вошедшие в объединение, он уже рассматривал как образования, не отделимые от его собственной «земли», обязанные выплачивать ему подать (в летописи — «дань») и выставлять по его требованию необходимые ему воинские контингенты. После его гибели в ритуальном поединке с Мстиславом все эти права перешли к русскому князю, а затем к его наследникам, русским князьям из династии Рюриковичей. Последнее служит важнейшим свидетельством того, что к началу XI в. совершенные права главы адыгской общности уже полностью конституировались и стали обычными социальными нормами, иными словами, что адыги к этому времени уже не только вступили на путь формирования собственного государства, но и прошли значительный отрезок этого пути.

Война между русским князем Мстиславом и адыгским объединением, которое, согласно летописному рассказу, возглавлял «князь касожский» Редедя, а согласно содержащему отдельные элементы этого рассказа адыгскому преданию, зафиксированному Ш.-Б. Ногмовым, потомок Инала «князь» Идар, происходила в 1016-1017 гг. (т.е. ранее той даты, под которой она описана в летописи). ⁸⁴ Она проходила на фоне ожесточенной междоусобной борьбы, разразившейся на Руси в 1015 г. после смерти Владимира Святославича, и попыток Византии вновь, после нанесенного ей Владимиром в 988-989 гг. поражения в Таврике, вернуть себе политическую гегемонию в Северном и Северо-Восточном Причерноморье. ⁸⁵ Ее непосредственной причиной, вероятнее всего, послужило давнее стремление адыгских племен и территориальных союзов к обладанию дельтой Кубани и Тамтаракаем (Тматороканем), ее главным торгово-ремесленным центром и военным оплотом, с одной стороны, и не менее давнее стремление социальных верхов города к установлению своего политического контроля над адыгскими племенами и общинами, от которых прямо зависели и его благосостояние и безопасность — с другой.

Согласно «Повести временных лет», город (в это понятие включаются также и его сельскохозяйственные округа) в социальном отношении представлял автономную общину, которая имела свое войско и управлялась «старейшинами» («старцами»). ⁸⁶ До похода Святослава она непосредственно была подчинена каганату, власть которого осуществлялась через хазарский гарнизон и его главу — тумен-тархана. После падения Хазарии Тамтаракай, очевидно, оказался в сфере интересов формирующегося объединения, что не могло не привести к конфликтам адыгов с его прохазарски настроенными верхами, которым принадлежали рынок и порт. Утверждение в это время в городе зихского епископата свидетельствует о том, что Византия не замедлила вмешаться в тот клубок слож-

ных и противоречивых отношений, который завязался между тамтаракайской (тматороканской) общиной — «козарами» русской летописи, и адыгским объединением. Выход из создавшейся ситуации, по-видимому, был найден самими верхами города. Успехи русских дружин в Таврике, завершившиеся падением форпоста империи в Северном Причерноморье Херсона (Корсуна), должны были логически привести их к осознанию неизбежности восстановления тех вассальных отношений с Русью, которые установились в результате похода Святослава. Следствием этого, можно думать, и явилось на первый взгляд трудно объяснимое вокняжение в дельте Кубани русского князя-наместника и превращение ее в один из уделов Киевской Руси. Произошло это, однако, по-видимому, не без сопротивления тех групп городского населения, которые еще надеялись на возрождение каганата и в конкретной ситуации начала XI в. пытались ориентироваться на Византию. В «Памяти и похвале» князю Владимиру, написанной в конце XI в. «мнихом» Иаковом, упоминается поход Владимира «на казар», завершившийся победой и наложением на побежденных дани. Поскольку в эпоху Владимира и автора посвященного ему панегирика хазары («козары» или «казары») как живая и политически активная этнографическая общность продолжали существовать только в районе Керченского пролива, нет оснований сомневаться в том, что этот поход был направлен против враждебных установлению близких отношений с Русью тматороканских хазар и что именно он привел к утверждению русского наместничества в Тматорокане.⁸⁷

Некоторые русские источники (в частности, так называемое «Южно-Русское житие» Владимира) дают основание полагать, что первым русским наместником в Тматорокане стал сын Владимира Святослав, который, однако, пробыл здесь не долго и был переведен в Древлянскую землю, на удел, расположенный ближе к Киеву.⁸⁸ Его место в Тматорокане после этого занял Мстислав, родной брат Святослава. Как один из младших княжичей в многочисленном семействе Владимира, Мстислав вряд ли мог рассчитывать на богатый и престижный удел в коренных русских землях, поэтому с момента своего вокняжения в Тматорокане он взял курс на укрепление связей с «казарами» — общиной города и ее верхами, с окружавшей город «касожской» (адыгской) периферией и местной зихской епархией, несомненно, представлявшей значительную идеологическую и экономическую силу, на которую ориентировались провизантийски настроенные группы местного населения. Даже сыну своему, которого он в 1023 г., уходя на Русь, оставил править в Тматорокане, Мстислав дал популярное среди христиан Кавказа и необычное для русской великокняжеской семьи имя — Евстафий,⁸⁹ подчеркивая тем самым свое стремление влиться в новую для него культурную среду и свой пиетет по отношению к местной независимой от русской митрополии церкви.

Однако братоубийственная война, начавшаяся после смерти Владимира, в которой одним из первых пал его брат Святослав, неожиданно изменила положение Мстислава в семейной иерархии и открыла ему дорогу к великокняже-

ской власти в Киеве. Для достижения этого нужны были только крупные людские и материальные ресурсы, более крупные чем те, которыми располагали другие претенденты: захвативший Киев Святополк и собиравший против него силы в Новгороде Ярослав. Маленькое Тмутороканское владение такими ресурсами не обладало, и Мстислав приступает к осуществлению давно назревшего слияния Тмутороканя и адыгского объединения, в котором равным образом были заинтересованы и община города, и на протяжении многих десятилетий тянувшиеся к нему адыгские племена, и территориальные группы. Военная экспедиция в Таврику, направленная в 1016 г. Византией,⁹⁰ попытавшейся в своих целях использовать междуусобицу на Руси, создала прямую угрозу как независимости Тмутороканя, так и целостности адыгского объединения. Расположившийся у берегов Таврики византийский флот, в составе которого находились также и русские наемники, заставлял общину города и верхи адыгского объединения торопиться с осуществлением их слияния, и задуманная Мстиславом политическая акция не потребовала даже ведения кровопролитных и разорительных для обеих сторон военных действий. Проблема была решена путем ритуального поединка двух соверенов — Мстислава к «касожского князя», который произошел открыто перед их «полками» и так поразил современников, что долго еще воспевался и русскими сказителями, и адыгскими джеагуко.

Победивший своего соперника Мстислав стал единственным главой всех племен и этнотерриториальных общностей Северо-Западного Кавказа и признанным предводителем их дружин, а Тмуторокань — столицей адыгского объединения, превратившегося теперь в автономное политическое образование, управляемое представителем русской великокняжеской династии. Возникавшие в течение IX-X вв. эпизодические связи адыгов с Русью стали с этого времени тесными и постоянными. Вплоть до начала XII в. адыгское объединение, известное на Руси под именем его столицы Тмутороканя, развивалось как органическая часть Древнерусского государства — Киевской Руси, одной из самых значительных империй раннего средневековья.

¹ Лавров Л. И. Адыги в раннем средневековье // Сборник статей по истории Кабарды. Вып. IV. Нальчик, 1955. С. 19-64.

² См., напр.: Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971; Панеш Э. Х. Этническая психология и межнациональные отношения. Взаимодействие и особенности эволюции (на примере Западного Кавказа). СПб., 1996; Бетров Р. Ж. 1) Происхождение и этнокультурные связи адыгов. Нальчик, 1991; 2) Адыги. Истоки этноса. Нальчик, 1992; 3) Этническая история адыгов. Нальчик, 1996; 4) Этапы этнической истории адыгов // Эльбрус. Нальчик, 1999. №2 (11). С. 135-158.

³ См., напр.: Очерки истории Адыгеи. Майкоп, 1957; Очерки истории Карачаево-Черкесии. Т. I. Ставрополь, 1967; История Кабардино-Балкарской АССР. Т. I. Нальчик, 1967; Кубань с древнейших времен до 1920 г. Краснодар, 1996.

⁴ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. / Отв. ред. Б. Б. Пиотровский (серия: История народов Северного Кавказа / Отв. ред. А. Н. Нарочницкий). М., 1988.

⁵ *Гадло А. В.* Тматороканские этюды: 1) Страна адыгов во второй половине I тыс. н.э. // Вестн. Ленингр. ун-та. 1989. Сер. 2. Вып. 1 (№ 2); 2) Держава Инала и его потомков // Вестн. Ленингр. ун-та. 1989. Сер. 2. Вып. 3 (№ 16); 3) Мстислав // Вестн. Ленингр. ун-та. 1990. Сер. 2. Вып. 2 (№ 9).

⁶ Характеристика поселений, жилищ и хозяйственных построек адыгов дается на основании собственных исследований автора на территории Краснодарского края, а также на основании материалов, опубликованных в нижеследующих трудах: *Деоник В. В.* Адыгские племена // Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР, III-V вв. / Отв. ред. Б.А.Рыбаков. М., 1958. С. 633-642; *Алексеева Е. П.* 1) Материальная культура черкесов в средние века (по данным археологии) // Труды Карачаево-Черкесского НИИ. Ставрополь. Вып. IV. 1964. Сер. историческая. С. 146-252; 2) Погребальный обряд и материальная культура раннесредневековых адыгских племен // Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии. Т. III. Орджоникидзе. 1975. С. 41-49; 3) Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971. С. 174-196; *Анфимов И. В.* Зихские памятники Черноморского побережья Кавказа // Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980. С. 92-113; *Ковалевская В. Б.* Северокавказские древности. Западное Закавказье // Степи Евразии в эпоху средневековья. Серия «Археология СССР». М., 1980. С. 90-93; *Монгайт А. Л.* Некоторые средневековые археологические памятники Северо-Западного Кавказа // Советская археология. М., 1955. Вып. XXIII. С. 321-340; *Кобылина М. М.* Раскопки Фанагории // Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры АН СССР. Вып. 37. М., 1951. С. 232-237; *Плетнева С. А.* Древние болгары в бассейне Дона и Приазовья // Плиска-Преслав. Вып. 2. София, 1981. С. 9-19; *Гадло А. В.* Проблема Приазовской Руси и современные археологические данные о Южном Приазовье III-X вв. // Вестн. Ленингр. ун-та. 1968. № 14. Вып. 3. С. 55-56. — Кроме того, использованы следующие архивные материалы: *Рыбаков Б. А.* Отчеты о работах Таманской археологической экспедиции Института археологии АН СССР (1952-1955 гг.) // Архив Отдела Полевых Исследований Института археологии АН СССР (далее — Архив ОПИ ИА АН СССР). Р. I. №918, 919, 1051, 1052, 1417, 1418; *Носкова Л. М.* 1) Отчет о работе Псекупского отряда Кавказской археологической экспедиции Государственного музея искусства народов Востока за 1982 г. М., 1983 // Архив ОПИ ИА АН СССР. Р. I. № 8969-8969а; 2) Отчет о раскопках Ново-Вочепшиевского отряда Кавказской археологической экспедиции Государственного музея искусства народов Востока в 1983 г. М., 1984 // Там же. Р. I. № 9369-9369а; 3) Отчет о раскопках Ново-Вочепшиевского отряда Кавказской археологической экспедиции Государственного музея искусства народов Востока в 1984 г. М., 1985 // Там же. Р. I. № 10350-10350а.

⁷ О земледелии у адыгов периода раннего средневековья см.: *Лавров Л. И.* Развитие земледелия на Северо-Западном Кавказе с древнейших времен до середины XVIII в. // Материалы по истории земледелия. Т. I. М., 1952. С. 179-225; *Анфимов И. В.* Зихские памятники. С. 104, рис. 11(2); *Дмитриев А. В.* Могильник эпохи переселения народов на реке Дюрсо // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Вып. 158. М., 1979. С. 54, рис. 2 (14, 16).

⁸ Мас'уди о Кавказе // Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда. X-XI веков. М., 1963. Приложение III. С. 206. См. также: С. 206, прим. 82 (из «Мурудж ад-Дзахаб»). Гл. XVII, §18).

⁹ Повесть временных лет / Подготовка текста Д. С. Лихачева / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Ч. I. Текст и перевод. М.; Л., 1950. С. 99 (Под 1022 годом); *Гадло А. В.* Поединок Мстислава с Редедей, его политический фон и исторические последствия // Проблемы археологии и этнографии Северного Кавказа. Вып. 2. Краснодар, 1988. С. 84-100.

¹⁰ *Багрянородный* Константин. Об управлении империей. Текст. Перевод. Комментарии. Пер. Г. Г. Литаврина / Под ред. Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева. М., 1989. С. 174-177 (гл. 42).

¹¹ *Недков В.* България и съседните и земи през XII век според «Географията» на Идриси. София, 1960. С. 101.

¹² *Феофан* Исповедник. Хронография // Чичуров И. С. Византийские исторические со-

чинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. М., 1980. С. 36, 38, 60, 110; *Багрянородный* Константин. Об управлении империей. С. 174-177 (гл.42). См. также: *Брун Ф.* Следы древнего речного пути из Днепра в Азовское море // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1863. Т. V. С. 146 и др.

¹³ *Кузнецов В. А.* 1) Алания в X-XIII вв. Орджоникидзе, 1971. С. 86-92; 2) Очерки истории алан. Орджоникидзе, 1984. С. 151, карта на с. 152 (рис. 24); *Алексеева Е. П.* Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971. С. 113-114.

¹⁴ *Дмитриев А. В.* Могильник эпохи переселения народов на реке Дюрсо. С. 54. См. также: *Рыбаков Б. А.* Средневековая литейная форма из Фанагории // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 57. М., 1956. С. 180-182.

¹⁵ *Анфимов Н. В.* Средневековые амфоры с нефтью с Таманского полуострова // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М., 1958. Вып. 49. С. 151 и сл.

¹⁶ *Багрянородный* Константин. Об управлении империей. С. 272-273 (гл.53).

¹⁷ *Артамонов М. И.* История хазар. Л., 1962. С. 403-404; *Заходер Б. Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т.Н. М., 1967. С.84-90; *Розен В.* Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. Ч.Н (Разыскания А.Куника). СПб., 1903. С. 142-143; См. также: *Мас'уди* о Кавказе. С. 198-201 (§8, 9: О пути через Керченский пролив); *Гаркави А. Я.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII века до конца X века по Р. Х.). СПб., 1870. С. 249-255 (приводится текст и комментарии о пути русов через Керченский пролив Ибн ал-Факиха, текст которого позднее был вновь переведен А. Куником).

¹⁸ См.: *Керамика и стекло древней Тмутаракани* / Отв. ред. Б.А.Рыбаков. М., 1963.

¹⁹ «Худуд ал-алам» — рукопись А. Туманского / Перевод, введение, указатели В. В. Бартольда. Л., 1930. С. 31.

²⁰ *Иерусалимская А. А.* «Великий шелковый путь» и Северный Кавказ. Л., 1972.

²¹ *Дмитриев А. В.* Могильник эпохи переселения народов на реке Дюрсо. С. 53, 56; *Скоковский Н. И.* Ильичевское городище // Советская археология. 1966. № 4. С. 125-141.

²² *Кропоткин В. В.* Экономические связи Восточной Европы в I тыс. н.э. М., 1967. С. 47-54.

²³ *Голенко К. В.* Новые материалы к изучению таманских подражаний византийским монетам // Византийский временник. Вып. XVIII. М., 1961. С. 216-225; *Кропоткин В. В.* 1) Византийские монеты из Таматархи-Тмутаракани // Керамика и стекло древней Тмутаракани / Отв. ред. Б.А.Рыбаков. М., 1963. С. 175-185; 2) Экономические связи Восточной Европы. С.53-54.

²⁴ *Лавров Л. И.* 1) Адыги в раннем средневековье. С. 31-32; 2) Зарождение и становление феодальных отношений у адыгов (IУ-XI вв.) // История Кабардино-Балкарской АССР. Т. I. Нальчик, 1967. С. 62-71.

²⁵ *Багрянородный* Константин. Об управлении империей. С. 272-273 (гл. 53); *Лавров Л. И.* Адыги в раннем средневековье. С. 32.

²⁶ Материалы могильников см.: *Саханев В. В.* Раскопки на Северном Кавказе в 1911-1912 гг. // Известия Археологической комиссии. Пг., 1914. Т. 56. С. 75-219; *Спицын А. А.* Могильники VI-VII вв. в Черноморской области // Известия Археологической комиссии. СПб., 1907. Т. 25. С. 188-192; *Покровский М. В.* Пашковский могильник № 1 // Советская археология. Вып.1. М., 1936. С. 159-170; *Анфимов Н. В.* 1) Река Кубань // Археологические исследования в РСФСР 1934-1936 гг. М.; Л., 1941. С. 214-219; 2) Зихские памятники...; *Смирнов К. Ф.* О некоторых итогах исследования могильников меотской и сарматской культур Прикубанья и Дагестана // Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. Вып. 37. М., 1951. С. 151-160; *Дмитриев А. В.* Могильник эпохи переселения народов на реке Дюрсо; *Ковалевская В. Б.* Северокавказские древности. С. 90-93; *Тарабанов В. А.* Средневековый могильник у аула Казазово // Проблемы археологии и этнографии. Историческая этнография: традиции и современность. Вып. 2. Л., 1983. С. 148-155; *Носкова Л. М.* Средневековые погребения Ново-Вочепшиевского могильника // Древние памятники Кубани. Краснодар, 1990. С. 42-45; *Пьянков А. В.* Новый средневековый могильник у а. Казазово // Там же. С. 46-51. — Материалы могильников Северо-Западного Кавказа, в том

числе полученные в течение последнего десятилетия, обобщены Джигуновой Ф. К. — Западное Предкавказье в IV IX вв.: Автореф. канд. дис. СПб., 2000.

²⁷ См.: *Саханев В. В.* Раскопки на Северном Кавказе в 1911-1912 гг.; *Дмитриев А. В.* Могильник эпохи переселения народов на реке Дюрсо; *Иерусалимская А. А.* «Великий шелковый путь» и Северный Кавказ; *Ковалевская В. Б.* Северокавказские древности. С. 90-93. (На с.93 В.Б.Ковалевская также отмечает социально-экономический сдвиг в сторону дифференциации общества.)

²⁸ Мас'уди о Кавказе. С. 206.

²⁹ *Лавров Л. И.* Адыги в раннем средневековье ... С. 35-39; *Воронов Ю. Н.* Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар, 1979. С. 72-82; *Анфимов Н. В.* Зихские памятники ... С. 110-112. — Важнейшим источником для локализации отдельных этнических общностей и процесса их консолидации в I-V вв. н.э. является сочинение «Безымянного автора» (Псевдо-Арриана), которое было составлено в самом начале VI в. (Безымянного автора «Объезд Эвксинского Понта». (Пер. В.В.Латышева и Э.Н.Штерна) // Известия древних писателей латинских и греческих о Скифии и Кавказе / Собрал и издал В.В.Латышев. СПб., 1890. Т. I. Вып. 1 (Греческие писатели). С. 271-288). — В районе между современными Анапой и Геленджиком «от Синдской гавани до гавани Пагры» в этом сочинении указана этническая общность «эвдусиане», которую большинство исследователей считает одним из ответвлений германской общности готов — готами-тетракситами (см.: *Васильев А. А.* Готы в Крыму. Ч. I // Известия Государственной Академии истории материальной культуры. Пг., 1921. Т. I. С. 69). Последним эту точку зрения поддержал А.В.Дмитриев, отождествлявший с готами общность, оставившую могильник Дюрсо (нижний горизонт), находящийся в районе Новороссийска (см.: *Дмитриев А. В.* Могильник эпохи переселения народов на реке Дюрсо. С. 56). Анализ греческого текста Псевдо-Арриана, на наш взгляд, не дает оснований для утверждения о том, что эвдусиане являлись готами. Вероятнее всего, это была одна из протоадыгских групп, подобная ахеем, приморской общности, инкорпорированной зихами. Этноним «эвдусиане» предоставляет местный, скорее всего адыгский термин, искаженный автором, писавшим по-гречески.

³⁰ *Прокопий* из Кесарии. Война с готами / Пер. С. П. Кондратьева. М., 1950. С. 379 (кн. IV (VIII), 2, 16), 383-384 (кн. IV (VIII), 4, 3, 5, 7); *Гадло А. В.* 1) К этнической истории адыгских племенных объединений (сагины-шегаки) // XIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: Тезисы докладов. Майкоп, 1984. С. 70-72; 2) История адыгского племенного шегаков и вопрос о начальном этапе формирования адыгской народности // Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1982-1983 гг.: Тезисы докладов. 4.2. Черновцы, 1984. С. 65-66.

³¹ *Гадло А. В.* Об одном средневековом наименовании адыгов // Краткое содержание докладов Среднеазиатско-Кавказских чтений. Апрель 1985 г. / Под ред. В. П. Курылева. Л., 1986. С. 10-11.

³² *Гадло А. В.* Этническая история Северного Кавказа IУ-X вв. Л., 1979. С. 76-86, 106-126.

³³ *Епифаний.* Хождение апостола Андрея в стране мирмидонян // Васильевский В. Г. Труды. Т. 2. Вып. I. СПб., 1909. С. 275. — Следует отметить, что высказанное в монографии «Этническая история Северного Кавказа IУ-X вв.» (Л., 1979. С. 75) предположение о тождестве касогов и сагинов-сугдов в дальнейшем было нами снято. См.: *Гадло А. В.* Об одном средневековом наименовании адыгов...

³⁴ *Гадло А. В.* Этническая история Северного Кавказа ... С. 97-100; См. также: *Гадло А. В.* Основные этапы и тенденции этносоциального развития этнических общностей Северного Кавказа в период раннего средневековья // Вестн. Ленингр. ун-та. 1986. Сер. 2. Вып. I. С. 16, 21.

³⁵ *Джанашвили М. Г.* Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России. I. Описание Осетии, Дзурдзукетии и Дидоэтии, Тушетии, Алании и Джикетии // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 22. Тифлис, 1897. С. 21. В переводе М. Г. Джанашвили «хаскун».

- ³⁶ *Прокопий* из Кесарии. Война с готами. С. 399-402 (кн. IV (VIII), 9).
- ³⁷ *Чичуров И. С.* Византийские исторические сочинения. С. 27, 51, 79 (Феофан Исповедник. Хронография); *Артамонов М. И.* История хазар. Л., 1962. С. 89-92; *Гадло А. В.* Этническая история Северного Кавказа. С. 80-82.
- ³⁸ *Гадло А. В.* Византийские свидетельства о Зихской епархии как источник по истории Северо-Восточного Причерноморья // Из истории Византии и византиноведения / Под ред. Г.Л.Курбатова. Л., 1991. С. 93-106.
- ³⁹ *Епифаний.* Хождение апостола Андрея. . . С. 268, 275. — В грузинском варианте «Хождения ...» о зихах говорится, что они «были жестокосерды и весьма злы делами своими, неверующи и беспастырны». — См.: *Мровели Леонти.* Жизнь картлийских царей. Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана / Пер. Г. В. Цулая. М., 1979. С. 33.
- ⁴⁰ *Прокопий* из Кесарии. Война с готами. С. 383-384 (кн. IV (VIII), 4, 1-5).
- ⁴¹ *Гадло А. В.* Основные этапы и тенденции... С. 16.
- ⁴² *Кулаковский Ю. А.* История Византии. Т. III. Киев, 1915. С. 285-290, 297-301; *Артамонов М. И.* История хазар. С. 196-201.
- ⁴³ *Гадло А. В.* К этнической истории адыгских племенных объединений. С. 72.
- ⁴⁴ См.: *Васильевский В. Г.* Житие Стефана Сурожского // Труды. Т. 3. СПб., 1915. — Впервые епископии Херсона, Боспора и Сугдеи названы зихскими в так называемых «нотциях К. де Боора» (см.: *Гадло А. В.* Византийские свидетельства о Зихской епархии. С. 94-98).
- ⁴⁵ История агван Моисея Каганкатвацци, писателя X в. / Пер. К. Патканьяна. СПб., 1861. С. 261. — Автор упоминает о двух походах через Абхазию на Северный Кавказ.
- ⁴⁶ *Сабинин М.* Полное жизнеописание святых грузинской церкви. Ч.3. СПб., 1873. С. 75; *Гадло А. В.* Этническая история Северного Кавказа... С. 196-197.
- ⁴⁷ *Гадло А. В.* Этносоциальные процессы на Северном Кавказе в свете археологических источников УШ-Х вв. // Проблемы археологии и этнографии. Историческая этнография. Вып. III. Л., 1985. С. 70-79.
- ⁴⁸ *Биджиев Х. Х.* Хумаринское городище. Черкесск, 1983.
- ⁴⁹ *Анчабадзе З. В.* Из истории средневековой Абхазии (VI-XVII вв.). Сухуми, 1959. С. 92.
- ⁵⁰ *Гадло А. В.* Князь Инал адыго-кабардинских родословных // Из истории феодальной России. Л., 1978. С. 25-33.
- ⁵¹ Древнетюркский словарь. Л., 1969. С. 209, 547.
- ⁵² *Гадло А. В.* 1) Князь Инал...; 2) История адыгского племени шегачев...
- ⁵³ *Ногмов Ш.-Б.* История адыгейского народа / Вступительная статья и подготовка текста Т. Х. Кумыкова. Нальчик, 1982. С. 76.
- ⁵⁴ См.: *Гадло А. В.* Основные этапы и тенденции...
- ⁵⁵ *Ногмов Ш.-Б.* История... С. 76-78. — О событиях в Абхазии см.: *Матиане Картлиса* (Летопись Картли). Пер., введение, прим. Лордкипанидзе / Под ред. З. В. Анчабадзе, Тбилиси, 1976. С. 78; *Анчабадзе З. В.* Из истории средневековой Абхазии (VI-XVII вв.). С. 100.
- ⁵⁶ *Инал-Ипа Ш.Д.* Абхазы. Историко-этнографические очерки. Сухуми, 1960. С. 121.
- ⁵⁷ *Саидов И. М.* Мехк кхел (совет страны) у нахов в прошлом // Кавказский этнографический сборник. Очерки этнографии горной Ингушетии. Т. 2. Тбилиси, 1968.
- ⁵⁸ *Ногмов Ш.-Б.* История... С. 77.
- ⁵⁹ Подробный разбор вопроса о преобразованиях Инала в Стране адыгов дан в тексте диссертации: *Гадло А. В.* Северный Кавказ в IY-X вв.: Проблемы этнической истории: Докт. дис. М.; Л., 1984. Рукопись. С.310-314 (Архив Ин-та этнографии АН СССР).
- ⁶⁰ *Лавров П. А.* Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности // Труды славянской комиссии АН СССР. Т. I. Л., 1930. С. 30.
- ⁶¹ *Багрянородный Константин.* Об управлении империей. С. 174-177 (гл. 42).
- ⁶² *Мровели Леонти.* Жизнь картлийских царей. С. 33. — Интерполированный в текст фрагмент грузинской версии «Хождения апостола Андрея. . .», написанного Епифанием.
- ⁶³ Стремление империи сохранить таким образом свою агентуру на адыгской территории вполне объяснимо. Согласно хронике «Матиане Картлиса» (с. 78) правитель Абхазии Леон II

(70-80-е годы VIII в.) «отложился от греков» и, как свидетельствует «житие» Арчила II (*Инал-ипа Ш.Д.* Историко-этнографические очерки. Сухуми, 1965. С. 122.), всерьез претендовал на расширение своих владений не только в сторону Эгриси, к югу, но и на север, в области, вассальные по отношению к каганату.

⁶⁴ *Багрянородный* Константин. Об управлении империей. С. 174-177. (гл.42).

⁶⁵ *Ногмов Ш.-Б.* История... С. 79.

⁶⁶ *Коковцов П. К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932. С. 122-123, прим. 23.

⁶⁷ *Ногмов Ш.-Б.* История... С.79-82.

⁶⁸ Там же. С. 80-82. — Попытка Ш.-Б. Ногмова отождествить упомянутое в предании «татарское» войско с дружинами Святослава явно неудачна. На него, несомненно, повлияло то, что в предании говорится об осаде адыгами Саркела («Саркалы»), который в 966 г. был действительно взят Святославом.

⁶⁹ *Плетнева С. А.* Печенеги, тюрки и половцы в южнорусских степях // Материалы и исследования по археологии СССР. Л⁴ 62. М.; Л., 1958. С. 213; См. также: *Багрянородный* Константин. Об управлении империей. С. 40-41 (гл.6), 154-159 (гл.36).

⁷⁰ *Багрянородный* Константин. Об управлении империей. С. 50-53 (гл. 10-11).

⁷¹ Там же. С. 174-177 (гл.42).

⁷² Мас'уди о Кавказе. С. 206.

⁷³ *Артамонов М. И.* История хазар. С. 364.

⁷⁴ *Волкова Н. Г.* Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII — начале XX века. М., 1974. С. 21-22.

⁷⁵ Мас'уди о Кавказе. С. 206-207.

⁷⁶ Там же. С. 209. — «Абхазцы ... сейчас имеют своего царя, но аланский царь главенствует над ними» (Из «Мурудж ад-Дзахаб». Гл. XVII. §22).

⁷⁷ Повесть временных лет. С. 47 (Под 965 г.); *Гадло А. В.* Восточный поход Святослава (к вопросу о начале Тмутороканского княжения) // Проблемы истории феодальной России. Л., 1971. С.59-67. См. также: *Сахаров А. Н.* Дипломатия Святослава. М., 1982. С. 95-101.

⁷⁸ *Артамонов М. И.* История хазар. С. 428, прим. 10; *Сахаров А. Н.* Дипломатия Святослава. С.99-100.

⁷⁹ *Гадло А. В.* Восточный поход Святослава.... С.64-65.

⁸⁰ См.: *Плетнева С. А.* Средневековая керамика Таманского городища. С. 5-72.— С. А. Плетнева отмечает резкое изменение культуры города после похода Святослава в Хазарию, однако она уклоняется от этнического определения населения, культуру которого город принял (С. 68-70). Все ее внимание сосредоточено на выявлении в ней славяно-русских культурных традиций. Адыгские традиции ею в тексте не отмечаются, хотя, судя по описанию керамики, открытой на городище, и ее рисункам, они явно имеют место (например, рис. 14-15). Последнее, по-видимому, объясняется тем, что в период работ на городище экспедиции Б.А.Рыбакова и в период подготовки С.А.Плетневой статьи адыгские памятники практически еще не были открыты.

⁸¹ *Левченко М. В.* Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956. С. 83.

⁸² Повесть временных лет. С. 99 (Под 1022 годом).

⁸³ *Гадло А. В.* К истории Тмутороканского княжества в середине XI в. // Славяно-русские древности. Вып. 1: Историко-археологическое изучение Древней Руси. Л., 1988. С. 192-213.

⁸⁴ *Гадло А. В.* Поединок Мстислава с Редедей...

⁸⁵ Имеется в виду подавление византийским карательным корпусом выступления, возглавленного Георгием Цулой. — *Левченко М. В.* Очерки по истории русско-византийских отношений. С. 383-385; *Соколова И. В.* Печати Георгия Цулы и события 1016 г. в Херсоне // Палестинский сборник. Т. 23 (86). Л., 1971. С. 68-74.

⁸⁶ *Гадло А. В.* Поединок Мстислава с Редедей...

⁸⁷ *Гадло А. В.* О начале славяно-русской миграции в Приазовье и Таврику // Славяно-русская этнография. Л., 1973. С. 73-89.

⁸⁸ См. там же: С. 87. — Высказанную в указанной статье мысль о возможности отождествления Святослава Владимировича с начальником русского отряда, принимавшего участие в событиях 1016 г. в Таврике, Сфенгом в настоящее время приходится признать ошибочной.

⁸⁹ Повесть временных лет. С. 101 (Под 1033 годом); *Татищев В. Н.* История Российская: В 7 т. Т. 2. М.; Л., 1963. С. 77.—У В.Н.Татищева: «Умре Евстафий, сын Мстиславль во Тмуторокани, и бысть жалость велика по нем».

⁹⁰ *Соколова И. В.* Печати Георгия Чулы и события 1016 г. в Херсоне.

⁹¹ Слово о полку Игореве / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. С. 9; *Ногмов Ш.-Б.* История... С. 82, 84.

В. С. Уарзиати

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ГЕРБ АЛАН-ОСЕТИН

В традиционной культуре важное место принадлежит этническому самосознанию. Происхождение от общего предка, кровное родство, языковое единство всегда были критерием во всем этническом многообразии. На определенном этапе развития к ним добавляются факторы общности исторических судеб. Этот существенный момент начинает процесс разделения этнического и политического сознания. Длительный, растянутый во времени и пространстве сюжет свидетельствует об эпохе раннегосударственных образований и формировании в их рамках народностей.

Этническое, вернее сказать, этнополитическое сознание порождает феномен, одним из аспектов которого выступает этнический образ. Это апробированный способ осознания тождественности членов общества между собой и реальными или божественными предками. Различают две его разновидности: с одной стороны, *интраобраз*, а с другой — *экстраобраз*. В первом случае речь идет о представлении типичного в народе в оценке самого народа, т.е. о так называемом взгляде «изнутри»; во втором — об аналогичном представлении о народе в оценке соседних народов, т.е. о взгляде «извне».¹

В процессе становления форм этнического самосознания вырабатываются и способы их культурного самовыражения. Они составляют определенный инструментарий, без которого невозможно представить нормальное развитие национальной культуры. Ведущее место в нем принадлежит этнополитической символике, обозначающей наиболее характерные свойства народа. С этой точки зрения мы рассматриваем ее как понятную всем или подавляющему большинству данной этнической среды своеобразную кодировку. Символический интраобраз, или фонд национальной символики, «будет складываться из тех проявлений, которые маркируют типичные или кажущиеся таковыми свойства

этнической психологии и этнокультурных традиций, выделяющих данный этнос в ряду других этнических общностей».²

В полной мере это относится к существующим формам институциональной символики. Речь идет о гербе — официальной этнополитической эмблеме, которая овеществляла наследственность и неизменяемость идей бывшей государственной самобытности, а затем, возможно, и коллективную память о ней. В настоящей статье предполагается проанализировать средневековый герб алан-осетин и выявить его возможные культурно-исторические истоки.

Изображение герба, сделанного в первой половине XVIII в. грузинским ученым Вахушти, было выявлено Г. Д. Тогошвили в фондах Института рукописей имени К. Кекелидзе Академии наук Грузии. Впервые он был опубликован в первом томе «Истории Осетии в документах и материалах» (Цхинвал, 1962), подготовленной Г. Д. Тогошвили совместно с И. Н. Цховребовым. Кроме плохой копии рисунка и надписи, гласящей, что «герб скопирован с автографной карты Грузии», выполненной Вахушти, другой информации в названной книге нет. С нашей точки зрения, слабая документация не позволила тогда исследователям пойти дальше иллюстрирования книги. Этот иконографический источник хотя и относился к соответствующей эпохе, но, по мнению составителей, не был полноценным историческим документом.

Спустя десять лет Г. Д. Тогошвили вновь вернулся к этой теме в специальной статье о гербе. К ней была приложена увеличенная фотокопия упомянутого выше рисунка. В 1977 г. в монографии, посвященной критическому анализу сведений Вахушти об осетинах, исследователь вновь опубликовал изображение герба.

Все три указанные публикации черно-белые. Единственная цветная была помещена в разделе «Коротко о разном» в журнале «Советская женщина».³ Вряд ли ее можно назвать точной копией оригинала. Лишь приблизительно отражают оригинал и другие публикации изображения герба в различных научно-просветительских и учебных изданиях Владикавказа. Рассматривая рисунок, нельзя не отметить некоторую наивность исполнения.

Краткий обзор публикаций свидетельствует об определенном игнорировании данного иконографического источника. Причина видится в нескольких факторах. Прежде всего надо отметить, что мы имеем дело с единственным известным изображением герба. Тот факт, что ничего аналогичного до сих пор не обнаружено, естественно, настораживает исследователей и не освобождает от дальнейших поисков.

Вследствие всего, о чем было сказано выше, мы до сих пор не имеем публикации четкой и адекватной копии изображения герба с прагматическим его описанием. Тем не менее известные материалы позволяют сделать некоторые предположения и интерпретации. Для анализа будут использованы сведения Г. Д. Тогошвили, опубликованные им в статье на осетинском и в книге на грузинском языках.⁴

Рис. 1. Герб алан-осетин с рукописной карты 1735 г.

Герб изображен на рукописной «Карте Иберийского царства или всей Грузии» («Самэп'о ибэрииса ану кховэлта сакартвэлоси к'арта ану рук'а»). Она была выполнена Вахушти 22 января 1735 г. и ныне хранится в фондах Института рукописей АН Грузии (фонд Н. К⁸ 2079). На ней изображены также гербы грузинского государства, гербы трех отдельных царств — Картли, Кахети и Имерети, феодальных владений *самтавро* и некоторых соседних стран — Абхазии, Дагестана и Осетии.

Изображение этнополитического символа алан-осетин помещено в небольшую прямоугольную рамку. Основной его сюжет — крадущийся на фоне высокой цепи гор барс (рис. 1). По мнению Г. Д. Тогошвили, все на этом рисунке предельно ясно. Горы подчеркивают географическую среду обитания алан-осетин на Центральном Кавказе и, кроме того, являются воплощением категорий *крепости* и *вечности*. Относительно барса ученый писал, что образ станет понятнее, если вспомнить основные черты хищника.

Последовав этому совету, уточним у Альфреда Брэма: «Леопард (Репиз раг-слиз) — длина 170-200 см, причем 60-80 см занимает хвост. Имеет круглую голову с мало выдающейся мордой, основной фон его шерсти бледно-красновато-желтый, темнеющий на спине и более светлый на груди и брюхе; по этому фону разбросаны небольшие черные пятна... ». Следует отметить, что в дан-

ном случае значение имели не только внешние данные «самой совершенной из всех кошек на земном шаре». Альфред Брэм особо подчеркивал: «К сожалению, внутренние качества леопарда не соответствуют наружной красоте: он хитер, лукав, коварен, дик, зол, кровожаден и мстителен. Это наиболее опасный хищник».⁵

На Кавказе обитал переднеазиатский леопард, часто называемый барсом. По свидетельству специалистов, последние барсы были убиты в Осетии в 1949 г. недалеко от селения Сунжи и в 1952 г. у селения Гуфта близ Цхинвала. Исследователи кавказской фауны считали его особым подвидом леопарда, отличавшегося «почти полным отсутствием столь характерного для всех других форм красновато-желтого или красновато-рыжего оттенка».⁶

Изображение хищника на рассматриваемом рисунке достаточно точно соответствует описанию леопарда/барса. Согласно Г. Д. Тогошвили перечисленные выше качества животного и обусловили появление его фигуры на гербе алан-осетин. Разделяя точку зрения своего предшественника, вместе с тем обращаем внимание на «скрытую» часть информации, поскольку кроме картины *внешнего* описания существует еще и *внутренний* текст. Грузинский автор, пользуясь неизвестным ныне источником, не только перерисовал, но и специально подчеркнул, что речь идет именно об осетинском гербе. Над рисунком по-грузински сделана лаконичная надпись: «*овсэтиса*», что в переводе означает «(герб) Осетии».

Судя по рисунку, он сделан с изображения на прямоугольном куске ткани, закрепленном верхними концами. Это своего рода подобие хоругви или штандарта. Нижняя часть материи как бы подвернута и напоминает форму геральдических романских щитов, точнее, французских, имевших форму прямоугольника с закругленными и сходящимися под углом нижними краями.

Хищник изображен движущимся справа налево, если смотреть от зрителя. Голова его развернута в нашу сторону, о чем свидетельствует значительное расстояние между ушами. Навостренные уши, поднятая передняя правая лапа и откинутый в легком напряжении хвост передают крадущееся движение или паузу перед стремительным рывком вперед. Горный кряж изображен в определенной системе. Фактически это своеобразная трехъярусная пирамида.

Все, на что мы обратили внимание, заставляет вспомнить основные геральдические принципы. Неоценимую помощь при этом оказала книга Александра Лаклера «Русская геральдика», в 1990 г. переизданная в серии «Историко-литературный архив». Это фундаментальное исследование, впервые увидевшее свет в 1855 г., еще в конце прошлого века стало библиографической редкостью. Обращение к проблемам геральдики представляется уместным и своевременным. По мнению самого А. Б. Лаклера, «она, как всякая наука, должна осветить темное и объяснить смысл того, что для иного, не посвященного в ее тайны, кажется случайным, непонятным».⁷ Происхождение древнейших гербов автор однозначно связывает с германскими племенами и средневековым рыцарством.

Наиболее благоприятным для этого он считает период, который приходится на конец XI - начало XII столетия.

Основным элементом герба был щит, своего рода «земля, на которой было предоставлено деяниям, истории, воображению самого витязя представить символ или эмблему». Щит делился на несколько частей, названия которых связаны с направлением возможных ударов противника. Обороняясь, рыцарь принимал на свой щит удары: поперек — *рассеченный*, вдоль — *разбитый*, диагональный — *скошенный влево* или *скошенный вправо*. Утилитарное использование породило зеркальное отображение левой или правой частей щита. Их распределение шло со стороны защищающегося, а не нападающего.⁸

Наиболее любопытны для нас сведения о геральдических знаках, в первую очередь о фигурах животных. Приведем пространную цитату из книги А. Б. Лаклера, выделив в ней некоторые места. «По правилу они должны быть обращены в *правую* сторону, но если они смотрят влево, то называются *искривленными*. Самые любимые животные по символическому их значению в гербах — лев и *леопард*. Первый есть представитель силы, мужества и великодушия, а второй — *храбрости* и *отваги*. Лев так часто встречается в гербах, что для разных его поз придуманы особые названия; но, кроме того, он различается и по цвету, которым окрашивается: есть львы красные, голубые, даже горностаевого цвета или двух цветов. Обыкновенная геральдическая поза льва есть профиль, так что видны одно его ухо и один глаз. Он представляется стоящим на задних лапах, а передними бросающимся вправо, хвост же его поднят кверху и концом упадет на спину... Фигура леопарда отличается от льва тем, что видна вся его *голова с двумя глазами*, что он представляется идущим, т.е. *стоит на трех ногах, а четвертую заносит вперед*, и что хвост его падает не на спину, а, напротив, поднят кверху или откинут».⁹

К числу геральдических символов относятся и горы. В указанной книге читаем: «Земля помещается в гербах в *виде гор*, холмов, утесов. Чаще изображается одна только вершина горы».¹⁰ Обратим внимание, что речь идет не о горе или гористой местности, а именно о земле. Гора воспроизводит не просто понятие места или среды обитания, а более емкое понятие пространства. Наличие этого знака на геральдических щитах очень симптоматично. Культурное освоение окружающего мира или своеобразная «территоризация» пространства — важный этап перехода от племенной организации к более высоким социально-организационным общностям — средневековым народностям.

Интересно отметить, что выражение человеческого измерения в культуре проявлялось не только фигуративной, но и цветовой символикой. В геральдике это нашло свое полное отражение. Все краски имели собственное значение, менять и смешивать их строго воспрещалось. По словам А. Б. Лаклера, «идея цветов и число их совершенно соответствуют состоянию химии и физики в XI столетии». Символическое значение распределялось следующим образом: *золото* означает богатство, силу, верность, чистоту, постоянство; *серебро* — невинность,

белизну, девственность; *голубой* цвет — величие, красоту, ясность; *красный* — храбрость, мужество, неустрашимость; *зеленый* — надежду, изобилие, свободу; черный — скромность, образованность, печаль, и *пурпурный* — достоинство, силу, могущество». ¹¹

К сказанному добавим важный для нашей темы нюанс. Помимо красок к геральдическим цветам причисляли еще символику меха. Таковых было всего два — *горностаевый и беличий*. «Для первого принято следующее изображение: в серебряном поле черные мушки, отличающиеся тремя хвостиками». ¹² Говоря современным языком, мех горностая изображается в виде черных кисточек в три штриха на белом фоне. Иными словами, в нашем распоряжении оказался рисунок с геральдическими фигурами, выполненный аналогичной колористической символикой. Описание герба и единственная пока цветная публикация подтверждают это положение. На пурпурно-красном полотнище, которое от времени или из-за качества красителя стало розовым, изображен крадущийся барс. Серебристо-белая шерсть его сплошь, за исключением груди и живота, усеяна черными точками. Таким образом, средневековый художник не только создал эффект пятнистой шкуры реального животного, одновременно этим достигался и геральдический символизм горностаевого меха. Непреодолимая стена островерхих гор выполнена темно-голубой краской.

Использование сакральных цветов было призвано наглядно подчеркнуть значимость изображения. Как отмечал К. Маркс, чувство цвета «является популярнейшей формой эстетического чувства вообще». ¹³ В этом тонком наблюдении сквозит ответ на значимость цветового символизма. Цвет — своеобразная маркирующая форма материального и идеологического, наиболее выразительная реальность, связующая эти два начала.

В первую очередь это касается пурпурно-красной расцветки фона на гербе. Новейшие изыскания в сфере оптической физики показали, что этот цвет обладает максимальной длиной световой волны. Во многих культурно-религиозных традициях он является цветом, напрямую связанным с понятиями *священный, божественный, высший*. ¹⁴

Барс изображен расцветкой горностаевого меха, соответствующей принципам геральдики. И это не случайно: в средневековой европейской традиции горностай служил символом чистоты. Что же касается материалов осетинского языкознания, они показывают нам еще более древние традиции, превосходящие геральдические. Осетинское название хищного животного «стай» восходит к древнеиранскому *zlaui- и означает собственно *хищник, вор*. Слово «горностай» представляет возможное скрещение германского Багто («ласка») со скифским зйа] («рысь»). ¹⁵

Интересна и расцветка горной гряды. Как показал А. Б. Лаклер, голубой цвет символизирует такие понятия, как *величие, красота, ясность*. Изображение гор краской, соотносимой с категорией величия, представляется очень показательным. Любопытно, что в осетинском языке этот цвет называется

«аервгъуыз», в буквальном переводе — *цвет неба*. Следовательно, геральдический элемент выполнен соответствующей расцветкой, усиливающей его визуально-оптический код.

Изложенные факты и наблюдения позволяют утверждать, что на карте 1735 г. Вахушти изобразил не произвольную композицию. Рукой неумелого художника было воспроизведено изображение герба. Сюжет составлен из геральдических фигур, выполненных геральдическими цветами. Крадущийся барс подан на рисунке в строгом соответствии с принципами и законами геральдического письма. Речь идет о каноническом развороте головы в сторону зрителя, зеркальном движении в правую сторону и откинута в легком напряжении хвосте. Нет никаких сомнений, что в нашем распоряжении оказался уникальный иконографический источник — средневековый герб алан-осетин.

В связи со сказанным возникает закономерный вопрос: почему из всего разнообразия геральдических фигур и символов нашими предками были выбраны именно эти, а не другие? Попытаемся ответить на этот вопрос, чтобы окончательно рассеять возможные сомнения читателя в правомочности сделанных выше выводов.

Надо сказать, что барс достаточно широко представлен в культурной традиции многих народов Кавказа и Средней Азии. В нарттовском эпосе осетин идеальный герой Батраз персонифицируется в образе барса. В сказании «Смерть Хамыца» говорится: «Булатным ножом Аладжыко ударил Хамыца по шее. От ножа отлетел кусочек, с тех пор на небе появился месяц — кусочек ножа Аладжыко. Хамыц умер. — О собачьи нарти! Его вы убили, но с высоты на вас барс глядит, — крикнул Сырдон. А говорил так Сырдон о Батразе, сыне Хамыца».¹⁶ Обратим внимание, что это не простой барс. Он защитник и кровомститель, вззирающий на происходящие несправедливости с высоты («Уый ссары бакодтат, фаелае узем фаеранк уаелбылаей каесы»).

Вспоминаются и две великие поэмы — «Шахнаме» Фирдоуси и «Витязь в барсовой шкуре» Шота Руставели. Герой первой — Рустам — имеет эпитет *палангипаруш*, что в переводе на русский язык означает «одетый в барсовую шкуру». В грузинском языке этому выражению соответствует *взпхисткхаосани*, ставшее названием гениального творения Руставели. Обратим внимание: именно в *барсовую* шкуру, ибо тигр на Кавказе не был известен и упоминается по ошибке или как дань восточной экзотике.¹⁷

Воины в леопардовых/барсовых шкурах были выявлены на фресковых росписях в древнем Пенджикенте. При этом ученые отметили любопытную закономерность. Как правило, эти воины не имели тяжелых доспехов, вероятно, в таком необычном одеянии они считались неуязвимыми для врага и без брони. В интерпретации исследователей, один из них, возможно, является Рустамом.¹⁸

По оценке В. И. Абаева, детально рассмотревшего сюжет о воителях в звериных шкурах, перед нами яркий пример проникновения фольклорно-мифологических сюжетов в литературу. Оставляя этот вопрос в стороне, заметим

лишь, что тема получила развитие в работе Г. Д. Тогошвили, причем именно в геральдическом аспекте.

Как показали многолетние изыскания, в поэме Руставели образы Нестан и Тариела персонифицируются с именами царицы Тамар и ее мужа и соправителя Сослана-Давида Царазона. «В поэме Нестан сравнивается с барсом (вэпхи), — писал Г. Д. Тогошвили, — Тариел облачен в шкуру барса. Случайно ли это? Нам кажется, что найти что-либо случайное даже в деталях, характеризующих главных героев поэмы, вряд ли возможно. Это можно сказать и относительно барсовой шкуры. Эта несущественная *декоративная* деталь является своего рода *шифром* поэмы, раскрыть который современникам вряд ли стоило большого труда... Барс/леопард был символом (гербом) Осетинского царства, соседа и союзника Грузии. Представителем Осетинского царства был Сослан-Давид, и ношение шкуры барса — государственного (национального) символа — не является чем-то неожиданным и неестественным. Что касается Тамар, ее мать была осетинка, и наделение Нестан некоторыми чертами барса также в порядке вещей».¹⁹

По мнению исследователя, эти прозрачные намеки Руставели, наряду с прямыми упоминаниями в прологе и эпилоге поэмы имен Тамар и Сослан-Давида, однозначны. Они свидетельствуют об исторических реалиях, выраженных средствами высокой поэзии.

Определенные сомнения порождает хронологический разрыв. Поэма была написана в начале 90-х годов XII в., а единственное изображение герба датируется 30-ми годами XVIII столетия. Возникает закономерный вопрос об истоках. Что было в этническом осмыслении первично? Институциональная символика герба или же, наоборот, влияние поэтического гения на формирование массовой этнокультурной традиции и овеществление этнополитического символа?

Дата создания поэмы, кажется, свидетельствует о том, что на гербе изображен не просто барс, а персонифицированный исторический образ. Речь может идти именно об осетинском царевиче Сослане-Давиде. Однако нельзя забывать, что барс на гербе — фигура геральдическая, изображенная к тому же в классической позе. Кроме того, древнейшие гербы в настоящем смысле этого слова относятся к эпохе рубежа XI-XII вв. Иначе говоря, геральдическое письмо и феодально-рыцарская поэма Шота Руставели в каком-то смысле синхронны, ибо восходят к одной исторической эпохе.

Войдя в этнополитическую символику и закрепившись в ней, конкретная геральдическая фигура вступала во взаимодействие с этнической культурой. Она оказывала обратное этноконсолидирующее воздействие на общественное сознание и утверждала в нем представление об этой символике как «своей» или «исконной». Передаваясь из поколения в поколение, она воспринималась символом этнической самобытности. Особенно ярко это проявлялось, если речь шла о такой геральдической фигуре, как леопард/барс.

Данное предположение несколько проясняет ситуацию, хотя отсутствие чет-

ко документированных и строго датированных материалов не позволяет дать однозначный ответ. Мы пытаемся оперировать событиями и фактами эпохи формирования феодальной народности. Следовательно, в предшествующий период шел медленный, но неуклонный процесс накопления фонда этнокультурной символики. Именно поэтому возникавшие на донациональном этапе «контуры этнокультурной символики еще не сложились в целостную систему, не обрели значимости феномена, общего и дефинитивного для каждого данного этноса».²⁰

Сказанное предполагает еще более древние истоки появления барса на гербе и его исходной символики. Об этом ярко свидетельствуют исследования в сфере культуры древних индоевропейцев. Культ леопарда/барса отразился в различных архаических — индоиранской и шире — индоевропейской этнокультурных традициях.²¹

Осетинское название барса «фаеранк/фаеланк» составляет единый семантический круг с аналогичными обозначениями в индоиранских языках. В основе его лежит корень со значением *пестрый* или *яркий*. Характерная для речи западных осетин форма «фаеланк» предполагает его заимствование из персидского *palanš*. Фонетические закономерности позволяют предполагать факт заимствования еще в докавказский, а именно в скифо-сарматский период, когда действовал закон перехода звука «р» в звук «!». Вместе с тем В. И. Аббаев высказал интересную мысль о реальности того факта, что «старая чисто осетинская (скифская) форма *ṭaerclāŋk изменилась под влиянием персидского *palanš*».²²

Изложенные свидетельства не только подчеркивают культурно-историческую архаику. Они настоятельно подталкивают нас обратиться к столь же древним параметрам, без которых функционирование этнической культуры и связанной с ней символики невозможно. В первую очередь к числу таковых относятся категории времени и пространства. В частности речь должна идти в соответствующих параметрах скифо-сакского или восточноиранского мира.

Обратимся вновь к изображению горной гряды на гербе алан-осетин. Вне всякого сомнения, она являет собой попытку художественно-графического воспроизведения пространственного образа мира или модели мироздания. Обычно она определяется как ассоциативное отображение всей суммы представлений о мире в рамках какой-нибудь этнокультурной традиции. Видное место в многочисленных версиях модели мироздания занимают *дерево*, *гора*, *первопредок* и другие аналогичные образы.

Важнейшим принципом мифологической модели образа мира является ее многофункциональность. Выделяются пространственные, временные, анатомические, социальные, этиологические и другие ее функции. В данном случае следует обратить внимание на принцип вертикального и горизонтального членения «Мировой горы», изображенной на гербе. Горный кряж состоит из трех ярко выраженных вертикальных зон. Нижняя из них имеет четыре вершины, средняя — три, а верхняя, расположенная в самом центре и как бы венчающая эту

своеобразную пирамиду, — одну. Все компоненты композиции отражают трехчастную вертикальную и четырехчастную горизонтальную структуры мира.

Исследования по мифологии вообще, и скифо-сакской в частности, не оставляют сомнения в том, что перед нами очень значимые числовые символы. Они демонстрируют один из наиболее известных способов знакового выражения. С помощью чисел не только описывается окружающий человека мир, но и дается его качественно-количественная характеристика.

Во всех известных этнокультурных традициях *три* означает совершенное число. «Три не только образ абсолютного совершенства, превосходства, но и основная константа мифо-поэтического макрокосма и социальной организации. В отличие от динамической целостности, символизируемой числом *три*, число *четыре* является образом статистической целостности, идеально устойчивой структуры. Отсюда использование числа 4 и в мифах о сотворении Вселенной, и ориентации в ней: 4 стороны света, 4 главные направления. >.* Сумма указанных чисел дает магическое *семь*, характеризующее общую идею мироздания.

Продолжая мысль о числах, напомним, что *один*, как правило, означает такие понятия, как *целостность*, *единство*. Следовательно, с упорядоченностью можно сказать, что центральная вершина на гербе символизирует центр (аксиальную типологию) своеобразной модели мира. Следует добавить, что вертикальное описание горы в индоевропейских мифологических традициях весьма архаично. В ней сохраняются отголоски индоевропейского представления о всей Вселенной в виде грандиозной горы. Отсюда, вероятно, и понятие *ты-род небесная*.²⁴

Таким образом, снежные горы на гербе алан-осетин не следует упрощенно воспринимать как изображение Кавказских гор. Приведенный анализ позволяет утверждать, что Вахушти попытка в реальности применить воспроизвести метафору мифологического происхождения. Примеры шиповки она значительно раньше и, возможно, в иных географических условиях.

Восприятие и символическое отображение освоенного пространства предполагало его обустройство. Как правило, оно состояло в прогнании нечистой силы, ритуальном обходе, в утверждении святости и определении (ритуальном) то не просто сакрализация. Упорядоченная территория центра и периферии, места для живых и мертвых, центры. Это Земля, предназначенная не только для богов, но и для людей, их пояс безопасности... Для поддержания порядка нужны были и вооруженная защита».²⁵

Если все изложенное верно, а для сомнений как будто нет, то проясняется столь же древняя функция леопарда — охрана — сюжет его изображений позволяют говорить о широком применении в традиционных культурах индоиранских народов. Образ леопарда были призваны защищать освоенное пространство, будучи олицетворением.

жение с мотивом леопарда/барса имело символическую функцию окружения и охраны.²⁶ Отсюда и неуязвимость легендарных воинов в барсовых шкурах, воспетых во многих культурах Евразии.

В связи с этим необходимо отметить сюжеты, восходящие к восточноиранскому этническому массиву. Имеются в виду яркие свидетельства древности, в которых леопард/барс охраняет спокойствие и благополучие мира. В полевой сезон 1969/1970 гг. казахский археолог К. А. Акишев в предгорьях Семиречья на берегу р. Иссык раскопал погребение сакского вождя. Богатейшее захоронение под курганом Иссык вошло в мировую науку под условным названием *Золотой человек*.²⁷ Многочисленные золотые бляшки, изображающие одиночных животных, растительные мотивы и геометрические фигуры, объединены в костюме сакского воина в сложную композицию. Еще более впечатляющее зрелище представляет собой композиция на высоком остроконечном головном уборе. Обращает на себя внимание тот факт, что из всех бляшек на одежде 126 изображают только хищников кошачьей породы. Тем самым подтверждается исключительное значение образа леопарда/барса в военной идеологии саков Семиречья в V-IV вв. до н. э.

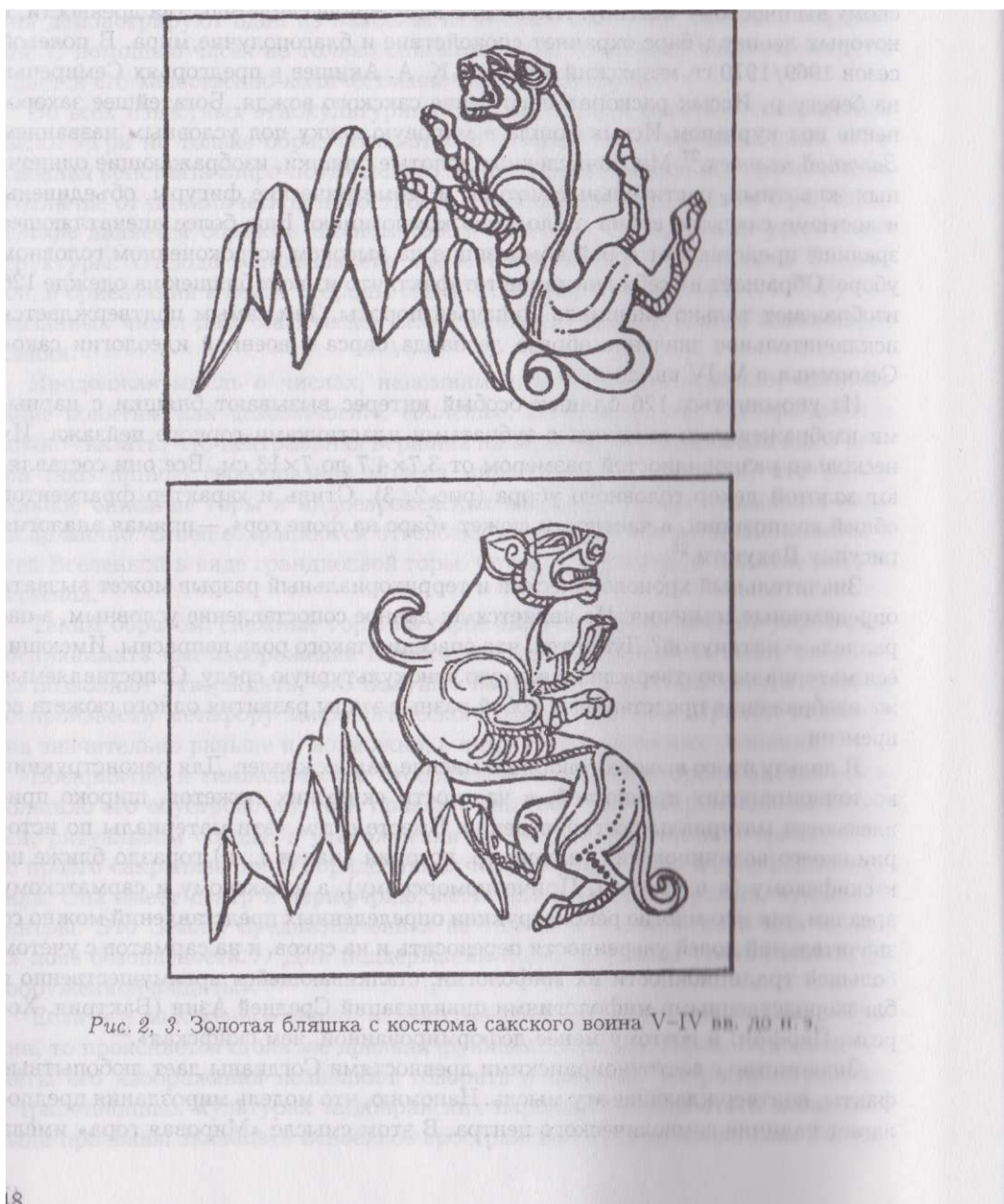
Из упомянутых 126 бляшек особый интерес вызывают бляшки с парными изображениями хищника с зубчатыми пластинками горного пейзажа. Их несколько разновидностей размером от 3,7x4,7 до 7x13 см. Все они составляют золотой декор головного убора (рис.2, 3). Стиль и характер фрагментов общей композиции, в частности сюжет «барс на фоне гор», — прямая аналогия рисунку Вахушти.²⁸

Значительный хронологический и территориальный разрыв может вызвать определенные сомнения. Не является ли данное сопоставление условным, а параллель — натянутой? Думается, что опасения такого рода напрасны. Имеющиеся материалы подтверждают единую этнокультурную среду. Сопоставляемые же изображения представляют собой разные этапы развития одного сюжета во времени.

В пользу этого вывода говорит и мнение наших коллег. Для реконструкции восточноиранских древностей, в частности скифских сюжетов, широко привлекаются материалы осетиноведения. Вместе с тем «эти материалы по истории своего возникновения (например, история алан и т. п.) гораздо ближе не к скифскому (в частности, Причерноморскому), а к сакскому и сарматскому ареалам, так что многие реконструкции определенных представлений можно со значительной долей уверенности переносить и на саков, и на сарматов с учетом большей традиционности их мифологии, сталкивающейся преимущественно с близкородственными мифологиями цивилизаций Средней Азии (Бактрия, Хорезм, Парфия) и поэтому менее деформированной, чем скифская».²⁹

Знакомство с восточноиранскими древностями Согдианы дает любопытные факты, подтверждающие эту мысль. Напомню, что модель мироздания предполагает наличие символического центра. В этом смысле «Мировая гора» имела

своим эквивалентом «Мировое дерево».³⁰ Во многих мифо-поэтических системах эти два понятия — взаимозаменяемые вертикальные символы. В зависимости от географической среды обитания предпочтение отдавалось тому или иному образу.

Сохранилось древнее изображение согдийского леопарда/барса, стерегущего дерево с четырьмя ветвями. Иначе говоря, он охраняет покой мироздания (рис. 4). В этом смысле мы имеем еще одну иконографическую параллель рассматриваемому гербу.³¹ Другой подобный сюжет изображен на тыльной стороне серебряного зеркала, обнаруженного Д. Г. Шульцем при раскопках раннескифского кургана недалеко от ст. Келермесской в 1904 г. Зеркало представляет собой серебряный диск диаметром 17 см, орнаментированный электровой обкладкой, состоящей из восьми секторов. Каждый из них посвящен картине мифологического содержания.³²

В одном из них, а именно четвертом секторе, древний мастер изобразил любопытную композицию. В узкой части сектора помещен баран, ноги которого подогнуты в традициях звериного стиля, выше — дугообразная перегородка, разделяющая плоскость на две части. В верхней изображен мощный барс в движении, стерегущий дерево с пятью ветвями (рис. 5).

«Мировое дерево» в данном случае воплощает трехчастное вертикальное мироздание. Корни символизируют низ, ствол — середину, а крона — верх. Особо отметим, что крона представлена конкретным числом ветвей, из которых средняя обозначала высоту, а боковые подчеркивали четырехчастную структуру. Барс охраняет Благоденствие мира. Образ же барана в таком случае лишь усиливает символику изображения.

В древних традициях индоиранцев баран (фыр) был воплощением *фарна*. Это слово, восходящее к *Bʰarǵna- (солнце), «обозначало все то благое, источником чего древние мыслили небо-солнце: *небесная благодать, благополучие, преуспевание, благопристойность, мир, тишина*».³³ В осетинском языке сохранилось и активно используется выражение «баесты фарн», что в переводе означает понятие «благоденствие страны (края) мира». Следовательно, запечатленная скифская композиция имеет не только глубокий идеологический смысл, но и реальные параллели в традиционной культуре осетин.

В частности, скудные сведения о магическом древе, растущем в потустороннем мире, сохранились в нарттовском эпосе. В сказании о путешествии нарта Сослана в «Страну мертвых» упоминается *Дерево Аза*. Его листья обладали чудодейственным свойством воскрешать умерших и давать жизнь. Они были затребованы у Сослана в качестве свадебного выкупа за дочь солнца Ацырухс. Он должен был посадить эти листья в четырех (!) углах построенного им дворца.³⁴

Название волшебного дерева находится в прямом соответствии с основой алг[г]та, обозначавшей какое-то растение. Таким образом, «в названии дерева Аза (Аза бээлас) нарттовский эпос в трансформированном виде сохранил

Рис. 4. Композиция на согдийском серебряном диске VII-VIII вв.

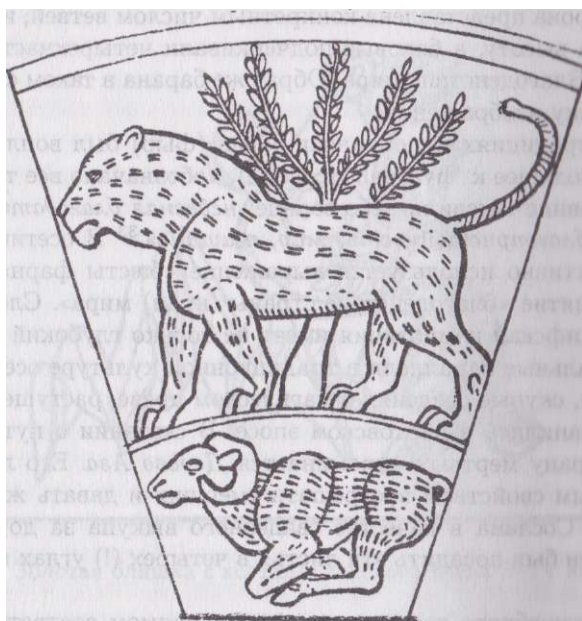
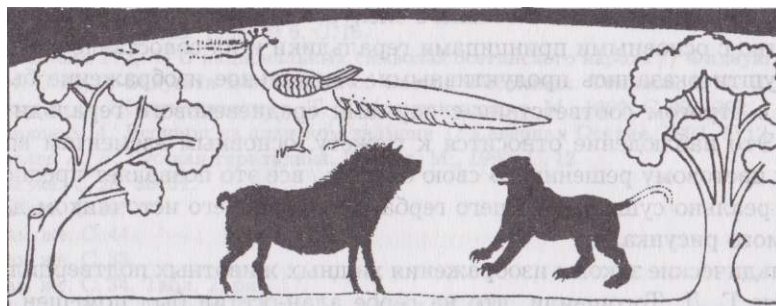

Рис. 5. Фрагмент скифского серебряного зеркала VII в.

I

Рис. 6. Фрагмент росписей Керченских склепов.

смутную память о каком-то *священном* дереве, игравшем важную роль в ритуальных обрядах индоиранцев, а само слово Аза/Азан восходит к др.-иран. a12ma. Создатели нартовского эпоса, видимо, не представлявшие уже реального значения *священного* дерева, пучки ветвей которого индоиранцы использовали при жертвоприношениях, наделили его сверхъестественными свойствами и поместили в загробном мире».

Прямую параллель согдийскому и скифскому изображениям представляет и другой сюжет. Имеется в виду сказание «Старый Урызмаг и Батраз», записанное со слов Васо Санакоты в январе 1929 г. в селении Дзау. «Вот в степи, посередине Мгона, стояло золотое дерево, и собрались вокруг него свиньи — корни того дерева подкапывают, хотят свалить его, чтобы даже корней не осталось. Тут Урызмаг улыбнулся... Я и сам видел, как то дерево сваливали, но, видимо, ты не знаешь, что в последний раз со свиньями приключилось: на них такой барс набросился, что всех их до одной растерзал (буквально: «в головы и туловища превратил»)).³⁶ Этот отрывок интересен для нас тем, что в тексте упоминаются золотое или необычное дерево в неизвестной ныне местности Мг'он («быдыр Мгъоны астаеу лэзууыди сызгъаерин бжлас») и охраняющий его барс (рис. 6).

Приведенные свидетельства позволяют говорить о древних истоках сюжета «барс/Мировая гора» и его инварианта «барс/Мировое дерево». Более того, все они происходят из одной среды восточноиранского культурного мира. В нашем распоряжении оказались достоверные свидетельства того, что элементы и образы этнополитической символики алан-осетин исподволь накапливались в предшествующие эпохи. В связи с этим вспоминаются слова известного историка культуры Ю. М. Лотмана. По его мнению, «символ никогда не принадлежит какому-либо синхронному срезу культуры — он всегда пронзает этот срез по вертикали, приходя из прошлого и уходя в будущее. Память символа всегда древнее, чем память его несимволического текстового окружения».

Подведем некоторые итоги нашего экскурса в культурное прошлое осетин. Знакомство с основными принципами геральдики и их сопоставление с рисунком Вахушти оказались продуктивными. Уникальное изображение было выполнено в строгом соответствии с нормами средневекового геральдического письма. Это наблюдение относится к сюжету, основным элементам композиции и их цветовому решению. В свою очередь, все это позволяет предполагать наличие реально существовавшего герба, послужившего источником для анализируемого рисунка.

Геральдические законы изображения хищных животных подтвердили предположение Г. Д. Тогошвили, что на гербе алан-осетин был помещен именно барс/леопард. Данный вывод позволяет поддержать мнение ученого о геральдическом характере основных героев поэмы Шота Руставели «Витязь в барсовой шкуре». Оно находится в полном соответствии с понятием этнического сознания и самовыражения, реализуемого в интра- и экстраобразах. Ведь этнический образ есть тот идеал, который мотивирует собственный или ожидаемый от других поведенческий канон. Использование методов семиотического подхода дало возможность выявить *внутренний* текст рассматриваемой символической композиции. Иконография герба воспроизводит тему пространственного выражения. Овладение средой обитания и шире — освоенным пространством — предполагает форму движения. Оно является не только неременным условием овладения миром, но и способом его защиты. В этом смысл*¹ перед нами раскрывается числовой символизм, выраженный в образе «мировой горы», и целенаправленное движение охраняющего ее барса.

В этнокультурных традициях многих народов символы — это устойчивый, если не консервативный, элемент. Они осуществляют преемственную и интегрирующую связь во времени и пространстве. Выявленные и привлеченные иконографические, фольклорные и языковые материалы подтверждают данный вывод в полной мере. Сюжет барса, стерегущего «Мировую гору древо», т. е. покой мироздания (багеты фарн), достаточно хорошо представлен в культуре индоиранцев с эпохи скифо-саков вплоть до алан-осетин.

Разница между ними заключается лишь в аксиологическом подходе. Как проявления этнического, религиозно-мифологического или потестарно политического сознания, наиболее ранние сюжеты не дифференцированы и в полной мере. Рассматривая их, можно судить только об аспектах. Лишь для коллективных представлений эпохи средневековья появляется возможность творить о гербе как символе этнополитического сознания. Герб алан-осетин отражал именно этап разделения этнического сознания от политического. Обычно он соответствует раннегосударственным образованиям и формированию в них рамок народностей. Но это уже тема специального исследования.

¹ Чеснов Л. В. Этнический образ // Этнические функции культуры. М., 1991. С. 1.

² Мыльников А. С. О формировании национальной символики // Расы и народы. Пис. 21. М., 1991. С. 5.

- ³ Советская женщина. 1986. № 6. С. 16.
- ⁴ *Тогошвили Г. Д.* 1) О национальных символах осетинского народа // Фидиуаг. Цхинвал, 1972. X' 4. С. 85; 2) Вахушти Багратиони об Осетии и осетинах. Тбилиси, 1977. С. 29.
- ⁵ *Брэм А. Э.* Жизнь животных. Т. 1. Млекопитающие. М., 1992. С. 201-202.
- ⁶ *Липкович А.* Леопард на аланском знамени // Северная Осетия. 1993. К' 12. 21 янв.
- ⁷ *Лаклер А. Б.* Русская геральдика. 2-е изд. М., 1990. С. 12.
- ⁸ Там же. С. 28, 30-31.
- ⁹ Там же. С. 39.
- ¹⁰ Там же. С. 44.
- ¹¹ Там же. С. 33.
- ¹² Там же. С. 34. Табл. 2, рис. 17.
- ¹³ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 13. С. 136.
- ¹⁴ *Топоров В. Н.* О ритуале. Введение в проблематику // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. М., 1988. С. 37.
- ¹⁵ *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. В 4 т. Т. III. М.; Л., 1978. С. 144.
- ¹⁶ Нарты. Осетинский героический эпос. Кн. 1. М., 1989 (на осет. и русск. яз.). С. 295; Кн. 2. М., 1990. С. 279.
- ¹⁷ *Абаев В. И.* О фольклорной основе поэмы Шота Руставели «Витязь в барсовой шкуре» // Абаев В. И. Избранные труды: Религия. Фольклор. Литература. Владикавказ, 1990. С. 492.
- ¹⁸ *Беленицкий А. М., Маршак Б. И.* Черты мировоззрения согдийцев VII-VIII вв. в искусстве Пенджикента // История и культура народов Средней Азии. М., 1976. С. 82.
- ¹⁹ *Тогошвили Г. Д.* Сослан-Давид. Владикавказ, 1990. С. 117-118.
- ²⁰ *Мыльников А. С.* О формировании национальной символики. С. 12-13.
- ²¹ *Гамкрелидзе Т. П., Иванов Вяч. Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. II Тбилиси, 1984. С. 506-507.
- ²² *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М.; Л., 1958. С. 450.
- ²³ Мифы народов мира. Т. II. М., 1982.
- ²⁴ *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. IV. М.; Л., 1989. С. 222-223; Мифы народов мира. Т. I. М., 1982. С. 311-315; *Акишев К. А.* Искусство и мифология саков. Алма-Ата, 1984. С. 21-23.
- ²⁵ *Чеснов Я. В.* Этнический образ. С. 73.
- ²⁶ *Акишев К. А.* Искусство и мифология саков. С. 47-48.
- ²⁷ *Акишев К. А.* Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. М., 1978; *Вген1/е\$ В.* Пег Т1егзИб 1т Еига81ет. Белрг1е, 1982.
- ²⁸ *Акишев К. А.* Курган Иссык. С. 86. Табл. 3; *Вген^ез В.* Бег Т1егз(лб 1ш Еига31ет. С. 92.
- ²⁹ *Акишев К. А.* Искусство и мифология саков. С. 171.
- ³⁰ Мифы народов мира. Т. I. С. 398.
- ³¹ *ВелениЫ А. М.* М1е1аз1еп К1швЪ с1ег Зо^еп. *Бециц*, 1980. 3.221.
- ³² *Кисель В. А.* Стилистическая и технологическая атрибуция серебряного зеркала из Келермеса // ВДИ. 1993. № 1. С. 112.
- ³³ *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. С. 421.
- ³⁴ Нарты. Осетинский героический эпос. Кн. 1. С. 200; Кн. 2. С. 151.
- ³⁵ *Гаглойти Ю. С.* Из нартской ономастики // Известия Юго-Осет. НИИ. Вып. 33. Тбилиси, 1990. С. 131.
- ³⁶ Нарты. Осетинский героический эпос. Кн. 1. С. 285; Кн. 2. С. 236.
- ³⁷ *Лотман Ю. М.* Символ в системе культуры // Символ в системе культуры. Труды по знаковым системам. Т. 21. Тарту, 1987. С. 11-12.

И. В. Дубов

О РАННЕЙ ДАТЕ ПОЯВЛЕНИЯ СЛАВЯН В ВЕРХНЕМ ПОВОЛЖЬЕ

Славянское расселение, захлестнувшее Волго-Окское междуречье в эпоху шего средневековья — исключительный феномен русской истории. Данной проблеме посвящено множество работ отечественных исследователей.¹ Одной наиболее дискуссионных тем является время, направление и характер на- много этапа славянской колонизации рассматриваемого региона.

Конкретно вопрос о хронологических этапах и нижней дате расселения льян в Волго-Окском междуречье был поставлен в начале XX в. в работе Н. Овсянникова «О колонизации в Суздальском крае с точки зрения архео- ?ии» и предложено его решение. Н. Н. Овсянников полагал, что колонизация ая состояла из двух этапов.

На первом этапе — в IX-XI столетиях — славяне продвигались сюда из райо- з Северо-Запада, на втором — в XII-XIII вв. — из Смоленского Поднепровья. дальнейшем эта точка зрения, носившая у Н. Н. Овсянникова чисто умозри- тельный характер, получила глубокое развитие в науке. Благодаря широкому горико-археологическим исследованиям она стала опираться на многочис- лые новые материалы и доказательства в ее пользу.

Таким образом, работа Н. Н. Овсянникова положила начало созданию гтрый й концепции славянской колонизации Волго-Окского междурсп.;

В конце 30-х годов XX столетия полевое изучение ярославских могиль- ков продолжила Я. В. Станкевич, производившая раскопки Тпмерейских и гхайловских курганов. Она относит начало славянского освоения края к Пв. и связывает древнейшие трупосожжения ярославских могильников со гвянами.³

Позже в литературе наибольшую популярность приобрела юч>а зрения И. Горюновой, которая отнесла начало массового заселения славянами Вол- Окского междуречья к концу X в.⁴

П. Н. Третьяков, в свою очередь, отмечал, что Е. И. Горюиона I шинм,ется на но-полтора столетия. По его мнению, начало славянской колони мини Зале- а следует относить к середине — второй половине IX столетия

В 60-70-х годах широкомасштабные раскопки ярославских мш и и.пиков — [мерёвского, Михайловского, Петровского — провела эксис.лнции под руко- дством М. В. Фехнер. На основании изучения погребального опря ы и инвен- ря М. В. Фехнер пришла к выводу, что славянская колонн шиши • ь начн- ется не ранее середины X в.⁶

Наиболее полный анализ проблем славянского заселения Волго-Окского междуречья представлен в трудах П. Н. Третьякова. Взгляды этого автора формировались на протяжении длительного времени, и, естественно, претерпевали некоторую эволюцию, нашедшую свое выражение в его недавних исследованиях.

Первоначально П. Н. Третьяков полностью поддерживал концепцию А. А. Спицына, полагая, что и «во второй половине первого тысячелетия н.э. Верхнее Поволжье было окраиной славянских земель».⁷ В последних своих работах П. Н. Третьяков формулирует свою позицию следующим образом: «С начала последней четверти первого тысячелетия здесь появляются первые памятники, принадлежащие северным древнерусским племенам».⁸ Массовое расселение славян в мерянских землях, по его мнению, происходило начиная с конца VIII — начала IX в.⁹

В полном виде все эти представления изложены в обобщающем исследовании П. Н. Третьякова «У истоков древнерусской народности».¹⁰

Таким образом, к началу 1970-х гг. нашего столетия в отечественной археологической науке сложились две основные точки зрения по проблемам заселения славянами северо-востока. Это позиция А. А. Спицына-П. Н. Третьякова о ранней дате колонизации (IX в.) и точка зрения Е. И. Горюновой и М. В. Фехнер о более поздней датировке (X в.).

Во второй половине 1970-х гг. возобновились раскопки Тимерёвского некрополя экспедицией во главе с М. В. Фехнер. Итогом этих работ, а также обобщением результатов, полученных в предшествующее время, явились две статьи М. В. Фехнер и Н. Г. Недошивиной.¹¹

В связи с вопросом хронологии славянской колонизации эти авторы отмечают, что «освоение территории Ярославского Поволжья славянами началось, видимо, во второй половине X в. Это угадывается по ряду кострищ, ориентированных по линии З-В, что можно связать со славянским этносом.

Курганы с кострищами этой ориентировки топографически обособлены от курганов с кострищами других ориентировок, разбросанных по всей территории могильника».¹²

Этим исчерпываются все аргументы данных исследований в пользу поздней даты начала заселения славянами Залесья (вторая половина X столетия).

Ясно, что подобные аргументы недостаточно подтверждены фактами и не могут служить доказательствами.

Таким образом, М. В. Фехнер и Н. Г. Недошивина полагают, что славяне появились в Ярославском Поволжье (Тимерёво) в период угасания этого центра, тогда как пик его расцвета в связи с повышением активности на Великом Волжском пути приходится на середину X столетия.

Согласно этим авторам, «судя по отдельным деталям захоронений: меридианальной ориентировке умерших, расчленению трупов в отдельных случаях, обряду жертвоприношения домашних животных, а также по находкам гли-

ганных бобровых лап, колец и костяных копоушек, характерных для населения Ярославского Поволжья, финский субстрат в могильнике превалирует. Следует подчеркнуть, что эти черты ярче всего проявляются в курганах с рупосожжениями».¹³

Заметим, что по заключению этих же исследователей к IX в. относится лишь один курган Тимерёвского могильника, где найдена глиняная лапа (№470), три насыпи датируются первой половиной X в. (№83, 351а, 390). Основная масса находок датируется второй половиной X столетия.¹⁴

Возникает вопрос: о каком же финском субстрате для Тимерёво можно говорить, если к начальной стадии его развития (IX в.) можно отнести только один погребальный комплекс с характерными финно-угорскими чертами.

Теперь остановимся на том, как видят хронологию скандинавских погребений в Тимерёве М.В.Фехнер и Н.Г.Недошивина. Они отмечают, что «наиболее ранние скандинавские захоронения относятся к концу или рубежу IX-X вв., основная же их масса датируется X в., скорее всего второй половиной».¹⁵

С этим утверждением я могу согласиться, но лишь в первой его половине, когда речь идет о IX в., т.е. ранней дате первого появления скандинавов на Верхней Волге.

Итак, суммируя заключения этих авторов, видим, что они построили следующую этнокультурную модель развития Ярославского Поволжья IX-XI вв. На примере Тимерёвского могильника: в конце IX в. на территорию, занятую финно-уграми, проникают первые скандинавы, и только почти через сто лет начинается славянская колонизация. При этом авторы ссылаются на данные о финно-скандинавской культуре на Аландских островах (Э. Кивикоски), забывая, что там не было третьего и самого крупного этноса, как у нас, — славян, сыгравшего ведущую роль в формировании древнерусской народности и государственности.

В связи с хронологией славянского заселения Залесья следует упомянуть точку зрения Т.А.Бернштам, на наш взгляд, наиболее реалистичную. Основываясь на выводах археологов, Т.А.Бернштам полагает, что «проникновение славян в иноязычную среду началось не ранее конца IX в., а примерно в середине X в. идет уже интенсивное освоение славянами этого края».¹⁶

Отметим, что массовое заселение славянами этого региона, по мнению Т.А.Бернштам, происходит не во второй половине X столетия (М.В.Фехнер), а в его середине. Это вполне согласуется с нашими заключениями.

Ясно, что вопросы этнической атрибуции погребальных комплексов крайне трудны.

На наш взгляд, в связи с этим вполне справедливо замечание И.П.Смирновой, изучившей керамический материал Тимерёвского могильника. В большинстве случаев, — отмечает она, — этнос погребенного определен трудно, да вряд ли вообще правомерно относить то или иное погребение (по крайней мере для данного памятника) к какому-либо конкретному этносу. Но и в этом отношении

в Ярославском Поволжье продвинулось население, уже сильно подвергшееся процессам метисации, о чем, как нам представляется, свидетельствует смешение или искажение в целом ряде случаев этнических черт в рамках одного захоронения».¹⁷

В целом с данным замечанием можно согласиться. Однако это верно, если опираться только на одну категорию источников — керамику, не подходить комплексно, учитывая и погребальный обряд, и конструктивные особенности комплекса, и остальной инвентарь. На развитой и поздней фазе существования Тимерёвского могильника действительно в одних и тех же погребениях встречаются разноэтнические элементы. Но здесь может идти речь о формировании нового полиэтнического этноса — древнерусского.

Таковы основные итоги историографии по проблемам хронологии славянской колонизации Волго-Окского междуречья.

Большинство исследователей, так или иначе, видят ее начало в конце IX столетия. Посмотрим же, какими археологическими источниками мы располагаем для этого времени. Здесь следует рассмотреть наиболее изученные древности, а их три категории: погребальные (Тимерёвский могильник), поселение (Тимерёвское и Сарское городище близ Ростова Великого), клады куфических монет, зарытые в землю в IX столетии.

Тимерёвский некрополь по сравнению с другими подобными памятниками имеет довольно хорошую сохранность и достаточно полно исследован. Он является в какой-то степени эталонным для изучения исторических процессов, протекавших в Волго-Окском междуречье в эпоху раннего средневековья.

Со славянами здесь допустимо связывать погребения по обряду кремации на стороне или на месте сооружения кургана.

Вокруг хронологии таких комплексов и идет основная дискуссия, а значит, и вокруг проблемы появления в данном регионе собственно славян.

Если для X-XI столетий учеными выявлены и разработаны хронологические и этнические индикаторы, то для IX в. это сделать крайне сложно. В научно-популярной литературе даже появилось понятие «таинственный девятый век» (Д. А. Авдусин).

Итак, рассмотрим погребальные комплексы с кремацией на стороне и на месте, входящие в состав Тимерёвского кладбища.

По данным М. В. Фехнер и Н. Г. Недовшивиной, из 464 погребений 71% совершен по обряду кремации и 29% — ингумации. От общего количества трупосожжений 31% составляют кремации на стороне с последующим переносом на могильник и сооружением над ним курганных насыпей¹⁸ (всего 103 погребения).

В настоящее время существуют две оценки кремаций на стороне. М. В. Фехнер видит их отличия от сожжений на месте в сезонности и климатических условиях. Она пишет: «... вполне естественно, что в зимнее время сооружение земляных насыпей над погребениями представляло большие труд-

ости, и останки покойников, умерших зимой, сохраняли до весны, когда их переносили на кладбище».¹⁹ При этом М. В. Фехнер приводит не совсем корректное сравнение с фактами XIX столетия, известными в Швеции (А. Граслунд).

А. Граслунд сообщает, что в ряде районов Швеции выкапывались осенью старые могилы близ церквей, где хранились гробы с покойниками до весны, а затем их захоранивали отдельно. А некорректность такого сравнения заключается в том, что, во-первых, материал, о котором упоминает М. В. Фехнер, достаточно поздний и его отделяет от рассматриваемого времени тысяча лет во-вторых, речь идет о Швеции, а на Руси, в России подобные факты неизвестны, и это при том, что многие традиции сохранялись длительное время и адчас неосознанно сохраняются и поныне.

Впрочем, сама же М. В. Фехнер, отвергая точку зрения Н.Н.Воронина о принадлежности глиняных лап культу медведя, отмечает, что исследователь пользовался главным образом этнографическими данными, хотя это не соответствует действительности.

К тому же до сих пор неизвестны места, где сжигались покойники, неизвестно и то, как хранились их останки (кроме урновых погребений) до наступления зима, когда можно было соорудить насыпь.

Кальцинированные человеческие кости разбрасывались или складывались в тонкой зольно-угольной прослойке, которая формировалась из золы, угля и зема, оставшегося на стороне и перенесенного на кладбище для захоронения в курганом. Это отнюдь не мощный слой кострища, когда покойник сжигался на месте на костре. В этих случаях часто сохраняются обугленные деревянные лахи и прокаленные камни.

Итак, что же представляют собой погребальные комплексы с сожжениями на стороне, которые мы датируем в основном IX — началом X в. и связываем со славянами? По нашим подсчетам, количество кремаций на стороне в Тимерево достигает 25% общего количества захоронений.

Основной группой курганов, относимых нами к концу IX — рубежу IX-X столетий, являются насыпи с погребениями по обряду трупосожжения на стороне, крайне бедные и не выразительные по набору инвентаря. Эти курганы имеют минимальные по сравнению с остальными размеры насыпей, главные находки в них — сосуды баночной формы грубой лепной работы. Кроме них в данных погребениях встречаются железные ножи, отдельные детали одежды, кости жертвенных животных.

Топографически они тянутся длинной полосой и наряду со славянскими комплексами IX в. составляют первоначальную часть могильника. Такие погребальные памятники, по мнению ряда ведущих специалистов археологов, принадлежали новгородским словенам и сооружались они в VIII — IX вв.

Большинство же исследователей считают, что очаг первоначального этапа славянской колонизации Волго-Окского междуречья следует отнести к началу X в. как раз в Северозападе в землях словен Новгородских. Согласно П. А. Пилипчуку,

в пользу этого говорит «удобство речных путей по Шексне и Мологе, близкое соседство с мерей и весью, веси с Новгородом, прямой контакт со Скандинавией».²² Е. И. Горюнова, утверждая, что в состав колонизационных потоков входили не только славяне, но и ослабянившаяся чудь и весь, тем самым признает северо-западное направление расселения славян на Северо-Востоке.²³

По П. Н. Третьякову, передвижение славян идет из новгородских земель по крупнейшим водным путям.²⁴

К мнению своих предшественников присоединяется и В.В.Седов. Он пишет, что «в IX-X вв. словене новгородские по Мологе достигают Ярославского Поволжья и продвигаются южнее, вглубь Волго-Окского междуречья... Собственно же в Новгородской земле, по данным раскопок, сожжение умерших совершалось вне пределов курганной насыпи. Остатки сожженного покойника переносили и помещали в курган. Иногда в основаниях курганов бывает темная прослойка из золы и угольков, аналогичная подошвенным слоям сопок. Изредка крупные зольно-угольные прослойки встречаются и выше основания».²⁵

Аналогичную картину можно наблюдать в Ярославском Поволжье, в частности в Тимерёвском и Михайловском могильниках.

Позиции перечисленных исследователей, на наш взгляд, вполне согласуются с имеющимися археологическими данными. А это значит, что вполне возможно полагать следующее: первая волна славянских переселенцев из Новгородских земель достигает Ярославского Поволжья уже в IX в., об этом и свидетельствует наличие здесь курганов с трупосожжениями на стороне.

Второй категорией археологических источников IX в. являются поселения, где определение хронологии и этническая атрибуция гораздо сложнее, нежели погребальных древностей. Наиболее полно изучены Сарское городище близ Ростова Великого и Тимерёвское поселение, входившее в один комплекс с неоднократно рассматриваемым могильником.

Сарское городище активно исследуется уже много десятилетий. Во второй половине XIX в. экспедицией под руководством А. С. Уварова и П. С. Савельева здесь начались раскопки.²⁶ Эти раскопки продолжил Д. Н. Эдинг, опубликовавший монографию, специально посвященную этому памятнику.²⁷ Сарское городище исследовали ростовский краевед А.А.Титов, известный русский художник и археолог Н. К. Рерих, археологи Д. А. Крайнов и Д. А. Ушаков. Результаты всех этих работ были сообщены в трудах П. Н. Третьякова и Е. И. Горюновой.²⁸

Видный отечественный историк А. Н. Насонов сравнивал Сарское городище со Смоленским IX-X вв. и соответствующими слоями Ладоги.²⁹

В последние годы Сарское городище стало объектом исследований А. Е. Леонтьева.³⁰

Все эти исследователи по-разному оценивают период IX столетия в истории развития Сарского городища, а также роль славян в его генезисе из мерянского поселка в древнерусский раннегосударственный центр.

Приведем основные три точки зрения.

Первая. А. Н. Носонов утверждает, что «когда „Русская земля“ распространила свою дань над северо-восточной „страною“, там уже существовал славянский город...».³¹

Вторая. По Е. И. Горюновой, «время зарытия клада (Сарское городище), очевидно, относится к концу IX или началу X столетия. Возможно, это произошло в какой-то степени с приходом славян».³² Однако она отмечает, что первая крупная волна славянской колонизации Верхнего Поволжья и прилегающих к нему районов Волго-Окского междуречья, положившая начало быстрому освоению этого края славянами, относится ко второй половине X в. «Отсутствие упоминаний о Ростове в дальнейшем летописании свидетельствует о том, что этот край в начале X в. был еще оторван от Киевского государственного центра».³³

Со второй частью ее заключения вполне можно согласиться, но дело в том, что, как мы уже отмечали, славяне двигались не с юго-запада, а из новгородских земель, и в это время государственность как таковая в Залесье еще только зарождалась.

Третья. А. Е. Леонтьев вообще отрицает присутствие славян на Сарском городище и какое-либо их участие в его жизни в течение всего периода существования (с VII по XII в.). Он считает, что Сарское городище было исключительно мерянским (финно-угорским) центром, а так называемый «лагерь» близ его валов за пределами поселения принадлежал скандинавским дружинникам.³⁴

Полагаем, что может быть предложена на обсуждение следующая модель развития Сарского городища.

В IX в. в связи с началом славянского заселения Волго-Окского междуречья происходят существенные изменения и в исторической судьбе Сарского городища. С этого времени начинается новый этап в жизни городища, и его население становится многоэтническим. На основании материалов IX столетия можно говорить о том, что на Сарском городище процветают различные ремесла: кузнечное, бронзолитейное. Одновременно население занимается охотой, рыболовством, ткачеством, обработкой дерева, кости, камня. Важную роль в жизни обитателей городища безусловно играет сельское хозяйство, прежде всего скотоводство. В то же время на поселении появляются вещи иноземного происхождения, что свидетельствует о том, что Сарское городище шло в качестве важного опорного пункта в орбиту европейской торговли \> р<пюлогически это совпадает с подъемом активности на Великом Волжском пути.

Костяк населения Сарского городища IX-X вв., несомненно, составляли славяне, вошедшие вместе с мерянским этносом в состав единого племенного княжения, являвшегося в первую очередь образованием социальным \> ерным для переходного этапа от родового строя к раннему феодализму)

Сарское городище в IX в., как отмечал П. Н. Третьяков, было \> ьмбрионом города».³⁵ Считаем, что данная оценка вполне реалистична.

Поселение у деревни Большое Тимерёво было открыто в 1973 г.

здесь развернулись полевые работы. В итоге нескольких лет раскопок была выявлена первоначальная часть поселения, оно было застроено не сразу (Юга), а развивалось постепенно. На площадке поселения обнаружена цепочка столбовых ям, которых насчитывается до двадцати на равных расстояниях друг от друга. Без перерывов эти ямы прослежены на протяжении более 20 м. Мы интерпретируем эту находку как остатки столбовой ограды — первоначального примитивного укрепления Тимерёвского поселения.

Аналогичное укрепление исследовано А. Л. Монгайтом на Ижеславском городище в Рязанской земле. Столбовые ямы, по его мнению, представляют собой остатки укрепления в виде деревянной стены, предшествующей валу, который был насыпан в XII в.³⁶ Столбовые конструкции в виде оград или частоколов известны в Древней Руси с IX столетия.

Открытая в Тимерёве столбовая ограда отсекает наиболее раннюю часть поселения по линии восток — запад и поворачивает к краю террасы по обрыву у р. Сечки. Важен вопрос о времени сооружения рассматриваемой ограды. Косвенно помогают определить его датировки построек №17, 19, расположенных сразу за пределами ограды и сооруженных, судя по находкам в них, в середине X столетия.

Так, в постройке № 17 обнаружены, кроме керамики и костей животных, типичные для этого времени предметы: железные ножи, костяные проколки, колоушки, тигель, костяные иглы с ушком, пряслице, бронзовое ушко от сосуда, обломок костяной поделки с процарапанным рисунком — двушинная стрела, серповидный предмет и плетенка. Последняя находка гипотетически может быть реконструирована как шахматная фигура. В Саркеле — Белой Веже таковые датируются X-XI вв.³⁷

В пределах территории, огражденной столбами, найдены постройки, в которых доминирует лепная керамика, к тому же именно здесь найден клад куфических монет, зарытый в землю в последней трети IX столетия.

Все эти факты говорят в пользу того, что данное защитное сооружение было создано на рубеже IX-X столетий и ограничивало наиболее раннюю часть поселения.

Инвентарь из построек, расположенных здесь, аналогичен находкам из курганов с погребениями по обряду кремации на стороне, а это свидетельствует о том, что данная часть селища возникла во второй половине IX в. и, видимо, создавалась она славянскими пришельцами.

И, наконец, третьей категорией древностей IX столетия являются клады куфических монет, зарытых в землю в это время. Всего их известно шесть: Тимерёво(2), Сарское городище (2), Угодичи, Углич.

Тимерёво

В состав Тимерёвского археологического комплекса входят два клада куфических монет.

Первый из них обнаружен в 1968 г. при случайных обстоятельствах, в его

состав входило более полутора тысяч монет (точнее их количество установить невозможно). Он был зарыт в землю в последней четверти IX столетия. Второй клад найден в 1973 г. при исследовании Тимерёвского поселения, расположенного в непосредственной близости от могильника. Это крупнейший клад дирхемов, количество которых превышает 2700 экземпляров (2751). Младшая монета чеканена в 864/865 г. По классификации Р. Р. Фасмера данный клад относится ко второму периоду и был зарыт в землю, возможно, не позднее 870 г.

Предположительно можно говорить о том, кем было спрятано это сокровище. На одиннадцати монетах были обнаружены граффити, а на четырех из них — рунические, в том числе одна надпись. Этот дирхем чеканен во второй половине VIII — первой половине IX в.

Надпись читается как «бог» или «боги, богово», она имеет языческий характер и посвящена скандинавскому богу эпохи викингов Тору. Кроме того, еще на двух монетах встречены отдельные руны «K» и «C», имеющие благоприятное и неблагоприятное значение.³⁸

Перечисленные выше данные, возможно, свидетельствуют о том, что клад имел культовый характер и был сокрыт скандинавом.

Как известно, скандинавы появились в Ярославском Поволжье уже в IX столетии вместе с первой волной славянского расселения, когда и был зарыт рассматриваемый клад.

Восточное серебро поступало на Волгу через Волжскую Булгарию, где бывали люди из Арсы (Артании), которую мы отождествляем с Ростовской землей.

Сарское городище

О кладах, найденных на Сарском городище, нам известно крайне мало. Поначалу речь шла лишь об одном небольшом по количеству монет кладе. В него входило 7 целых и 51 обломок монет. Датируется этот клад по младшей монете 820 годом.³⁹

Второй клад, обнаруженный на сарском городище, был также сокрыт в IX столетии.

Угодичи

В 1914 г. в селе Угодичи по берегу Ростовского озера (Неро) был найден клад серебряных восточных монет, в состав которого входило около 150 монет и 2 серебряных браслета. Младшая монета клада чеканена в 812/813 г.⁴⁰

Г. Ф. Корзухина относит данный клад к первой группе по ее хронологии. Эта группа кладов датируется IX — рубежом IX-X вв.⁴¹

В. Л. Янин включает Угодичский клад в начальный период обращения дирхема на Руси до 833 г.⁴² Ясно, что данный клад был зарыт в землю не позднее середины IX столетия.

Углич

В конце 70-х годов XIX столетия здесь был найден крупный клад куфиче-

ских монет. В 1880г. «Ярославские губернские ведомости» сообщили читателям: «12 августа 1879 г. в 12 ч. дня прибыла в Углич с верху из Твери лодка с белым камнем. В лодке находились двое крестьян Тверского уезда Александр Шарыгин и Николай Евдокимов. Подъехавши к городу, лодка остановилась на Заволжской стороне подле Волжской набережной. При этом для причала потребовалось вбить в землю кол. Начали вбивать, но кол плохо входил, тогда его вынули и увидели, что к нему прилипла серебряная монета. Тотчас стали расширять и углублять яму, и в ней скоро нашли россыпи 4 фунтов восточных монет целых и обломков и 5 серебряных восточных слитков более 1 фунта... И³

По сообщению «Ярославских губернских ведомостей», часть монет была переплавлена, а другая часть попала в Эрмитаж.

Спустя некоторое время в печати вновь появилась заметка об Угличском кладе. Ярославский краевед В. Лествицын в своей статье писал, что древнейшей в кладе является монета Хосрова II 624 г. чеканки, а позднейшая относится к 821 г. Монеты, отмечал он, попадали на Волгу посредством торговли. Находка клада позволила автору прийти к выводу о существовании на месте Углича большого торгового поселения, торговавшего с Булгаром. Отсюда он сделал вывод, согласно которому «Углич — один из древнейших городов Волжской Руси».⁴⁴ Угличский клад и в дальнейшем не оставался без внимания исследователей⁴⁵

Безусловно, эту находку следует расценивать как признак существования здесь в IX в. поселения, возможно, торгово-ремесленного центра, находившегося на Волжском пути, таковыми являются и другие поселения, известные в данном регионе, где также обнаружены клады куфических монет этого времени, например Тимерёво, Сарское городище.

На территории Угличского кремля пока обнаружен только слой X столетия, однако находки лепной керамики и рассматриваемого выше клада свидетельствуют о том, что данное поселение существует уже с IX в.

Итак, начиная с IX столетия Волжская система становится торной дорогой новгородских словен и северо-западных финно-угров в их движении в Залескую землю.⁴⁶ В составе этого потока населения участвовали и скандинавы.

Словене продвигались по основным водным путям, входившим в Волжскую систему, — Мете и Мологе. Первоначально новое население обосновывается в небольшом регионе; по крайней мере только в Волго-Окском междуречье нам известны славяно-русские древности IX в. от места впадения р. Которосль до оз.Клешино (Плещеево).

В Xв. славяне расселяются из этого района по всему Суздальскому ополью вплоть до р. Клязьмы. В это же время фиксируется движение из Ярославского Поволжья в Белозерский край. Конечно, данная схема не исключает прямого проникновения переселенцев из земли Новгородской в Белозерье и в южные районы Волго-Окского междуречья из Верхнего и Среднего Поднепровья.

- ¹ Уваров А. С. Меряне и их быт по курганным раскопкам// Труды I Археологического съезда (далее — Труды I АС). М., 1871. С. 32; Спицын А. Л. 1) Владимирские курганы// Известия Археологической комиссии. 1905. Вып. 15. С. 167; 2) К истории заселения Верхнего Поволжья русскими// Труды II Областного Тверского археологического съезда. Тверь, 1906. С. 1-7; Тихомиров И. А. Славянское заселение Ярославской губернии// Труды IV Областного историко-археологического съезда в Костроме в июне 1909 г. Кострома, 1914. С. 117-120; Станкевич Я. В. К вопросу об этническом составе населения Ярославского Поволжья в IX-X ст.// Материалы и исследования по археологии СССР (далее — МИА). М.; Л., 1941. X'6. С. 82-83; Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья// МИА. М., 1961. №94. С. 194-198; Третьяков П. Н. У истоков древнерусской народности// МИА. 1970. № 179. С. 122-141; Дубов И. В. Славянское заселение Волго-Окского междуречья// Тезисы докладов советской делегации на IV Международном конгрессе славянской археологии. М., 1980. С. 64-66.
- ² Овсянников Н. Я. О колонизации в Суздальском крае с точки зрения археологии// Труды III Областного историко-археологического съезда. Владимир, 1909. С. 2-9.
- ³ Станкевич Я. В. К вопросу об этническом составе... С. 83.
- ⁴ Горюнова Е. И. Этническая история... С. 36-37.
- ⁵ Третьяков П. Н. [Рец.] Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья// Советская археология (далее — СА). 1962. №4. С. 267-268.
- ⁶ Фехнер М. В. Тимерёвский могильник// Ярославское Поволжье X-XI вв. М., 1963. С. 15.
- ⁷ Третьяков П. Н. К вопросу об этническом составе Волго-Окского междуречья в I тысячелетии н.э.// СА. 1957. №2. С. 64-68.
- ⁸ Третьяков П. Н. [Рец.] Горюнова Е. И. Этническая история... С. 268.
- ⁹ Третьяков П. Н. К вопросу об этническом составе... С. 67.
- ¹⁰ Третьяков П. Н. У истоков древнерусской народности. ... С. 122-141.
- ¹¹ Недошивина Н. Г., Фехнер М. В. Погребальный обряд Тимерёвского могильника// СА. 1985. №2. С. 101-115; Фехнер М. В., Недошивина Н. Г. Этнокультурная характеристика Тимерёвского могильника по материалам погребального инвентаря// Там же. С. 70-89.
- ¹² Недошивина Н. Г., Фехнер М. В. Погребальный обряд. ... С. 114.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Фехнер М. В., Недошивина Н. Г. Этнокультурная характеристика. ... С. 83. — Здесь не учтены результаты более поздних раскопок В. Н. Седых.
- ¹⁵ Недошивина Н. Г., Фехнер М. В. Погребальный обряд... С. 114.
- ¹⁶ Вернштам Т. А. Роль верхневолжской колонизации в освоении русского Севера (IX-XV вв.)// Фольклор и этнография Русского Севера. Л., 1979. С. 11.
- ¹⁷ Смирнова Л. И. Лепная керамика Тимерёвских курганов и проблема этнической атрибуции// СА. 1987. №2. С. 100-101.
- ¹⁸ Недошивина Н. Г., Фехнер М. В. Погребальный обряд. ... С. 102-103.
- ¹⁹ Там же. С. 108.
- ²⁰ Дубов И. В. Ярославское Поволжье в IX столетии// Вестн. Ленингр. ун-та. 1976. Вып. 3. 14. С. 60-66.
- ²¹ Ляпушкин И. И. 1) Археологические памятники славян лесной зоны Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (УШ-X вв.)// Культура Древней Руси. М., 1966. С. 134; 2) Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства// МИА. Л., 1968. № 152. С. 112-113; Седов В. В. 1) Новгородские сопки// Свод археологических источников. 1970. Вып. Е1-8. С. 30-31; 2) Восточные славяне в У1-XIII вв. М., 1982. С. 170.
- ²² Тихомиров И. А. Славянское заселение Ярославской губернии. С. 25.
- ²³ Горюнова Е. И. Этническая история... С. 185.
- ²⁴ Третьяков П. Н. 1) Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге М. Л., 1966. С. 290; 2) У истоков древнерусской народности. ... С. 122-141.

- ²⁵ Седов В. В. Восточные славяне... С. 170.
- ²⁶ Уваров А. С. Меряне и их быт по курганным раскопкам // Труды! АС. М., 1869. С. 32.
- ²⁷ ЭдингД. Н. Сарское городище. Ростов-Ярославский, 1928.
- ²⁸ Третьяков П. Н. К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н.э.// МИА. М., №5; Горюнова Е. И. Этническая история... С. 95-109.
- ²⁹ Насонов А. Н. Русская земля и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 174-176.
- ³⁰ Леонтьев А. Е. 1) Сарское городище в истории Ростовской земли (УШ-1Х вв.): Автореф. канд. дис. М., 1975; 2) Археология мери. (К предистории Северо-Восточной Руси): Автореф. канд. дис. М., 1991; 3) Археология мери. М., 1996. С. 192.
- ³¹ Насонов А. Н. Русская земля. .. С. 174-176.
- ³² Горюнова Е. И. Этническая история... С. 108.
- ³³ Там же. С. 190.
- ³⁴ Леонтьев А. Е. Археология мери... С. 19.
- ³⁵ Третьяков П. Н. К истории племен. . . С. 95.
- ³⁶ МонгайтА. Л. Рязанская земля. М., 1961. С.223. Рис.99.
- ³⁷ Линдер И. М. Шахматы на Руси. М., 1975. С. 64-65.
- ³⁸ Добровольский И. Г., Дубов И. В., Кузьменко Ю. К. Граффити на восточных монетах. Л., 1981. С. 38-41.
- ³⁹ Марков А. К. Топография кладов восточных монет. СПб., 1910. С. 54.; ЭдингД. Н. Сарское городище... С. 15; Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1966. С. 75.
- ⁴⁰ Фасмер Р. Два клада куфических монет // Труды нумизматической комиссии. Л., 1927. Т. 4. С. 19-57.
- ⁴¹ КорзухинаГ. Ф. Русские клады. М.; Л., 1954. С.82. Табл.2.
- ⁴² Янин В. Л. Денежно-весовые системы... С. 86, 90.
- ⁴³ Клад в Угличе // Ярославские губернские ведомости (далее — ЯГВ). 1880. № 33; (1 фунт равен 450 гр.).
- ⁴⁴ Лествицын В. Еще раз об Угличском кладе// ЯГВ. №60.
- ⁴⁵ Марков А. К. Топография кладов. .. С. 54-55; Тихомиров И. А. Славянские заселения. .. С. 121; Янин В. Л. Денежно-весовые системы. . . С. 75.
- ⁴⁶ Дубов И. В. Славянское заселение Волго-Окского междуречья. С. 64-66.

Ю. В. Кривошее

ИНСТИТУТЫ ДАРА И ДАНИ В РУССКО-ОРДЫНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ XIII-XV вв. Опыт историко-этнографической типологии

В русской историографии присутствует ряд довольно сильно политизированных сюжетов. Так, в области начальной русской истории это «норманская проблема», сюда же относится и вопрос о монголо-татарском нашествии и иге. Подавляющее большинство отечественных историков рассматривали и рассматривают их преимущественно с точки зрения политического содержания. Это

влечет за собой в некотором смысле модернизацию взаимоотношений между этногосударственными структурами средневековья, интерполяцию на них межгосударственных отношений нового и новейшего времени и в конечном счете определенную неадекватность в понимании ситуации в целом.

Истоки такого рода восприятия можно видеть уже в сообщениях летописцев, к тому же добавивших к этому сильную эмоциональную окраску. Последнее, безусловно, понятно, ибо первоначальные записи делались либо очевидцами, пережившими трагедию нашествия, либо с их слов.

Собственно в отечественной историографии вычленение проблемы «татары и Русь» восходит ко второй половине XVIII — началу XIX в. Ее понимание и трактовку необходимо связывать с «процессом самоутверждения русского менталитета», «выражением интенсивного роста национального самосознания» и «небывало высокого патриотического подъема».¹ Эти социально-психологические основы формирования русской национальной культуры непосредственно повлияли и на становление русской национальной историографии, ее начального — «романтического» — периода. Отсюда в высшей степени эмоционально-драматическое, даже трагическое восприятие событий древней русской истории, тем более таких, как монголо-татарское нашествие и иго.²

Политико-эмоциональный подход нашел свое продолжение в работах Н. И. Костомарова, но в ином контексте. В утвердительной форме им признается, что иго оказало прямое влияние на формирование менталитета русской народности, причем в его отрицательной ипостаси: оно определило многовековую покорность, рабство, деспотические основы правлений. Исчезало присущее ранее «чувство свободы, чести, сознания личного достоинства; раболепство перед высшими, деспотизм над низшими стали качествами русской души».³

Историография XX в. по сути продолжила обозначенный подход. С 30-х годов стало характерным изображать русско-татарские отношения как жесткое военно-политическое противостояние, принесшее много крови и горя русскому народу, но не сломившее его. В последнее время происходит возврат к суждениям Н. И. Костомарова.

Вместе с тем представляется, что отношения Руси и Орды возможно рассматривать на более широком фоне взаимосвязей, имевших место в традиционных средневековых обществах.⁴

В поле нашего зрения в данном случае попадают две этносоциологические категории: *дань* и *дар*.

Даннические отношения достаточно подробно исследованы отечественными этнографами. Наиболее полными выглядят обобщения А. И. Першица. Он отграничивает дань, с одной стороны, от предшествовавшей контрибуции с побежденных, а с другой — от податей (налогов) с подданных как более высокого уровня эксплуатации.

От первой дань отличают регулярные поборы, от вторых — то, что поборы совершаются не с собственной, а «с покоренной чужой общины», оста-

ющейся при этом «более или менее самостоятельной». Мысль исследователя о сохранении самостоятельности побежденной общины представляется чрезвычайно важной при понимании сути даннических отношений. Развивая ее, А.И.Першиц пишет, что побежденные «в основном» не утрачивают «прежней экономической и социально-потестарной структуры коллективов». Экономическая самостоятельность выражается в том, что «данники располагают собственными, не принадлежавшими получателям дани средствами производства и эксплуатируются путем внеэкономического принуждения, которое распространяется не на отдельные личности, а на весь коллектив». Сохранение существующей политической системы следует из того, что «данники и получатели дани не интегрированы в составе одного этнического и социально-политического организма: во-первых, они принадлежат к разным племенам или народам, во-вторых, у них может быть разная социальная структура, равно как и производные от нее надстроечные формы».⁵ Итак, в пределах даннической системы существование и развитие общественных институтов побежденных народов происходит без особого влияния со стороны внешнего фактора.

Представляется, что именно таким образом и складываются отношения между Русью и Ордой. Прежде чем мы остановимся на них, несколько слов о сопутствовавших «ордынской дани» грабежах и разбоях. А. И. Першиц отмечает подобного рода отклонения. «Первоначальная, в эпоху разложения первобытнообщинного строя и в раннеклассовых обществах, данническая эксплуатация еще не вполне оторвалась от генетически и функционально близких к ней, но еще более примитивных порядков — военного грабежа и контрибуции», — пишет он.⁶ Все это имело место на Руси. Летописи часто фиксируют наше внимание на таких фактах начиная со времени нашествия. Монголо-татары то и дело сбивались на, так сказать, неупорядоченный сбор даней: после военных или посольских экспедиций. Грабеж и разорения становятся итогом почти каждого появления монголо-татарского отряда в русских землях (другое дело —какова причина той или иной экспедиции; в большинстве случаев это бывало по просьбе самих тех или иных Рюриковичей). Точно так же, не гнушаясь, монголо-татары прибегали и к контрибуциям как откуп от прямого грабежа. На этих татарских акциях и останавливали, как правило, свое внимание историки. Однако не походы, даже самые грабительские, определяли магистральную линию в русско-ордынских отношениях, а дань.

Уже при первом столкновении с русскими землями в 1237 г. татары потребовали уплаты дани. Собственно говоря, на этом их условия и исчерпывались. Но не получив дани, они подвергли русские земли разгрому и разорению. После этого почти два десятилетия не существовало какого-либо упорядоченного взимания дани. Сарайские и каракорумские ханы и знать вполне довольствовались подарками русских князей. Положение изменяется в конце 50-х годов XIII в., когда в Северо-Восточной Руси была проведена перепись населения. Именно она послужила точкой отсчета для регулярного получения монголо-

татарами дани, называемой на Руси «выходом». Безусловно, «выход», наряду с другими введенными повинностями, лег тяжким бременем на русское население, явившись дополнительным фактором в существовавшей системе сбора налогов. Вопрос о размерах ордынской дани достаточно подробно рассмотрен в литературе.⁷ Но, несмотря на это, современные исследователи признают, что он «необычайно сложен, и в настоящее время конкретного и однозначного ответа на него нет».⁸

Нам же важно констатировать тот факт, что форма зависимости Руси от Орды *данническая*.

Последняя же, как было сказано, подразумевала сохранение территориальной целостности и в основном системы внутреннего общественного развития. Как бы ни была тяжела данническая зависимость, у нас есть все основания говорить о сохранении на всем протяжении «монгольского периода» русской истории не только территориального единства,⁹ но и всех общественных институтов, существовавших в Древней Руси.

Во-первых, отнюдь не происходит, как отмечается многими авторами, исчезновения вечевых собраний. Они продолжают по-прежнему исполнять свои функции. Мы видим участие вечников в решении традиционных вопросов, относящихся к их взаимодействию с княжеской властью. Раньше одним из основных элементов вечевой деятельности являлась организация обороны от вражеских войск. То же и сейчас, только сменился противник, коим становятся, к примеру, вместо половцев татары. Вече как государственный властный институт отмирает лишь в XV в., но не по причине татарского фактора, а вследствие происходящих внутренних процессов.

Во-вторых, сохраняются и другие земские структуры. Сотенная система (кстати, привычная для монголо-татар) приспособляется для собирания дани. Если же и были попытки определенным образом изменить ее путем насаждения татарского чиновничьего аппарата как надстройки над ней, то продолжалось это относительно недолго. Наиболее сильная организация — баскаческая — просуществовала в пределах полустолетия.

Функционировал и другой элемент древней десятичной структуры - институт тысяцких. Падение его (по крайней мере в Москве) произошло в борьбе с княжеской властью. Из этого можно заключить, что, с одной стороны, тысяцкие, опиравшиеся на общинное население, представляли собой социальную силу, препятствовавшую росту княжеской власти, а с другой — упразднение их имело место опять-таки в связи с процессом внутреннего развития русских земель.¹⁰

В-третьих, необходимо рассмотреть вопрос о самой княжеской власти. Именно на ее изменение и обращает внимание большинство историков русско-ордынских отношений. Выводы новейших отечественных историков этой проблемы были подчеркнуты недавно В. А. Кучкиным. «И шенилось и положение русских князей, — пишет он. — Хотя продолжали дейс твовать древнерус-

ские юридические нормы наследования княжеств, в эти нормы властно вторгалась ордынская власть. Князья должны были ездить в Орду, чтобы получать там ханские утверждения на свои княжества. Каждому князю выдавался ярлык — особая ханская грамота на владения. Поездки русских князей в Орду нередко сопровождались унижениями, которым князья подвергались при дворах ханов... А в ряде случаев поездки в Орду кончались для русских князей смертью... Раздавая русским князьям ярлыки на их княжение, ордынские правители стремились регулировать политические отношения между подвластными им русскими княжествами. Нет ничего более ошибочного, чем полагать, будто чужеземное иго было некой внешней оболочкой, под которой русские князья продолжали действовать так же, как они действовали до нашествия Батыя. Нет, ханы не могли бы сохранить свою власть над Русью в течение почти четверти тысячелетия, не предпринимая они никаких действий по упрочению этой власти и совершенствованию ее механизма. Соблюдая во многих случаях имевшиеся на Руси традиции престолонаследия, ордынские ханы, когда это было им нужно, бесперемонно нарушали их... Ордынские правители зачастую перекраивали политическую карту Северо-Восточной Руси, препятствуя усилению того или иного князя, разжигая соперничество и распри между русскими князьями и извлекая из этого немалые выгоды для себя. Со временем даже выдача в Орде ярлыка на то или иное княжество стала сопровождаться беззастенчивыми требованиями со стороны правящей ордынской элиты денежных выплат и ценных подарков... Такие "множайшие дары" были одним из тех материальных итогов, ради которых и отлаживалась Ордой вся ее политическая система властвования над русскими землями». ¹¹ Таковой видится политическая составляющая монголо-татарского ига на Руси современным исследователям.

В этих рассуждениях при всей их логичности и убедительности, как нам кажется, присутствует некоторый элемент указанных выше политизации и модернизации, не способствующих уяснению действительной ситуации. Верно, князья вынуждены были ездить в Орду, получать там ярлыки на княжение, верно и то, что татары при случае вмешивались во внутренние коллизии на Руси (кстати, во многих случаях не без просьб самих князей). Но все это происходит в пределах даннической зависимости, не нарушавшей внутреннее устройство русских земель, т.е. отношения князей и ханов, как нам представляется, возможно рассмотреть не как разные, а в рамках в целом обычных даннических отношений. Вместе с тем необходимо указать не только на политический механизм, приводивший в движение ордынско-русскую данническую систему, как это делает В. А. Кучкин, но и на иные основы и связи.

Ими были некоторые представления, присущие многим этносам и их взаимоотношениям между собой на определенных стадиях общественного развития, либо при доминировании архаических отношений, либо при сохранении их в том или ином варианте. В самом деле, только ли политическими разногласиями объясняются такие трагические обстоятельства, как гибель русских

князей в Орде? Оказывается, что нет. Убийство, например, Михаила Черниговского имело подоплекой его отказ выполнять необходимую обрядность при посещении ханской ставки. Таковым же является и происхождение тех «унижений», которые испытывали русские князья, находившиеся в Орде. Вместе с тем мученическая смерть тверского князя Михаила связана с другой категорией архаических представлений: такому универсальному явлению, характерному особенно для обществ, где отсутствуют или находятся в неразвитом состоянии товарные отношения, как обмен-дар.

Этносоциологическая концепция дарения была разработана французским антропологом М. Моссом. Основные ее положения заключаются в следующем. Обмен в форме дарения характерен и универсален для архаических обществ. Обмен-дар, будучи формально добровольным, вместе с тем состоит из трех взаимосвязанных обязанностей: давать — брать — возвращать. Наиболее существенным действием является компенсирующий дар, т. е. возврат. Возвращение (по сути, возмещение) дара должно по меньшей мере быть равноценным даром. Отсутствие или неполнота дара-возврата ставит получившего дар в зависимое положение по отношению к подарившему. Сохранение вещи без эквивалентного ее возмещения опасно для получившего, так как в ней заложена магическая сила дарителя. Но в любом случае уклонение от одной из указанных обязанностей может привести к серьезным последствиям для субъективного обмена — вплоть до объявления войны.

Дары выходят за рамки экономических отношений, охватывая все сферы общества. «Пища, женщины, дети, имущество, талисманы, земля, труд, помощь, жреческие услуги, ранги — все является предметом передачи и возвращения».¹² Вместе с тем система «подарок-отдарок» является составной частью «целостного социального феномена», включающего религиозные, мифологические, экономические, морфологические, эстетические и иные формы и их материальное воплощение (наряду с дарами, это угощения, пиршества и т.д.).

Наконец, еще одно важное наблюдение: субъектами обмена выступают в основном группы или индивиды, символизирующие группы (вожди, старейшины и т.д.).

Выводы теории дара оказались применимыми для объяснения многих явлений не только в классических архаических обществах, но и в обществах, вышедших за их рамки, но сохранивших традиционные отношения, как, например, средневековые в Европе.¹³

В связи с этим для нас представляют большое значение исследования, проведенные специалистом-монголоведом Н. Л. Жуковской. Она полагает, что «к обществу монгольских кочевников вполне применимы основные положения концепции М. Мосса». Но еще более важным является следующее: Н. Л. Жуковской удалось расширить представления М. Мосса, обосновав это конкретными примерами монгольской истории. В буквально пронизанных явлением «подарка-отдарка» отношениях в монгольском обществе различных эпох она выделя-

ет четыре уровня этого способа социальной коммуникации: наиболее архаический—кровных родственников и членов разных родов, породнившихся путем браков; другой — это реальное и эпическое побратимство. Для нашего сюжета наиболее важным представляются два следующих уровня системы «дарения-ответного дара»: «подарок-отдарок» как форма вассальных отношений между низшими и высшими сословиями «феодалной Монголии» и как составная часть ритуала монгольского гостеприимства.¹⁴

«Низшее свободное население, — отмечает Н. Л. Жуковская, —платило своему нойону чисто номинальную дань, что рассматривалось не столько как экономическое или политическое подчинение, сколько как признание своего "младшего" положения перед "старшим" — ханом или нойоном, который принимал такую форму выражения подчинения ему и отдаривал "младшего" какими-либо вещами, скотом, иногда даже крепостными из своего хозяйства. Этот обмен дарами совершался, как правило, публично... и это публичное признание своего зависимого положения в значительной степени компенсировало материальную незначительность даров». Ритуализированный обмен дарами тесным образом был связан с пиршеством.¹⁵

Вышеописанное имело место в пределах самого средневекового монгольского общества. Другой пример выводит коммуникативное действие «подарок-отдарок» в плоскость межгосударственных отношений: монгольских ханств и цинского правительства Китая. В 1655 г. восьми монгольским ханам маньчжурский двор пожаловал княжеское звание с большими полномочиями, при этом обязав их ежегодно выплачивать императору дань в виде одного белого верблюда и восьми белых лошадей («девять белых»). «Эта дань, — пишет Н. Л. Жуковская, — носила чисто символический характер, ибо не была материально обременительна, но цинское правительство придавало ей важное политическое значение». То, что эту дань платили самые крупные правители Восточной Монголии, то, что она была священного для монголов белого цвета, рассматривалось ими как символ покорности монголов. Этот же указ предусматривал ритуальные действия и другой стороны: «ответные дары цинского двора своим монгольским вассалам, а также пиршества по случаю приезда послов и вручения им даров». Послы монгольских ханов отдаривались по-разному, но «отдарок явно превышал по стоимости подарок».¹⁶ Н.Л.Жуковская видит здесь подтверждение тезиса М. Мосса «о номиналистско-символическом характере» «дарения-отдаривания» и универсальности этой системы. Исследовательница подчеркивает, что, «несмотря на сугубую материальность даров, в виде обменного фонда здесь выступают, с одной стороны, свобода страны, с другой — моральное торжество по поводу такого дара и готовность заплатить за него по более высокой иррационально-престижной таксе».¹⁷ Напомним, что речь шла о XVII в., когда, видимо, традиции существовали уже далеко не в первозданной форме. В то же время, возвращаясь в XIII—XIV вв., к монголо-русским отношениям, мы не можем не видеть довольно близких аналогов.

Еще в 1237 г. рязанские князья пытались откупиться от татар дарами. Это не удалось, ибо последние преследовали другие цели: им нужны были постоянные доходы — дань-десятина. Однако с начала 40-х годов XIII в. отношения между русскими князьями и монгольскими ханами буквально пронизаны подношениями «даров»-подарков. Каждый приезд русских князей в Орду требовал «дара» хану и его приближенным. О подарках, в частности, известно по сообщениям П.Карпини и В.Рубрука.¹⁸ Об этом свидетельствуют и русские летописи. Так, в 1256 г. «Борис поеха в Татары, а Олександр князь послал дары. Борис же быв Оулавчин дары дав и приеха в свою отчину с честью».¹⁹ Подарки русских князей требовали своего эквивалента. Татары тоже одаривали своих данников, как это было, к примеру, в 1247 г. в случае с Александром Ярославичем, когда Батый «почтив его много и дары дать ему...».²⁰ Но главным «отдарком» становятся известные «ярлыки» на княжение, дававшие князьям самостоятельность в действиях в русских землях. «Ярослав, буди ты старей всем князем в Русском языке», «расудив им кождо в свою отчину», «почтив отпусти в свою отчину» — такого рода формальностями заканчивались многие посещения Рюриковичами Орды. С прагматической точки зрения этот эквивалент был более весомым, ибо означал по сути политическую свободу для русского князя и, в широком смысле, для русских земель. В архаической — иррациональной для нас — системе координат в этой ситуации сохранялось безусловное равновесие. Язык общения на уровне этносов, таким образом, был найден.

В русско-ордынских отношениях возникали и, так сказать, ситуации наоборот. Интересен случай, когда за военную помощь в 1277 г. хан Менгу-Темир «одарив» князей русских земель,²¹ т. е. на этот раз в качестве «подарка» выступает военная помощь, а собственно материальный эквивалент фигурирует как «отдарок». Но обычно все же даром с русской стороны было некое материальное богатство, а ответным — «ярлык» как своеобразная гарантия покровительства и самостоятельности в действиях.

В летописных сообщениях привлекает внимание и то обстоятельство, что при посещении Орды русскими князьями ханы их «почти... великою честью» или «почтив... честью достойною». Что это могло означать? Нам представляется, что здесь скрыт еще один элемент системы дара-обмена — ритуальное пиршество, элемент, неотъемлемый в структуре архаических связей, что неоднократно отмечалось в литературе.²² В свете русско-ордынских отношений небезынтересным поэтому является описание приема египетского посольства ханом Берке в 1276 г. После прочтения грамоты хан приказал подать послам кумыс, а после вареную рыбу, мед, мясо. «Следовательно, — делает вывод рассмотревший этот эпизод Н. И. Веселовский, — угощение послов считалось обязательным, как выражение гостеприимства».²³

Практика даров в рамках даннических отношений между Русью и Ордой была продолжена и в XIV в. Так, А. А. Горский отмечает, что в 1331 г. Иван Ка-

лита получил все великое княжение «путем щедрых даров и обещания больших²⁴ выплат»/⁴

Для последующих — второй половины XIУ-XУ вв. — русско-ордынских, а затем русско-крымских отношений характерными становятся постепенное сближение и эволюция фиксированного и выраженного в денежном измерении даннического сбора в откуп-дар. М. Н. Тихомиров в качестве своеобразного водораздела называл Куликовскую битву. После нее, — писал он, — «ханские ярлыки на великое княжение, так называемое "царево жалование", сделались почти фикцией, а дань, уплачиваемая в Орду, получила характер откупа от грабительских нападений. Татарский "выкуп" был тяжел, но уже не имел характера систематической дани, получаемой Золотой Ордой с русских земель».²⁵

Механизм взаимоотношений Руси и Крыма рассмотрен в работах Н. И. Веселовского, В. Е. Сыроечковского, П. Н. Павлова. Последний отметил, что «уже с 1476 г., когда приходилось оплачивать "дружбу" хищных крымских феодалов, а затем откупаться от их набегов, "ордынский выход" перестал соответствовать понятию дани в точном смысле слова».²⁶ В. Е. Сыроечковский подчеркивает следующее: «Московская дипломатия твердо отстаивала ту точку зрения, что "поминки" — не дань, а добровольное пожалование великого князя». Он же отмечает и такую любопытную деталь: «Среди этих подарков следует выделить особую группу "запросных", т. е. посланных в ответ на тот или иной "запрос". Каждый запрос предполагал возможность ответного запроса. Иногда обмен запросными поминками переходил в прямую торговлю. В "запрос" шли наиболее редкие и дорогие вещи».²⁷

Подведем некоторые итоги. Русско-татарские отношения XIII-XУ вв. нельзя сводить исключительно к жесткому политическому и военному противостоянию. Безусловно, они ярче и многограннее. Нами была сделана попытка рассмотреть их под нетрадиционным углом зрения. Действительность русского и монгольского средневековых обществ была достаточно архаичной. В их взаимоотношениях это проявилось в даннических отношениях, частью которых первоначально была система «подарка-отдарка». Ее функционирование можно увидеть уже при первых контактах русских князей и татарских ханов. В дальнейшем она по сути сливается с данью и заменяет ее.

¹ Стенник Ю. В. Об истоках славянофильства в русской литературе XVIII века // Славянофильство и современность. СПб., 1994. С. 17, 19, 20; Познанский В. В. Очерк формирования русской национальной культуры. Первая половина XIX века. М., 1975. С. 8 и др.

² См., напр.: Карамзин Н. М. История Государства Российского. Т. IV. М., 1992; Наумов П. А. Об отношениях Российских князей к монгольским и татарским ханам от 1224 по 1480 год. СПб., 1823 и др.

³ Костомаров Я. И. Начало единодержавия в Древней Руси // Костомаров Н. И. Раскол. Исторические монографии и исследования. М., 1994. С. 183.

⁴ Такие попытки тоже имели место в историографии. См.: Веселовский Н. И. 1) Татарское влияние на посольский церемониал в Московский период русской истории // Отчет о состоянии и деятельности Императорского Санкт-Петербургского университета за 1910 г.

СПб., 1911; 2) О религии татар по русским летописям // Журнал Министерства Народного просвещения. Новая серия. 1916. Ч.БХГ/, июль; Гумилев Л.Н. 1) Поиски вымышленного царства. М., 1970; 2) Древняя Русь и Великая Степь. М., 1989.

⁵ Першиц А. И. Данничество. М., 1973. С. 2, 11.

⁶ Там же. С. 8.

⁷ См., напр.: Павлов П. Н. К вопросу о русской дани в Золотую Орду // Ученые записки Красноярского пед. института. Серия историко-филологическая. 1958. Вып. 13; Каиштанов С. М. Финансы средневековой Руси. М., 1988. С. 6-18.

⁸ Егоров В. Л. Послесловие. Русь противостоит Орде // Карамзин Н. М. История Государства Российского. Т. IV. С. 389-390. — С. М. Каштанов в общем плане для Руси XIУ-XУI вв. ставит и такую существенную проблему, как соотношение налогов и возможность их оплаты населением. «Весьма трудно проанализировать взаимозависимость финансовых обязательств населения и его экономического потенциала» (Каиштанов С. М. Финансы... С. 5).

⁹ Егоров В. Л. 1) Историческая география Золотой Орды в XIII-XIУ вв. М., 1985; 2) Послесловие. Русь противостоит Орде. С. 396.

¹⁰ Подробнее о вече и тысяцких в XIII-XУ вв. см.: Кривошее Ю. В. О средневековой русской государственности. СПб., 1995. С.42-54.

¹¹ Кучкин В. А. Русь под игом: как это было? М., 1991. С. 19-22. — Следует отметить и то, что в последнее время появились работы, в некотором смысле пересматривающие старые подходы (см.: Горский А. А. Москва, Тверь и Орда в 1300-1339 годах // Вопросы истории. 1995. Л>4; Егоров В. Л. Александр Невский и Чингизиды // Отечественная история. 1997. № 2).

¹² Гофман А. Б. Социологические концепции Марселя Мосса // Концепции зарубежной этнологии: Критические этюды. М., 1976. С. 117-122. — Теорией дара занимались также Э. Б. Тайлор и К. Леви-Строс (Тайлор Э. Б. Первобытная культура. М., 1989. С. 465-466; Леви-Строс К. Структурная антропология. М., 1985. С. 301).

¹³ Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980. С. 137-146; Гуревич А. Я. 1) Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970. С. 39-42, 66-82; 2) Категории средневековой культуры. М., 1984. С. 234-247, и др.; Дэвис Н. З. Дары, рынок и исторические перемены: Франция, век XVI // Одиссей. 1992. М., 1994.

¹⁴ Жуковская Н.Л. 1) «Подарок-отдарок» и его место в системе социальных ценностей монголов // МоңғоЙса. Памяти академика Б. Я. Владимирцова. 1884-1931. М., 1986. С. 160-161; 2) Категории и символика традиционной культуры монголов. М., 1988. С. 101, 105-109.

¹⁵ Жуковская Н.Л. 1) «Подарок-отдарок»... С. 165-166; 2) Категории и символика... С.106.

¹⁶ Жуковская Н.Л. 1) «Подарок-отдарок»... С. 166-167; 2) Категории и символика... С. 107. См. также: Ермаченко И. С. Политика маньчжурской династии Цин в Южной и Северной Монголии в XVII в. М., 1974. С. 89-95.

¹⁷ Жуковская Н. Л. 1) «Подарок-отдарок». .. С. 167; 2) Категории и символика. .. С. 107.

¹⁸ Н. И. Веселовский, обративший на это внимание, верно отмечает, что «обмен подарками при посредстве послов установился в очень отдаленное время и не составлял исключительного явления у татар», но в то же время ошибается, говоря, что «последние довели систему вымогательства подарков до виртуозности» (Веселовский Н. И. Татарское влияние. .. С. 7). Не вымогательство, а архаические нормы и обычаи лежали в основе этих отношений.

¹⁹ Полное собрание русских летописей. М., 1962. Т. I. Стб. 474.

²⁰ Там же. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 139.

²¹ Там же. С. 152. — Н. И. Веселовский подметил, что «первые европейские миссионеры получали в Орде в подарок шубы» (Веселовский Н. И. Татарское влияние... С. 15).

²² Липец Р. С. Эпос и Древняя Русь. М., 1969. С. 125-250; Гуревич А. Я. 1) Проблемы генезиса феодализма. .. С. 39-42; Категории... С. 239-243; Фроянов И. Я. Киевская Русь. . . С. 140-143, 146-149; Жуковская Н.Л. 1) «Подарок-отдарок»... С. 166-167; 2) Категории и символика... С. 106.

²³ Веселовский Н. И. Татарское влияние... С. 16-17.

²⁴ Горский А. А. Москва, Тверь и Орда. .. С. 40.

²⁵ Тихомиров М. Я. Куликовская битва 1380 года // Вопросы истории. 1995. К«8. С. 24. Ср.: Павлов П. Я. К вопросу. .. С. 100, 108-109. См. также: Развитие русского права в XV — первой половине XVII века. М., 1986. С. 257.

²⁶ Павлов П. Я. К вопросу... С. 106.

²⁷ Сыроечковский В.Е. Гости — сурожане. М.;Л., 1935. С. 59.

А. Г. Новожиллов

КАРТА ПОСЕЛЕНИЙ КАРЕЛЬСКОГО ПЕРЕШЕЙКА рубежа XV-XVI вв.

Задача, которую мы ставим перед собой в данной статье, сводится к реконструкции системы расселения посредством картографирования. В работе рассматриваются Воздвиженский Корбосельский и Ивановский Куйвошский погосты Ореховецкого уезда Водской пятины Новгородской земли по переписи рубежа XV-XVI вв.¹ (карту см. на вклейке в конце сборника).

Первые попытки нанесения на карту материалов писцовых книг относятся еще к середине XIX в. К. А. Неволин составил карту погостных центров Новгородской земли рубежа XV-XVI вв.,² явившуюся приложением к его работе о писцовых книгах.³

Спустя столетия на свет появилось исследование архимандрита Сергия (Тихомирова) о населении и хозяйстве Водской пятины конца XV — начала XVI в.⁴ с приложением в виде атласа поселений.⁵ Однако следует отметить, что первые попытки картографирования писцовых книг не сопровождались никакими методическими комментариями.

Одним из первых методическое обоснование картографированию материалов писцовых книг дал А. М. Андрияшев.⁶ Оценивая возможности нанесения на карту этих материалов, он полагал, что строгие правила картографии здесь не применимы. Тем не менее картографирование отдельных объектов допустимо при наличии критического отношения к данным о них.⁷ В частности, А. М. Андрияшев предложил при нанесении на карту материалов писцовых книг использовать не современные ему карты, а карты генерального межевания XVIII в. как наиболее близкие к изучаемой эпохе.⁸

Он наметил не только хронологически, но и пространственно дифференцированный подход к материалу. Если авторы, работавшие в то же время в области картографирования и статистической обработки данных писцовых

книг, пользовались методом генерализации и формализации больших массивов данных,⁹ то А. М. Андрияшев пошел по пути стратифицированного геодетерминизма. Суть этого метода заключается в поэтапном изучении историко-культурных процессов на уровне поселения, группы поселений, погоста-округа, наконец, группы погостов-округов при неременном учете конкретных микро- и макрогеографических условий. Эта научная парадигма была высоко оценена последователями,¹⁰ а М. В. Битов, развивая идеи А. М. Андрияшева, предложил теоретическое обоснование такого подхода.¹¹

Вслед за А. М. Андрияшевым М. В. Битов предпринял попытку картографирования материалов переписей. При этом важнейшими условиями достоверности полученных результатов М. В. Битов признавал четкое хронологическое разграничение переписей, учет как локализованных, так и нелокализованных поселений, привлечение данных сопутствующего актового материала.¹²

Он предложил методику реконструкции системы поселений путем постепенного движения исследователя от наиболее раннего картографического материала через переписные книги XVII в. к наиболее ранним писцовым книгам, т.е. методом ретроспекции.¹³ Таким образом, отслеживаются поселения на протяжении нескольких веков. Однако, как отмечал М. В. Битов, на этом пути тоже встречаются трудности: разная транскрипция топонимов, переименования населенных пунктов, забрасывание деревень и появление на их месте поселений с новыми названиями. Добавим, что не все регионы Новгородской земли обеспечены писцовыми, переписными и другими книгами всех переписей XV-XVII вв. В целом работа М. В. Витова открыла новый этап в источниковедении писцовых книг.

Чуть раньше М. В. Витова карты поселений на основе писцового и актового материала применительно к Белозерью составил А. И. Копанев.¹⁴ Пользуясь разновременными картографическими источниками, он, однако, обозначал только четко локализуемые географические объекты, не стремясь восстановить систему расселения.

Работу М. В. Витова продолжила И. В. Власова, в том числе и в области картографирования писцовых материалов.¹⁵

Авторы первого тома «Аграрной истории Северо-Запада России» сделали уточненную карту центров погостов Новгородской земли рубежа XV-XVI вв.¹⁶

В самое последнее время А. А. Шенников предпринял детальную реконструкцию предместий города Гороховца с использованием карт XIX в. и трактовки ономастического материала.¹⁷

А. А. Селин в исследовании, посвященном Ивангородской дороге, на основании различных источников, в том числе и Новгородских писцовых книг, локализовал целую группу поселений, так или иначе связанных с этой магистралью.¹⁸

С. В. Семенов предпринял реконструкцию системы расселения восьми погостов Ореховецкого и Копорского погостов, опираясь на писцовые книги и обширный картографический материал XVII в., как оригинальный шведский,

так и реконструированный в России в XIX в.¹⁹ В этой работе картографирована только часть поселений писцовой книги, даже из тех, которые можно локализовать достоверно. В то же время С. В. Семенцов не дал методического обоснования выбранной модели картографирования материалов писцовых книг.

Интересен опыт Г. А. Немирова текстовой реконструкции системы расселения в Приневье. Автор попытался дать географическую привязку отдельных деревень, обозначенных в писцовых книгах. Эти попытки часто весьма недостоверны, что, впрочем, в отдельных случаях признается и им самим.²⁰

Исходя из основной задачи восстановить систему расселения в изучаемом районе, мы попытались нанести на карту максимально возможное количество населенных пунктов.

Первую группу, обозначенную на карте черным кружком, составляют достоверно локализованные поселения. Во вторую группу, выделенную черными четырехугольниками, вошли деревни, местоположение которых определено условно. Специфика погостов Приневья заключается в привязке к одному физико-географическому объекту иногда до десятка деревень. Если объект достаточно велик (озеро, гряда камовых холмов, бассейн реки), то все привязанные к нему поселения обозначаются на карте одним значком условного местонахождения. Это обозначает, что все деревни этой группы находились в радиусе 1-2 км от значка. Если же объект невелик (небольшое озеро, бассейн ручья, сельга), то на карте поселения, привязанные к нему, условно сводятся в одну точку и обозначаются черным кружком. Третью группу, обозначенную белыми кружками, составляют поселения, достоверность местоположения которых спорна.

М. В. Витов задавался вопросом: а следует ли их учитывать в планах? И дал положительный ответ, полагая, что в реконструкции карт важны не абсолютные координаты поселений (их все равно не восстановить), а возможность наглядно представить степень населенности территорий.²¹ Согласившись с таким подходом, добавим, что не только демографические процессы возможно реконструировать посредством таких планов, но и модели природопользования и хозяйственного освоения пространства.

Методику установления местоположения спорных поселений начат разрабатывать М. В. Витов. В первую очередь такие деревни выявлялись по привязке к более явным географическим ориентирам (озерам, рекам, погостам). При движении по погосту внутри боярщины соблюдался «принцип соседства деревень». Если из трех подряд записанных деревень вторая не локализована, а первая и третья расположены рядом, следовательно, и вторая близка к ним.²² В более общем плане этот принцип отражает попытку реконструкции методики записи поселений писцом. При таком методическом ракурсе становится важным весь порядок записей поселений в писцовой книге. Однако, как уже отмечалось, эта методика дает только приблизительные результаты.

Транскрипция названия одного и того же поселения («вопчего») на разных

страницах одной писцовой книги бывает разной, например, «деревня Коневская во Влозе» и «деревня Влога», «Волосово» или «Полосово», «Лисицы» или «Лысицы».²³ Что говорить, если названия содержатся в разных книгах (общей и дворцовой) или это названия соседних деревень, привязанных к одному озеру, реке или просто урочищу... В таких случаях мы допускали возможность совпадения локализации двух поселений, названия которых не были идентичны, но были близки.

Естественно, что часть поселений не удалось локализовать даже предположительно. Такие населенные пункты оговорены отдельно в комментариях.

В ходе работы над планом мы пользовались реконструированной по шведским материалам 1676 г. картой военно-топографического депо, картами и планами, собранными А. И. Гиппингом и А. А. Куником и изданными А. С. Лаппо-Данилевским, а также в качестве топоосновы картой радиоактивного заражения Ленинградской области.²⁴

Комментарии к карте. Список поселений

1. Погост Ивановский Куйвохиский

1. А*. 1-погост с церковью Иоанна Предтечи (С. 142)**; 2-4-Москотово Кокорино на Куйвоше***, у погоста Кокорино****, Кокорино (С. 146, 147, 153); 5 —Замошье (С. 146); 6-8 — Кильбина Лука Бородулина над озером Райколом, Колчаново Микулино над озером Райколом, Новое Микулино сиденье над Райколом (С. 147); 9 —Рогма (152); 10-13 — Рандакула в Мягких над оз. Лембогальским, Рандакула Нестерово над оз. Лембогальским, Рандакула, Рандала (С. 152, 153, 177); 14-17 —Угол Мякишев, Мякишево (2 деревни), Мякишево Якимово сиденье (С. 142-143); 18-19 —Королев остров, на Королеве Острове (С. 179, 197); 20 —Харлово в Мягких (С. 196); 21 —Онтотманово в Мягких (С. 196).

Б. 22-30 — Куйвоша, Парфеевское Олферьевское на Куйвошах, Куйвоша Кузмино, Бородулино на Куйвошах, Вилякино, Онтоново на Куйвошах, Горлино пустошь на Куйвошах, Куйвоша Царевское, Петровское на Куйвоше, Куйвоша Ескино сиденье на Куйвошах**** (около Королева Острова № 18-19) (С. 142, 147, 152, 171, 172, 198); 31-36 — в Мягких на Красне на Визьяге, Наумкино на Красных, Назаркино в Мягких же, Марково в Мягких, Родивоново Микитское в Мягких, (С. 182, 196).

В. 37-39-Урвисо, Урвино (2 деревни) (С. 181-182); 40-Огафоново (С. 181); 40-47 —Лядина (6 деревень), Лядины (С. 147-148, 176); 48 —Фомкино на Ойнемене реке над озером Лембогальским (С. 153); 49-52 — Телкота над Лембогальским оз. (2 деревни), Телкота, (2 деревни) (С. 145, 149, 152, 161).

* Под буквой «А» — точно локализованные поселения, под «Б» — группы деревень, привязанные к точно локализованному физико-географическому объекту, под «В» — условно локализованные поселения.

** В скобках обозначены страницы в ВОИДР XI, на которых находится информация о поселениях.

*** В написании названий деревень соблюдается орфография писцовых книг.

**** Названия деревень на рубеже XV-XVI вв. могли принимать форму указания на местоположение. Например, деревня на Куйвошах, деревня у погоста, деревня над озером Лембогальским и т.д. Во всех подобных случаях мы опускаем слово «деревня».

Куйвоши — обширная низина к востоку от Лембогальского (Лемболовского) озера. Северная часть равнины именуется в писцовых книгах Мягие (Мякишево). Равнина охватывает также южный берег Лемболовского озера и все озеро Райкола. Территория равнины частично заболочена, особенно нижние уровни озерных террас.²⁵ На северо-восточной окраине начинаются небольшие всхолмления, ограниченные по внешнему контуру торфяником. На севере, юге и востоке равнина ограничивается полосами камовых холмов и моренными грядами, на западе — Лемболовским озером.

Здесь расположено не менее 52 поселений. Еще 10 не локализованных поселений также находились на этой равнине. Средняя дворность поселений — 1,45, средняя людность²⁶ — 1,97.

II. А. 53 — в Корком у часовни (С. 144); 54 — Огладба у часовни (С. 160); 55-57 — Соткуево Шохново, Соткуево, другое Соткуево (С. 184); 58 — Мазуево на Корком (С. 185); 50 — Коркома в Заречье (С. 150, 162); 60 — на Подоле и Лембогале Микулино (С. 154); 61 — на Лембогале Большой Двор (С. 153); 62 — на Лембогале Трофимово (С. 156); 63 — на горе Лембогале (С. 154); 64-65 — Подгорье Якушовское над Лембогальским озером, Подгорье на Лембогале (С. 154, 155).

Б. 66-77 — на Лембогале Стехново у озера, Васково на Лембогале, Сурикино на Лембогале, Ключниковское на Лембогале, Борисово на Лембогале, Сарино на Лембогале, Кутино Власово на Лембогале, на Нове на Лембогале, на Лембогале Сергеево, на Нове на другой Лембогале, на Лембогале над Токаревым Цыблово, Каппухтуево над озером Лембогальским (С. 145, 154-157, 178); 78-96 — Коркома на подоле Михейково, Коркома Федоровская, на горе на речке Коркоме, Мялушкино Вергела на Корком, Вергела, на Корком, Варгела на Корком, Коркома на подол Олексино, Микифорово на Варгеле, Коркома Гишуево, Михалово на Корком, Воргела, Рокино на Корком, на Корком Демешкино, на Корком Потапово, на Корком же Конаково, на Корком на горке Дмитроково, на Корком Ескино, Корпово на Корком (С. 157, 160, 177-179, 184-186, 195); 97-113 — Огладва Наумково Онтуфьево, Коневская Сафонова на Огладве, Огладба на Галде, на Огладбе Яшково, на Огладбе Лукинское, Климовская на Огладбе, на Огладбе (2 деревни), на Огладбе худая, Усколево на Огладве, на Огладве (2 деревни), Ондрейково на Огладве, Галуксово на Огладве, на Огладве Ивашково, на Огладве Нестерово, на Огладве на горе (С. 160-161, 176, 184, 185, 187, 193-196).

В. 114-115 — Каргазино на Лембогале, другое Каргазино (С. 155); 116 — на горе Ильмкуево у Великого Камени;

Лембогала, Коркома и Огладва — группы холмов у подножия платообразной возвышенности, именуемой в писцовых книгах Подолом (См. №60 и в №76-96). Лембогала располагалась к западу от Лемболовского озера, Коркома — к северо-западу и северу, Огладва — к северо-востоку. Судя по паре Лембогала-Лембогальское озеро, Коркомой, возможно, также называлась современная река Кожица, а Огладвой — Вьон. На востоке и юге ограничивается Лемболовским озером и «Куйвошской равниной», на западе — плато, на севере — границей с Карельским уездом.

Это один из самых плотнотаселенных регионов. Нам удалось локализовать 62 поселения, еще 8 мы относим к этому региону гипотетически. Из этих поселений четыре — пустоши (все в Коркоме). Средняя дворность деревень здесь — 1,45, людность — 1,94. Однако поселения Лембогалы отличаются от общего массива: средняя дворность — 1,7, людность — 2,35.

III. А. 117 — Мустела (С. 167).

Б. 118-121—на Горке Мустоле, Кудрино на Мустеле, на Мустеле Гурнино, на Мустеле ж Оксина (С. 167-169); 122-129 — Игнатово Калейгола, Калейгола Макарово, Кайлегола Иголкино, Новое на Кайлеголе, на Кальягале, на Кальяголе ж Микулино у часовни, на Кальягале Парфеевское, на Кальягале ж Долгино (С. 169-170); 130-137 — Васильеве, Олферьево на Войногале, Сидорово на Войногале, Ескино на Войногале, Новое на Войногале, на Тойвокале, на Войнокале же Якимово на бору, Тойвокала (С. 165-166, 185, 186).

В. 138-143 — на Сае Гамуево Нестерове сиденье, Белавино на Сае на немецком рубеже, Левонково на Сае на рубеже немецком, на Сае же, на Сае Пянтеево, на Сае Новое Тимуево (С. 145, 157, 162, 178, 184).

Все эти деревни располагаются на плато, занимающем центр Карельского перешейка. Сая, вероятнее всего, современная река Волчья. Мустола, Кайлегола и Войногала — местности, отделенные друг от друга верховыми болотами. С севера, востока и юга территория очерчивается границами плато, с запада — границей с Швецией.

Из 27 нанесенных на карту деревень 2 пустоши. Еще 4 деревни этого региона не локализованы. Средняя дворность жилых деревень — 1,48, средняя людность — 1,93.

IV. А. 144-145 — Корбола на Корбосельском озере, Горбола над озером Горбосельском (С. 181).

Б. 146-150 — Перзимьяка (5 дер.) (С. 191-192); 151-157 — Большой Двор в Путколе, Путкола (6 дер.) (С. 179, 189, 193, 198). 158-171 — Сояла (9 дер.), Сояла у часовни, за часовнею Сояла, Соя, Сояла Иконниково, Сояла у озера Сояльского (С. 186, 190-191, 197-198); 172-181 — Гарбола (7 дер.), в Гарболе Конец, Гарбола на Горке, починок над Гарболой рекой (С. 189, 193, 194, 197, 198).

Б. 182-184 — Пяяла (2 деревни), Пяяла Пачково (С. 150, 162, 174); 185 — Корбачово на Гарболе Наумково (С. 188); 186-188 — Маселга (2 деревни), на Масельге (С. 180, 183); 189-190 — Олексеево на Масельге над оз. Синомасом, Наумково на Масельге над озером же (С. 183); 191-194 — Устеево над Синомажем, Горка над озером Синоманским Куземкино, Устьево (2 дер.) (С. 144, 180, 182).

Поселения четвертой группы располагались на полосе камовых холмов, протянувшихся на юг к Кавгаловскому озеру. С запада и востока район ограничивается равнинами, спускающимися к Ладожскому и Лемболовскому озерам. На севере — торфяник, на юг далее по гряде холмов — Корбосельский погост. Путкола, Пяяла, Сояла, Масельга, Горбола (Корбола) и Перзимьяка — названия отдельных холмов или групп возвышенностей.

В этой части погоста локализовано 51 поселение (два запустело). Местоположение еще 6 поселений этого района уточнить невозможно. Средняя дворность обитаемых поселений — 1,31, средняя людность — 1,73.

V. А. 195 — Ваганова (С. 190); 196 — Сафонове (С. 188); 197-199 — Матукса на Влозе Иванково, Матукса на Влозе реке, Матукса за рекою Влозою (С. 189); 200-201 — на Валоярви (2 деревни) (С. 188); 202 — Селище на Нове (С. 187).

Б. 203-217 — Самылковская на Влозе, Коневская во Влозе, на Влозее, на Влозе Большой Двор, Влога (2 деревни), на Влоге Крашгу, на Влозе (3 деревни), Малое Село, Влога Горка, на Влозе Плешаково, Тишино Сиденье на Влозе, во Влозе Вильякино Рукуево (С. 150, 162, 171, 173, 175, 187, 190-192, 194).

Долина реки Влоги окружена болотами, в том числе и крупными торфяниками. На западе ограничена грядой холмов.

Все 23 поселения локализованы, одно из них — пустошь. Средняя дворность жилых поселений — 1,22, средняя людность — 1,52.

VI. А. 218-219 — Нижний берег на Влоге, на Нижнем берегу (С. 149, 158, 165); 220 — на берегу на Вышнем на реке Влозе (С. 187); 221 — Сторожарово у Ладожского озера (С. 150, 161); 222 — Носово у Ладожского озера (С. 187).

В. 223 — Вепрево у Ладожского озера (С. 195).

Все 6 поселений имеют промысловый рыболовецкий характер и расположены на берегу Ладожского озера или вблизи него в низовьях Влоги. Средняя дворность — 4,2, средняя людность — 4,7.

Не локализованными даже приблизительно оказались 54 поселения. Из них 28 можно отнести к одному из 6 выделенных нами районов, относительно остальных 26 не удалось сделать даже этого.

Римскими цифрами на карте обозначены часовни: I — часовня в Коркоме, II — часовня в Сояле, III — часовня в Кайлеголе.

2. Погост Воздвиженский Корбосельский

I. А. 1 — Погост с церковью Воздвиженья Честного Креста (С. 199); 2 — Часты Дворы на реке Охте (С. 210); 3-6 — Морошкино, Морошкино на Охте, Морушкино на Охте (2 деревни) (С. 210, 226); 7-8 — Чернеево Мезикино, Мезгино (С. 211, 223); 9-12 — Мендосар (3 деревни), Мендосар на реке Мендосаре у часовни (С. 217); 13-14 — Токсово Кирино у оз. Токсово, Токсово ж Мундуева гора (С. 228); 15 — Березова Пантелеева в Терентьеве конце у оз. Ягоярв (С. 227); 16-17 — Розмесово, Розмесово на Березове (С. 216, 231).

В. 18-32 — Карбоселка, на Карбоселском Волково Ортемово, Игуменовская на Боровской Корбоселке, Большой Двор, Подгорная, Боровское, Большое Корбоселка над Охтою, Волкосар у Большово над Охтою, над горою над Охтою, на Корбоселке Тарасьино Мишутино, на Корболке ж Грихново Мишутино, на Корбоселке Яхново Мишутино, на Корбоселке Якушово Мишутино, на Корбоселке ж Мишутино, Фефилово Карбоселка Боровская (С. 211, 223-225, 234); 33-48 — на Березове Кирилловых, на Березове Логиново у оз. Березова, на Березове ж другое Логиново, Бережова ж Устеево у Ягоярвы, Березова ж Федково, Лисица на Нове на Березове, Осташово Березово ж, Пустошь Батино на Березове ж, Захарове Березово, Березово ж, на Березове Горка Андрейково, Замошье на Березове Игалково, Сукопие Ортемово на Березове ж, на Нове на Березове Заозерье, починок на Нове на Березове, Березовой Конец (С. 201, 212, 227-230, 235); 49-55 — Гитола (3 деревни), Гитола над озером Гитольским, Гитола у оз. Глубокого (2 деревни), Гитола за врагом у озерка (С. 230-231); 56-61 — на Рогме (4 деревни), на Рогме Офонасово, на Рогме Ермолино (С. 213).

В. 62 — на Жаворонковой горе Микулкино (С. 214); 63 — Кургала под горою (С. 202, 226, 229, 231).

Эти поселения располагались в южной части гряды камовых холмов, тянувшейся из Куйвошского погоста к среднему течению реки Охты. На западе, востоке и юге район ограничен низинами, на севере — границей погоста.

В этом районе погоста локализовано 63 поселения. Средняя дворность поселений — 1,87, средняя людность — 2,41.

И. А. 64 — на Кавгале Кирилове (С. 212); 65 — Сараселка (С. 211), 66 — Мердуа (С. 203); 67 — на Валакуле Максимово (С. 203).

Б. 68-77 — на Кавгале (3 деревни), на Кавгале Ксоково, на Кавгале Тишино, на Кавгале у часовни, на Кавгале Подгорное, на Кавгале Большой Двор, на Кавгале Доброселка, на Кавгале Кудрово Максимово (С. 200-201, 207-208, 212-213); 78-82 - Аввала (4 деревни), Аввала на реке Аввале (С. 214, 216); 83-88 — на Сторожеве горе, на Стожарове горе на Охте, Сторожова гора на Охте Менуево, на Сторожове горе на Охте, Ивашково на Сторожовой горе на Охте, на Сторожовой горе за Охтою (С. 200, 207, 215), 89-99 — Хамяно на Валкосари, на Валкасаари Тойвала Лембитово, на Валкосаари у часовни Новзово, на Валкасари, на Валкасари на Лядине (2 деревни), Галини на Валгасари, на Валгасари за мхом Михейково, за мхом Кукуевское, Замошье, на Валгасари Пиккуево (С. 204-205, 220-221); 100-104 — Налестила Новинка на Сестре, на Лестила Костково, Лестино (2 деревни), Лестина Весь (С. 204-206, **2221**).

В. 105-110 — на Сарке, на Сярке на Охте, на Сярке, Сарка (2 деревни), Сарка на Охте (С. 209-212); 111 - Лавгуева гора (С. 211); 112-113 - Сурья Бор, Сурья (С. 226-227); 114 - Мосейково (С. 203); 115 - Кургуево (С. 203); 116-119 - Манина Весь (2 деревни), Маниньское, Манина Весь на Сестре (С. 220, 222).

Эти поселения расположены на гряде холмов, являющейся водоразделом Ладожского озера и Финского залива. С севера эта группа поселений ограничивается центральным плато Карельского перешейка и прилегающей к нему равниной, с юга — приневской равниной, с востока — Кавголовским озером, с запада — границей со Швецией.

На этой гряде холмов локализовано 56 поселений, из них одно — пустошь. Средняя дворность обитаемых поселений — 1,75, средняя людность — 2,07.

III. А. 120 123 - Лопала (3 деревни), Пилиитово Лопала (С. 216-219); 124-125 — Сиротала на реке Сиротале, на Сиротале Нижний Двор (С. 218); 126-129 — Паркола (3 деревни), на Парколе (С. 232-233); 130-132 — Гувьясалка (2 деревни), Гувьясалка на Нове (С. 233); 133-134 — Перлятино на Сестре, другое Перлятино на Сестре (С. 200).

Б. 135-143 — Хабаканка Исаково, Хабаканка Сменково, Хабаканка Павлово Игнатово Сиденёе, Хабаканка на Нове, починок на Хабаканке, Хабаканка (3 деревни), Хабаканка Нефедово (С. 217-218, 220, 233-234).

В. 144-145 — Каменка на реке Каменке, Каменка на Каменке (С. 227, 233).

Это склон от высот в районе среднего течения Охты к Финскому заливу. Небольшие всхолмления. Границы: на севере и востоке — гряды холмов, на западе — прибрежная полоса залива, на юге — болота дельты Невы.

Здесь 26 поселений. Средняя дворность поселений — 2,65, средняя людность — 2,85.

IV. А. 146-Лисичье в Корине Носу (С. 199-200), 147-Керино на море (С. 200); 148 — Верепяря на море на Корине ж (С. 200).

Три промысловых поселения на берегу Финского залива. Средняя дворность поселений — 13,0, средняя людность — 17,3.

Римскими цифрами на карте обозначены часовни: IV — часовня на Мендосааре, V — часовня на Кавгале, VI — часовня на Валкосааре.

Картографирование поселений (см. карту) показывает, что господствующим типом расселения Карельского перешейка рубежа XV-XVI вв. был гнездовой. М. В. Витов связывал этот тип расселения с оазисным характером освоения

ландшафта.²¹ Он же отмечал, что такой тип расселения отражается в собирательных названиях гнезд.²⁸

В то же время отнести гнёзда Карельского перешейка к классическим, критерии которых выработаны в исторической географии, невозможно.²⁹ Во-первых, из-за того, что здесь встречается большое количество одиночных поселений; во-вторых, эти гнезда нередко находились на близком расстоянии друг от друга, иногда сливаясь на местности.

Кроме того, на размеры гнезд и входящих в них поселений большое влияние оказывали возможности ландшафта. Так, на сельгах преобладали большие гнезда из мелких поселений, на равнинах — более крупные поселения, объединявшиеся в мелкие гнезда, наконец, в промысловых районах доминировали отдельные крупные поселения.

Более близкие параллели мы обнаруживаем в этнографической литературе начала XX в. Изучая структуру финских поселений Карельского перешейка, В. А. Егоров обнаружил наиболее архаический пласт системы расселения. «Типичная финская деревня раскинулась просторно на пригорках (шак1), между которыми в весеннюю или осеннюю распутицу нет сообщения... Расстояние между деревнями до 0,5 версты. Усадьбы расположились свободно, так что вся земля одного хозяйства стянута в одном месте, около дома. Чересполосицы нет».³⁰

Территория Карельского перешейка на рубеже XV-XVI вв. входила в ареал расселения средневековой ижоры и составляла северную его часть. Поэтому мы можем охарактеризовать тип расселения в изучаемом районе в конце XV — начале XVI в. как особый, соответствующий модели освоения пространства, характерной для северной ижоры, и сохранявшийся до начала XX в., несмотря на изменение этнической ситуации.

¹ Переписная окладная книга по Новгороду Вотской пятины 7008 года // Вестник Московского общества истории и древностей Российских. Кн. 11. М., 1851. С. 142-235 (далее — ВОИДР XI).

² Неволин К. Карта пятин Новгородских в XVI веке с показанием в них городов и погостов. СПб., 1853.

³ Неволин К. О пятинах и погостах новгородских XVI в. СПб., 1853.

⁴ Архимандрит Сергей (Тихомиров) 1) Новгородский уезд Вотской пятины по писцовой книге 1500 г.: Историко-экономический очерк // Чтения в Московском обществе истории и древностей Российских (далее — ОИДР). Кн. 4 (191). М., 1899. С. 1-119; 2) Черты церковно-приходского и монастырского быта в писцовой книге Водской пятины 1500 года (В связи с общими условиями жизни). СПб., 1905. 456+115 с.

⁵ Архимандрит Сергей (Тихомиров). Карты Водской пятины и ея погостов в 1500 году. СПб., 1905.

⁶ Андрияшев А. М. Материалы по исторической географии Новгородской земли. Шелонская пятина по писцовым книгам 1496-1576 гг. I. Списки поселений // Чтения в ОИДР. Кн. 3 (2.50). М., 1914. БХХУШ+544 с.

⁷ Там же. С. XVII.

⁸ Там же. С. XII-XYII.

⁹ См. напр.: Архимандрит Сергей (Тихомиров). 1) Новгородский уезд. ...; 2) Черты...

3) Карты...; *Нордман И. Н.* Статистический метод в исследованиях древнерусского хозяйственного быта // Труды студентов экономического отделения Санкт-Петербургского политехнического института. №2. СПб., 1909; *Кауфман А. А.* Предисловие. Статистические итоги // Новгородские писцовые книги в статистической обработке. Т. I. Погосты и деревни Шелонской пятины по письму 1498-1501 гг. Пг., 1915. С. 1-50; *Гневушее А. М.* Очерки экономической и социальной жизни сельского населения Новгородской области после присоединения Новгорода к Москве. Т. I. Киев, 1915.

¹⁰ *Витов М. В.* Историко-географические очерки Заонежья XV-XVII вв. Из истории сельских поселений. М., 1962. С. 32; Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV — начало XVI в. / Рук. авт. коллектива А.Л.Шапиро. Л., 1971. С. 7.

¹¹ *Витов М. В.* 1) Историко-географические очерки. ... С. 32-39; 2) Приемы составления карт поселений XV-XVII вв. по данным писцовых и переписных книг (на примере Шунгского погоста Обонежской пятины) // Проблемы источниковедения. Т. 5. М., 1956. С. 239-245.

¹² *Витов М. В.* 1) Приемы... С. 239, 244-245; 2) Историко-географические очерки... С. 32, 38-39.

¹³ *Витов М. В.* Приемы. ... С. 236-237, 239-244; 2) Историко-географические очерки. ... С. 29, 33-38.

¹⁴ *Копанев А. И.* История землевладения Белозерского края XV-XVI вв. М; Л., 1951. — Карты даны в виде отдельного приложения.

¹⁵ *Витов М. В., Власова И. В.* География сельского расселения Западного Поморья в XV-XVII вв. М., 1974. 192 е.; *Власова И. В.* Сельское расселение в Устюженском крае в XVIII - I четверти XX в. М., 1976. С. 24-25.

¹⁶ Аграрная история... — Карта также сделана в виде отдельного приложения.

¹⁷ *Шенников А. А.* Гороховецкие зимницы. Очерки из истории российских крестьян, их хозяйства, быта и культуры. СПб., 1997. С. 7-12.

¹⁸ *Селин А. А.* Ивангородская дорога. СПб., 1996. С. 6-23.

¹⁹ *Семенов С. В.* К вопросу об особенностях заселения территорий Приневья в конце XV — начале XVI веков // Петербург и Россия. Материалы Энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург-2003» / Отв. ред. Ю. В. Кривошеев. СПб., 1997. С. 93-95, 99-111.

²⁰ *Немиров Г. А.* Петербург до его основания. СПб., 1889-1892. С. 121-242.

²¹ *Витов М. В.* 1) Историко-географические очерки... С. 36—39; 2) Приемы... С. 245.

²² *Витов М. В.* 1) Историко-географические очерки... С. 37; 2) Приемы... С. 243.

²³ *ВОИДР XI.* С. 192, 194; Переписная оброчная книга Вотской пятины 1500 г. первая половина // Новгородские писцовые книги. Т. III. СПб., 1868. С. 646, 647, 673, 678.

²⁴ Карта бывших губерний Иван-города, Яма, Копорья и Нэтеборга. Составленная по масштабу 1/210 000 1827-го года под присмотром Генерал-Манора Шуберта Генерального штаба Штабс-Капитаном Бергенгеймом 1-м. Из материалов, найденных в Шведских архивах, показывающая разделение и состояние онаго края в 1676 году; *Лаппо-Данилевский А. С.* Карты и планы Невы и Ниеншанца, собранные А. И. Гиппингом и А. А. Куником. СПб., 1913; Ленинградская область. Карта радиоактивного загрязнения. СПб., 1992. Более подробную информацию о планах и картах интересующего региона см.: *Семенов С. В.* К вопросу об особенностях. ... С. 93.

²⁵ *Гагарина Э. И., Матинян Н. Н., Счастливая Л. С., Касаткина Г. А.* Почвы и почвенный покров Северо-Запада России. СПб., 1995. С. 194.

²⁶ Людность — количество «людей» писцовых книг, т.е. женатых мужчин, во дворе. О «людях» писцовых книг см.: Аграрная история Северо-Запада России. С. 17-20.

²⁷ *Витов М. В.* Историко-географические очерки... С. 35-36.

²⁸ Там же. С. 160, 174-177.

²⁹ Там же. С. 16-17, 159-167; *Дегтярев А. Я.* Русская деревня в XV-XVII вв. Очерки истории сельского расселения. Л., 1980. С. 32-35.

³⁰ *Егоров В. А.* Эврэмейсы Лесколовского сельсовета. Из поездки 1927 года // Сборник Ленинградского общества исследователей культуры финно-угорских народностей. Вып. 1. Л., 1928. С. 40.

**ПОЗЕМЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В КРЕСТЬЯНСКИХ
ОБЩИНАХ ПСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ
во второй половине XIX — начале XX в.***

Господствовавшие в поземельных отношениях традиции и направление их изменений составляли тот общий контекст, которым определялся характер этносоциальных процессов на Псковщине во второй половине XIX — начале XX в. Поэтому представляется актуальным поставить вопрос о характере поземельных отношений в крестьянских общинах, их динамике и локальных особенностях.

Общинный характер землепользования, закрепленный положениями реформы 1861 г., делал регулирование земельных отношений основной задачей крестьянских «миров». Конкретные формы этого регулирования, направления их эволюции в рамках обозначенного периода в различных районах Псковщины определялись совокупностью факторов: демографических, хозяйственных, макроэкономических, политических. Часто очень трудно однозначно выявить и учесть все факторы и наиболее весомые из них, влияющие на тот или иной характер течения внутриобщинной поземельной деятельности.

Одним из существенных факторов, воздействующих на поземельные отношения общин, был характер сельского расселения. Псковская губерния в целом в рассматриваемый период отличалась малодворностью поселений. При этом, однако, наблюдались значительные различия по отдельным уездам. Самыми крупными были поселения Порховского уезда, самыми малодворными — Торопецкого уезда (см. табл. 1). Север и северо-запад губернии были более населенными, и поселения там были крупнее, чем на юге и юго-востоке. Этот факт в совокупности с другими во многом определял поземельные отношения в общинах этих частей губернии.

Следующим важным фактором была демографическая ситуация в регионе. Во второй половине XIX — начале XX в. шел неуклонный рост численности крестьянского населения. В период от X ревизии (1859 г.) до первой всеобщей переписи (1897 г.) население Псковской губернии выросло на 60%. Ежегодный прирост составлял в среднем 1,2%.¹ Темпы роста численности населения в начале XX столетия были еще выше. За 12 лет — с 1904 по 1916 г. — население губернии выросло на 18,2 % при среднем ежегодном приросте в 1,4%.²

* Исследование проведено при поддержке РГНФ. Проект К® 02-01-18052е
© И. И. Верняев, 2004

Таблица 1. Характер сельского расселения Псковской губернии

Уезды	Жителей на 1 кв. версту	Селений на 10 кв. верст	Дворов на 1 селение	Жителей на 1 двор
Псковский	31,6	4,8	10,2	6,5
Островский	28,9	5,6	7,8	6,5
Опочецкий	23,6	4,9	6,9	6,9
Порховский	24,1	2,8	14,8	5,7
Новоржевский	21,2	3,3	10,3	6,1
Великолуцкий	20,9	4,8	6,9	6,2
Холмский	10,8	3,1	5,1	5,9
Торопецкий	10,5	3,8	4,7	6,2
По губернии	21,6	4,8	8,5	6,2

Сост. по: Строкин Я. Население Псковской губернии. Псков, 1882. С. 52.

Другой сложный фактор — относительная обеспеченность крестьянских общин земельными ресурсами. За исключением юго-восточных уездов — Торопецкого и Холмского — практически повсеместно в Псковской губернии на фоне демографического роста наблюдался существенный земельный голод. Надельная земля не поглощала наличный состав рабочих сил.

Недостаток надельной земли бывших государственных крестьян усугублялся ее разбросанностью. Это было наследием дореформенных времен, когда отдельные общины государственных крестьян в случае увеличения в них наличного состава после очередной ревизии получали так называемые *поддачи* из фонда государственных земель. Таким образом, создавалась межобщинная чересполосица, что влекло за собой дополнительные неудобства. Например, в Псковском уезде были общины, имевшие земли даже на территории других уездов. Дальние земли поддач обрабатывались плохо и приносили мало пользы. В пореформенное время некоторые из общин предпочитали сдавать их в аренду.

Недостаток и неудобства расположения надельной земли общины вынуждены были восполнять арендой и покупкой частновладельческих земель.

Основным занятием крестьянского населения Псковской губернии было земледелие, сочетающееся с различными видами промыслов, приносящих денежный доход и занимающих свободную рабочую силу крестьянских семей, прежде всего в свободное от земледельческих работ осенне-зимнее время. Главным промыслом населения северных и северо-западных уездов губернии (Псковского, Островского, Опочецкого, Порховского) и волостей Холмского уезда, расположенных по р. Хлавице, была обработка льна, в большом количестве высеваемого в этих местностях. Крестьянское население лесных юго-восточных уездов (Холмский и Торопецкий) занималось лесными промыслами. Повсеместно в губернии были распространены отхожие промыслы.

Льноводческая часть губернии отличалась высоким уровнем включенности в рынок, товарно-денежных отношений. Здесь среди крестьянского насе-

ления наблюдалась значительная имущественная дифференциация. Крупные крестьянские семьи, разбогатевшие на занятии льноводством, брали в аренду или покупали большие земельные участки. На другом социальном полюсе находились обедневшие семьи, не имевшие достаточно рабочих сил для трудоемкого льноводства и денежных средств для аренды земли под посевы льна и тем более для покупки земли в собственность. Для членов таких семей большее значение приобретали отхожие промыслы и найм в качестве сельскохозяйственных рабочих. Другим выходом для этих семей, особенно для тех из них, которые обладали достаточным количеством рабочих рук, было переселение в богатые земельными ресурсами юго-восточные уезды губернии. Здесь они, как правило, становились *исполовщиками*, т. е. арендаторами земли на условиях оплаты половиной урожая. Наиболее удачливые приобретали землю в собственность. Исполовщики, а также другие категории арендаторов и семьи, купившие землю в собственность (так называемые *пустошники*), составляли поток переселенцев из плотно населенных льноводческих местностей губернии в редко заселенные юго-восточные уезды. Переселенцы распространяли культуру льна, повышали экономический уровень юго-востока. Среди них складывались специфические формы социальных отношений.

Кратко охарактеризованные выше основные демографические и хозяйственно-экономические факторы определяли особенности поземельных отношений в крестьянских «мирах» различных местностей Псковщины. По усредненным данным середины 80-х годов XIX в., усадебная земля в крестьянском наделе составляла 1,3% надела, полевая земля — 37,7, покосы — 26, пастбища и лес — 28, земля под дорогами — 7%.³ Рассмотрим особенности общинных поземельных отношений с точки зрения основных составляющих наделной земли.

Усадебная земля. К усадебной земле относилась земля под домом, хозяйственными постройками и огород. Эта земля повсеместно в Псковской губернии находилась в подворном пользовании и не подвергалась периодическим переделам между дворохозяевами общины. Участки под огородами обязательно находилась рядом с двором. Были такие общины, где огороды каждому двору нарезались на особом участке, наиболее удобном для этого. Так, в дер. Бляницы Березской волости Порховского уезда огороды делились на две части: «верхние огороды», расположенные на холме рядом с дворами, и «нижние огороды», нарезанные на отдельном участке земли у подножья холма. Такое деление обеспечивало минимум урожая при любом характере летнего сезона — влажном или засушливом.⁴

В разных общинах был установлен различный принцип наделения дворохозяев усадебной землей. Дворохозяева могли наделаться равным количеством усадебной земли. Так, в общине дер. Борок Березской волости Порховского уезда *ободворочной* (усадебной) землей все дворы были наделены примерно поровну — по 200 квадратных сажень (0,08 дес.) каждый. При этом тот, кому ободворочная земля досталась худшего качества, получал небольшую

прирезку, величина которой в каждом конкретном случае определялась сходом. Те, кто без оснований обладал большим количеством усадебной земли, должны были платить общине *денежный обряд*—по 2 копейки за квадратную сажень. Причем из-за плохого качества огородной земли некоторые домохозяева, отдавшие ею сверх нормы, просили мир снять с них эту землю и соответственно плату за нее. Но мир отказывал им в этом, используя денежный наряд для организации праздников. Вновь возникающим в дер. Борок дворам землю под усадьбу выделяли в конце деревни.⁵

Во многих общинах размер усадебной земли устанавливался в соответствии с размером полевой земли по принятой системе разверстки.

Выморочные и брошенные хозяевами усадебные участки, как и другие уголья, поступали в распоряжение общины.⁶

Полевая земля. При существующей земельной тесноте и росте населения поземельная ситуация в псковской крестьянской общине может быть охарактеризована как «борьба за землю». Особенно это характерно для льноводных местностей. В этой борьбе общинные механизмы распределения наделной земли зачастую становились способом концентрации ее в руках зажиточных дворохозяев.

В русской пореформенной общине существовало несколько способов перераспределения полевой пахотной земли. Во-первых, коренные переделы, при которых изменялось положение полос каждого домохозяина и их количество в зависимости от количества приходящихся на его долю разверсточных единиц в соответствии с принятой системой разверстки. В табл. 2 поуездно указано количество общин, которые производили коренные переделы в период от реформы 1861 г. до 1897-1904 гг. (в эти годы проводилось сплошное статистическое исследование губернии и были получены данные по коренным переделам).

Таблица 2. Коренные переделы в общинах Псковской губернии в период с 1861 по 1904 г.

Уезды	Число общин (деревень)	Число общин, в которых производились коренные переделы	То же, %
Псковский	2086	1149	55,1
Островский	2107	127	6,4
Опочецкий	1903	36	1,9
Порховский	1546	344	21,6
Новоржевский	1177	44	3,7
Великолукский	1681	150	9,8
Торопецкий	1643	27	1,7
Холмский	1339	20	1,5

Сост. по: *Наймарк И. Я.* Хуторское расселение на наделных землях Торопецкого уезда. Псков, 1912. С. 4.

Из данных табл. 2 следует, что коренные переделы в общинах Псковской губернии проводились в значительном числе только в Псковском уезде. В Пор-

ховском уезде коренные переделы осуществляла 1/5 часть общин. В остальных же уездах, как оказалось, подавляющее большинство общин не производили коренных переделов уже в течение четырех десятков лет.

Исследования, проведенные Псковским губернским статистическим комитетом в конце 90-х годов XIX в., показали, что в большинстве общин всех уездов губернии, за исключением Псковского, количество разверсточных единиц на момент исследования примерно соответствовало количеству ревизских единиц. Это означало, что большинство дворохозяев владели в общинных землях долей, размер которой определялся результатами ревизии 1857 г. Такой тип владения можно определить как семейно-долевой. Каждая семья владела, передавала по наследству и сохраняла право на одну и ту же долю общинной земли.'

Утвердившийся тип владения не означал отсутствия внутри многих общин борьбы за землю. При консервации общинной ревизской разверстки постепенно возникали и все более обострялись диспропорции в распределении земли между семьями в общинах. Многие разросшиеся численно семейства обладали наделами, не способными их прокормить и занять все рабочие руки. Выделяющиеся младшие члены этих семейств оказывались на ничтожном наделе, на котором вообще невозможно было хозяйствовать. Вместе с тем имелись семьи, у которых не хватало рабочих рук для надлежащей обработки своих наделов.⁸ В связи с такой ситуацией на общинных сходах образовывались партии «многодушных» хозяев, выступавшие за передел и распределение земли в соответствии с наличным составом семей. Но они, как правило (исключая Псковский уезд), не могли собрать на свою сторону 2/3 голосов, требующихся по закону.

Большинство из тех общин, которые все же произвели в пореформенный период коренной передел по наличным душам, в дальнейшем отказывались от такой практики. Так, в анкете, поступившей в Псковский статистический комитет из дер. Бличина Воронежской волости Опочецкого уезда, сообщалось: «12 лет назад от ревизских душ перешли к наличным и разверстали на наличные мужские души на 4 года; по окончании срока, не желая, чтобы земля перешла к другому, продлили срок на 30 лет».⁹

Некоторые из тех общин, которые совершали коренной передел по наличным душам, со временем возвращались к прежней ревизской разверстке, поскольку прецедент давал право «многодушным» крестьянам вновь и вновь требовать передела, который многим был не выгоден. Крестьяне дер. Пустошка Лисинской волости Островского уезда так отвечали на вопрос анкеты Псковского статистического комитета о переделах: «Пробовали держать по малолеткам (т.е. по наличным душам), когда же срок истек, то опять разбили по ревизским душам: очень стали обижаться хозяева с прибылыми семьями; они стали требовать нового передела; чтобы для них снова не переделывать землю, и повернули на старое». В дер. Свеклино той же волости крестьяне под давлением начальства, превратно истолковавшего закон о переделах 1893 г., «с

грехом пополам» приняли решение разделить землю «по малолеткам». Но новая разверстка не продержалась и года, так как недовольные подали прошение, и деревня вернулась к прежней разверстке. «Теперь же только и порядок увидали,—отмечал один крестьянин, — Государем дадена земля — ревизионная; а то что же сделали: кто получил прирезку, ходит паном возле своей широкой-то полосы, а я и смотри на свое добро; плохая ревизия была (т.е. свой, мирской расчет. — Я. 5.); одно слово, бунтовство, а не жизнь сделали».¹⁰ Приведенное высказывание отчетливо указывает на то, что прежние дореформенные переделы, совершавшиеся государственными крестьянами после очередной ревизии, в сознании пореформенных крестьян (во всяком случае многих из них) приобрели ореол безусловной легитимности и справедливости как некие освященные высшей властью общегосударственные акты. В противоположность этому свои, произведенные по «мирскому приговору», переделы воспринимались как своеволие и самоуправство, нарушение законного порядка.

Все более утверждавшаяся практика семейно-долевого владения с передачей надела по наследству способствовала формированию взгляда на него как на частную наследственную собственность. Крестьянин получал полевою землю не от общины, а от своего деда и отца. В среде помещичьих крестьян на утверждение этого взгляда повлияло то обстоятельство, что дворохозяйство вносило за свой ревизский надел выкупные платежи. Тем самым наделная земля приближалась в сознании крестьян к категории *купчей*, собственной земли.

Характерно, что у так называемых *пустошников*, крестьян, купивших собственную землю, возникали формы организации типа долевой чересполосной общины. Так, Псковский статистический комитет по результатам сплошного обследования крестьянских хозяйств губернии констатировал: «Псковские пустошники живут большей частью гнездами, владеющими землей чересполосно (как результат общих покупок или дробления земель между родственниками вследствие раздела)...». ¹¹ Таким образом, и на купчих, и на наделных землях установились схожие по типу общинные организации.

Псковский статистик А. М. Стопани в 1902 г. свидетельствовал, что у крестьян сложилось отчетливое представление о том, что надел — их неотъемлемая собственность, их *полное право*, как выражались сами крестьяне. Земельный надел называли «отцовским» и «дедовским». Крестьянин с полной уверенностью мог доказать свои права на надел, указывая, что «этот надел — „свой“, т. е. записан за данным хозяином по X ревизии; другой — „братний“, т. е. по наследству перешел от умершего брата, не оставившего прямых наследников, третий надел достался тем же путем от деда — „дедовский“, следующий — „отцовский“, а вот эта „частинка“ — „мирская“, т. е., например, выморочная, принадлежит миру и досталась данной семье уже по дележу».¹²

Вместе с тем некоторые источники указывают, что в сознании крестьян в этот период существовала все-таки некоторая двойственность. Противостояли друг другу две системы взглядов: взгляд частного собственника и взгляд об-

щинника. Эта двойственность ярко отразилась в доводах той части крестьян уже упомянутой дер. Борок, которая выступала против переделов: «...хотя ныне владеющие лишними наделами владеют ими не по праву (не по числу душ), но все-таки они очистили эти наделы податью (выкупные платежи), а следовательно, было бы несправедливо взять у них эти наделы».¹³ С «общинной» точки зрения, основывающейся на принципах равнообеспечивающего распределения земли, владение «лишними» наделами — владение «не по праву», но поскольку за наделы семья платила выкупные платежи, они являются «очищенными» и перешедшими в ее собственность. В такой ситуации было естественно, что к «общинной» точке зрения склонялись прежде всего малоземельные хозяйства.

При консервации ревизской разверстки и невозможности для большинства семей прикупить землю в особо затруднительном положении оказывалось молодое крестьянство. Ничтожность надела при разросшемся семействе ставила под вопрос традиционное право молодого женатого крестьянина на отделение и обзаведение собственным хозяйством. Вот что говорил один молодой крестьянин из Новоржевского уезда в беседе с А. И. Фаресовым: «У отцов и дедов есть земля, а у молодых нет... Я вот старший сын у отца, а кроме меня еще трое сынов, и у всех дети... А земли нет ни у кого! Хоть коней иди воровать... Нечего делать всем около голодной земли на душу. Едоков много, а душа одна... В Новоржевском уезде исполу живем и аренду держим, в Опочечком уезде „пятинщики“ платят барину пятинщину или в Финляндию ходят с красным товаром из Ежинской и Копылковской волостей, а наделной земли у молодых нет... *Все молодое крестьянство обезземелено* (курсив наш. — И. В.)».¹⁴ А. И. Фаресов на основании своего большого опыта общения с крестьянами Псковской губернии писал, что «любой пскович констатирует обезземеленье молодого крестьянства». Разумеется, в такой ситуации отход и найм становились единственным выходом для молодых крестьян.

В некоторых случаях отсутствие переделов и владение на основании ревизской разверстки становились в руках глав многосемейных дворов, *большаков*, способом удержать власть над членами двора, не допустить раздела, сохранить управление имуществом и хозяйством. Группа крестьян Новоржевского уезда высказалась об одном пожилом крестьянине, главе семьи, следующим образом: «Говорят, во мхах (восточные болотистые районы уезда. — И. В.) нет чудиков, а Степан самый большой... Земля кормит людей, а он захватил и сыну не даст ее, если тот не уладит ему». Сам Степан говорил: «Дождись-дожидай и сынок. А не сам собой... Не дерись, а разберись».¹⁵ При таком положении дел молодое крестьянство часто выступало за передел. В период революции 1905-1907 гг. в его среде распространилось и требование о включении в передел помещичьей земли и земель новых собственников из крестьян и других сословий.

Кроме общих коренных переделов в крестьянских общинах России применялись также частные *скидки-накидки душ*, т. е. наделов. В Псковской губернии

в рассматриваемый период в большинстве общин такие виды передела применялись, как правило, лишь в случае с перераспределением наделов *выморочных* и отказавшихся от земли дворов, а также наделов *недоимочников*. Эти наделы в соответствии с установившимся ревизским владением распределялись между дворами по числу ревизских душ, т. е. фактически, если мы характеризуем данный тип владения как семейно-долевой, в соответствии с долей каждого двора в наделной земле.¹⁶

Другой тип перераспределения полевой земли — так называемые *пережеребьевки*, т. е. периодические изменения положения полос отдельных дворов без изменения самой доли в общинной земле, тоже почти не практиковался крестьянами Псковской губернии. Одна из наиболее существенных причин этого — отказ *исправных* крестьян передавать в другие руки свои унавоженные (удобрение — одно из главных условий урожайности в нечерноземной Псковской губернии) и ухоженные полосы. Упомянутый выше пожилой крестьянин Степан из Новоржевского уезда в ответ на притязания молодых крестьян на новый передел говорил: «Как же делить чужую землю? Что заглядел, то и наше?.. Господи, помилуй — моя полоса... Я растил и лелеял ее, а она попадет новому соседу?.. Не земля кормит, а мозги... Чужого взыскивать плохо... Земли! Земли!.. А землю не едят... Мужик — дурак по самую спину: срубил чужое дерево и думает, какую часть на лавку, какую на шкаф».¹⁷

Общинные механизмы перераспределения земли постепенно заменялись другими способами установления соответствия между трудовыми и земельными ресурсами дворохозяйств, прежде всего внутриобщинной арендой.¹⁸ Зажиточные дворохозяева Островского уезда практиковали фиктивное усыновление, склоня с помощью подачек и содержания стариков, оставшихся без наследников, стать их приемными отцами, благодаря чему приобретали право на чис-

19

лящиеся за ними наделы.

На фоне исчезновения переделного механизма в большинстве общин Псковской губернии «оазисом», по выражению местного статистика А. М. Стопани, выглядел Псковский уезд, где в пореформенное время активно практиковались коренные переделы земли по наличным душам. Исследования, проведенные Псковским статистическим комитетом в 90-х годах XIX — начале XX в., показывают, что здесь, в отличие от остальных уездов губернии, количество разверсточных единиц в большинстве случаев расходилось с числом ревизских душ, что было следствием проводившихся переделов по наличным душам. Размер земельного надела периодически приводился в соответствие с семейным составом. Причем в ряде общин наблюдалась тенденция перехода от распределения по наличным душам мужского пола к распределению по наличным душам обоего пола, т. е. «по едокам». Мотивы такого перехода выражены в корреспонденции 1899 г. в «Сельский вестник» из Паниковской волости Псковского уезда: «Бывшие государственные крестьяне раньше переделывали землю по мужским душам на сроки от 6 до 9 лет. От такого передела было много обид,

так как у одного крестьянина рождались одни мальчики, а у другого — одни девочки. Лет 15 назад некоторые деревни, а теперь даже почти все бывшие государственные крестьяне переделывают землю по душам обоего пола».²⁰

Действенность переделного механизма в общинах Псковского уезда делала ненужной внутриобщинную аренду. Так, в Изборской волости, исследованной в 1900-1901 гг. Н. М. Кисляковым, сдавалось в аренду лишь 1,6% всех наделов.²¹

Каковы причины такого довольно резкого своеобразия в общинных земельных отношениях Псковского уезда по сравнению с другими уездами губернии? На данном этапе исследования мы можем высказать несколько гипотетических ответов на данный вопрос, впрочем, не исключая друг друга.

Во-первых, следует учитывать, что большинство крестьян Псковского уезда — бывшие государственные крестьяне (78%). У государственных крестьян в большей степени сохранялся «общинный» взгляд на земельный надел. Характерно, что немногочисленные в этом уезде общины бывших помещичьих крестьян, как правило, переделов по наличным душам после наделения землей в 1861 г. не производили. Так, корреспондент «Сельского вестника» сообщал в 1899 г. из Паниковской волости Псковского уезда: «Бывшие владельческие крестьяне как наделены землей в 1861 г. по мужским душам, так и пользуются и никакими земельными переделами не делают».²² Однако если указанный фактор и являлся действенным, он не был единственным. Большинство государственных крестьян находилось также в Островском уезде, половина — в Опочецком, но в этих уездах переделная деятельность общин, как мы видели выше, была крайне незначительной.

Во-вторых, можно указать на малоземелье и высокую ценность в глазах крестьян земельных наделов в льноводном Псковском уезде. В этом случае переделную деятельность общин можно рассматривать как проявление борьбы общинников за землю. Общинный переделный механизм мог использоваться влиятельными семейными кланами для концентрации земли. За внешне общинным действием в данном случае скрывалась мобилизация основного ресурса экономически сильными дворами и целыми гнездами родственных дворов. Так, в дер. Медведево Славковской волости Псковского уезда в начале 1880-х годов проживало восемь домохозяев с семьями, из которых «шестеро — все разделенные, почти от одного дома», т.е. представители одного родственного клана. Они еще раньше захватили *обильные* наделы, т.е. наделы крестьян, не живущих в деревне. Других двух домохозяев члены обширного клана «с деревни выжили, обижают во всем...». Крестьянин-корреспондент «Вестника» псковского земства далее поясняет: «а что поделаешь, опять две трети, приговор составят и кончено... Прежде было лучше, меньше хлопот, каждый знал свое право, а ныне что? — воля деревенная, сговорились: отец, сын, дядя да брат разделные, сват да богач в деревне случается, особенно в небольших деревнях, обижают последних-то, как хотят, а защиты-то нигде не найти. Хорошо, где большие деревни, да мужики-то толковые, да набожные, там и раздел идет по-

христиански...». ²³ Из последнего замечания следует, что именно небольшие деревни, где легче было вытеснить двух-трех дворохозяев, у которых здесь не было родственников, имели тенденцию превращаться в одноклановые.* И в числе механизмов вытеснения были как раз земельные переделы. Отсюда понятно, что за общими цифрами о переделах часто скрывались совершенно разные по своей направленности социальные действия.

Существуют свидетельства того, что во многих общинах заинтересованная сторона просто «покупала» большинство голосов на сходе и производила выгодный для нее передел. Так, в дер. Пахнова Славковской волости Псковского уезда переделы в первые два десятилетия после реформы производились «чуть ли не каждую весну из-за прихоти кого-либо, который созывает на свою сторону 2/3 членов общины, угощает их, а потом предлагает угощение и всем другим, требуя перемены земельных участков (повытков)». ²¹ Таким образом, за фактами переделов мог стоять фактический выкуп у мира отдельными дворохозяевами части общинной земли. Впрочем, даже справедливо проведенные переделы в льноводных общинах Псковского уезда были, как правило, выгодны зажиточным семьям, поскольку, как показали исследования Псковского статистического комитета, существовала положительная корреляция между величиной семьи, количеством высеваемого ею льна и степенью зажиточности.

Но и указания на этот фактор недостаточно, так как льноводство и борьба за землю существовали и в других уездах губернии. Впрочем, выше мы видели, что в Островском уезде зажиточными льноводческими дворохозяевами был найден иной путь мобилизации земли — фиктивное усыновление.

В-третьих, в силу малоземелья многие крестьянские семьи Псковского уезда были вынуждены оставлять свои мизерные наделы и отправляться либо в города, либо в юго-восточные уезды на исполовщину. Оставшиеся наделы распределялись через механизм передела между дворами, и во многих случаях далеко не равномерно. По сути это был еще один вариант мобилизации земли.

О накале внутриобщинной борьбы в связи с этим ярко свидетельствует сообщение в «Вестнике Псковского Губернского Земства» о событиях, произошедших в 1880 г. в дер. Посад Славковской волости Псковского уезда. Здесь в течение трех недель продолжалась борьба между деревенскими партиями по поводу передела земли. «Что день, то приговор». Община имела несколько «неоседлых наделов», принадлежавших прежде тем лицам, которые по той или иной причине покинули деревню. Инициаторами передела выступили четверо «деревенных заправил» (один из них — отставной волостной старшина), глав самых состоятельных дворов. Пользуясь своим влиятельным положением, они «подобрали себе партию в 2/3 голосов» и, составив приговор, разделили землю «по львиному дележу», взяв себе из неоседлых наделов вдвое больше, чем

* Это еще раз убеждает в том, что на наделных землях и у *пустогиников* на купчих землях складывались социальные общности одного типа. Община эволюционировала «странным» образом, превращаясь из соседской в «родовую».

досталось остальным. Обделенные крестьяне не смирились, и дело дошло до кровавого столкновения, «одного ткнули ножом в бок».²⁶

Сенокосные угодья. В Псковской губернии хороших сенокосных угодий было недостаточно. Их становилось еще меньше в льноводных местностях из-за распашки лугов под посевы льна. Здесь, как правило, сенокосные участки отводились напротив полевых полос. При таком распределении исключался учет качества покоса. Крестьяне надеялись на то, что если в одном месте достанется плохой участок, то в другом —хороший.²⁷

В льноводных местностях получила широкое развитие коллективная аренда покосов у крупных земельных владельцев. В связи с этим распространился артельный способ покоса лугов. От каждого дворохозяинства, участвующего в аренде, выделялось определенное количество работников на определенный срок. Скошенное сено делилось в соответствии с долей каждого дворохозяинства в арендной плате. Иногда в качестве последней выступала работа по расчистке владельческого участка под сенокос.²⁸

По данным из юго-восточных — Холмского и Великолукского — уездов сенокосные угодья здесь распределялись ежегодно пропорционально пахотным угодьям. При этом в общинах Великолукского уезда происходила жеребьевка путем вытягивания дворохозяевами палочек (*жеребьев*) различной длины, обозначающих тот или иной участок покоса.²⁹ Такой вид передела можно назвать «качественным», поскольку при этом имела в виду смена положения участка при неизменности его доли в общем количестве общинного покоса.

Таким образом, во всей Псковской губернии в отношении сенокосных угодий общины в той или иной форме проявляли себя активней, чем в отношении пахотной земли.

Пастбищные угодья. Эти угодья практически повсеместно оставались в неразделенном общинном владении и пользовании. Скот при этом выпасался единым стадом. Выгонять свой скот на общинное пастбище имели право все домохозяева, имевшие в общине земельный надел и участвовавшие в плате пастуху.

В льноводной части Псковской губернии пастбища, как и покосы, часто приносились в жертву экстенсивному льноводству. При отсутствии своих и арендованных пастбищ община выпасала скот на полевой земле, придерживаясь такого порядка: 1) весной до посева яровых культур (с 23 апреля до начала мая) в яровом поле; 2) затем на *паренине* до начала августа; 3) в начале августа, после уборки ржи — в озимом ржаном поле, а затем 4) после уборки ярового (в середине августа) также и в яровом.³⁰

Одной из основных причин, затрудняющих и даже делающих невозможным переход крестьян к хуторскому хозяйству, был недостаток пастбищ и необходимость вследствие этого сохранения общинных земель. Корреспондент из Богородицкой волости Порховского уезда, отвечая на вопросы анкеты Вольного экономического общества, писал: «... в нашей местности крестьянин значитель-

но больше должен держать скота для накопления навоза, как главной основы урожайности нашей почвы, а потому он должен больше отводить и пастбища, что удобнее при чересполосице и при общем стаде деревни. Крестьяне говорят, что при чересполосице у них на 1/3 и 1/4 надела можно держать двух коров и лошадей, при хуторском хозяйстве они этой возможности не видят».³¹ Такой же аргумент против подворного пользования землей выдвигали крестьяне Великолукского уезда.³²

Подводя итоги, следует сказать, что во второй половине XIX — начале XX в. в целом в Псковской губернии происходило сужение сферы компетенции общины в поземельных отношениях. Набирала силу тенденция закрепления земли в наследственную семейно-клановую собственность, исключающую вмешательство общины. Семейно-родственный принцип в регулировании землепользования усилился по отношению к территориально-соседскому.

При этом, однако, не следует сбрасывать со счетов силы противоположного характера. Целые группы крестьянского населения были заинтересованы во вторичном запуске передельного механизма и реабилитации ценностей равнообеспечивающего распределения земельных ресурсов в рамках соседской общины. В послереволюционный период земельно-распорядительная деятельность деревенских общин возобновилась. В это время большинство из них осуществляло переделы «по едокам». С помощью общинного передельного механизма были распределены земли крупных землевладельцев. Особенно активно выступала за переделы деревенская молодежь как самая бедная и обделенная в земельных ресурсах часть общин.

¹ Семья и семейная политика в Псковской области / Под ред. Н. В. Васильевой и В. Н. Архангельского. Псков, 1994. С. 24.

² Там же. С. 25-26.

³ Лебединский А. И. Очерк крестьянского сельского хозяйства в Псковской губернии // Труды Имп. Вольного экономического общества (далее — ВЭО). Т. III. Вып. 9. СПб., 1886. С. 54-55.

⁴ Зиновьев П. Ворокская община // Сборник материалов для изучения сельской поземельной общины. Т. 1. СПб., 1880. С. 303.

⁵ Зиновьев П. Ворокская община. С. 302.

⁶ Крылов И. О сельской поземельной общине деревни Пахнова, Псковской губернии, Псковского уезда, Славковской волости (бывшей Посадской) // Статистические очерки. Вып. II. Псков, 1893. С. 6.

⁷ Ал. Ст. (Стопани А. М.). Из жизни Псковской общины. (К характеристике общинного землевладения) // Вестник Псковского земства. 1902. №4. С. 75-76.

⁸ Псковская губерния (Свод данных оценочно-статистического исследования). Т. 1. Опочецкий уезд. Вып. 2. Крестьянское хозяйство. Псков, 1911. С. 4.

⁹ Там же. С. 5.

¹⁰ Ал. Ст. (Стопани А. М.). Из жизни Псковской общины. С. 78.

¹¹ Псковская губерния. (Свод данных оценочно-статистического исследования). Т. 9. По-губернский свод. Вып. 2. Часть экономическая. (Населенность, землевладение и экономический быт земледельческого населения). Ч. 1. Введение и таблицы. Псков, 1913. С. X-XI.

¹² Ал. Ст. (Стопани А. М.). Из жизни Псковской общины. С. 76-77.

- ¹³ *Зиновьев П.* Борокская община. С. 306-309.
- ¹⁴ *Фаресов А. И.* Мужики и начальство. СПб., 1906. С. 208.
- ¹⁵ Там же. С. 189-190.
- ¹⁶ *Ал. Ст. (Стопани А. М.).* Из жизни Псковской общины. С. 74, 82.
- ¹⁷ *Фаресов А. И.* Мужики и начальство. С. 180-190.
- ¹⁸ *Кисляков Н. М.* К вопросу о недоимках в связи с экономическим положением населения. (Опыт разработки статистических материалов по Изборской волости Псковского уезда). Псков, 1901. С. 10.
- ¹⁹ *Ал. Ст. (Стопани А. М.).* Из жизни Псковской общины. С. 83-86.
- ²⁰ *Федотов Г.* Из Паниковской волости Псковского уезда // Сельский вестник. 1899. №45. С. 822.
- ²¹ *Кисляков Н. М.* К вопросу о недоимках... С. 9-10.
- ²² *Федотов Г.* Из Паниковской волости Псковского уезда. С. 822.
- ²³ *Ив. И. И.* Очерк о крестьянском общественном землевладении (Окончание) // Вестник Псковского Губернского Земства. 1881. №32. С. 256-258.
- ²⁴ *Крылов И.* О сельской поземельной общине... С. 8.
- ²⁵ *Василев И. И.* Лен и Псковская губерния. Псков, 1872. С. 3; Псковская губерния. (Свод данных оценочно-статистического исследования). Т. 7. Псковский уезд. Вып. 1. Территория, население, землевладение. Псков, 1912. С. 259.
- ²⁶ *Ив. И. И.* Очерк о крестьянском общественном землевладении. С. 256-258.
- ²⁷ *Зиновьев П.* Борокская община. С. 306.
- ²⁸ *Лебединский А. И.* Очерк крестьянского сельского хозяйства... С. 62-63.
- ²⁹ *Куропаткин А. Н.* Историческая справка об экономическом положении сельского населения Холмского уезда в период 1859-1917 годов // Холмский уезд Псковской губернии: Сборник краеведческих материалов. Вып. 2. Холм, 1927. С. 18; *Распопов В.* Великолуцкий уезд в экономическом отношении // Труды ВЭО. Т.Н. Вып. 4. СПб., 1880. С. 505-507.
- ³⁰ *Зиновьев П.* Борокская община. С. 308.
- ³¹ Аграрное движение в России в 1905-1906 гг. // Труды ВЭО. Вып.3. Май-июнь 1908 г. С. 261.
- ³² *Распопов В.* Великолуцкий уезд... С. 505-507.

А. А. Шенников

ОСОБЕННОСТИ РАССЕЛЕНИЯ РУССКИХ КРЕСТЬЯН ЛЕСНОЙ ЗОНЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ в ХУ1-ХУП вв.

Погостную систему расселения, преобладавшую в лесной зоне Европейской России в ХУ1-ХУ11 столетиях, обычно характеризуют как систему двух типов селений: погостов — общинных центров и тяготевших к ним мелких, часто односемейных, крестьянских селений, разбросанных по лесам вокруг погостов. Однако система была сложнее. Каждой крестьянской усадьбе или одноусадебной деревне принадлежала группа временно обитаемых, также односемейных

селений различного назначения на разных расстояниях, до нескольких десятков и даже за сотню верст от деревни и друг от друга. Каждое такое селение состояло из нескольких сооружений, образуя небольшую усадьбу. Постройки были строго специализированными, в зависимости от назначения селения, и отличались от построек основной усадьбы крестьянина в деревне.

Большинство крестьян имело временно обитаемые селения трех типов: 1) селения на охотничьих тропах («путиках»); 2) селения при дальних сенокосах; 3) селения при дальних полях. Охотничьи и сенокосные селения пережили погостную систему расселения, местами существовали до 1920-х годов, о них имеется немало сведений. Притом для их изучения можно использовать и материалы об аналогичных селениях у ряда неславянских народов Европейской России (особенно у коми-зырян), ибо различия были практически только в терминологии. Поэтому об охотничьих и сенокосных селениях приведем лишь самые общие сведения. Селения при дальних полях в Европейской России исчезли ранее конца XIX в., этнографам они почти не известны и требуют более подробного рассмотрения.

1. Охотничьи селения, как правило, зимние, устраивались на «путиках» в охотничьих угодьях на безлюдных лесных междуречьях за десятки, иногда более чем за сотню верст от деревни. Каждый «путик» был длиной до нескольких десятков верст. Вдоль него на расстояниях дневных переходов располагались места для остановок и отдыха. Там имелись срубные амбары на высоких столбах и жилые постройки разной капитальности, от простейших шалашей до срубных избушек. Все постройки были маленькие, на одного человека (охотились на «путиках» поодиночке), но долговечные, так как «путики» веками не меняли своих мест и переходили по наследству от одного владельца к другому.¹

2. Селения у дальних сенокосов служили для длительного пребывания целых семей в летнее время. При крупных сенокосных угодьях бывали и многосемейные селения этого рода. В простейших случаях это были группы шалашей, при них открытые очаги с котлами для приготовления еды. Встречались сараи для сена, которые использовались и для жилья. В них иногда делались очажки-дымокуры для защиты от гнуса.²

3. В лесной зоне селения при дальних полях — это селения при лесных полях, где применялись лесные переложные системы земледелия: подсечно-огневая, лесопольно-паровая. Эти поля и селения при них сохранялись и при комбинированных системах земледелия, когда близ постоянно обитаемых деревень уже имелись удобряемые поля с паровыми севооборотами. Такие комбинированные системы с различным соотношением удобряемой и неудобряемой (восстанавливаемой перелогам) пашни существовали уже в XV1-XVН вв., но не перевелись еще и в XIX столетии. Крестьяне очень настойчиво сохраняли эти лесные поля ввиду высокой урожайности зерновых хлебов на них в первый год после перелога и подсечно-огневой расчистки.³

Большие расстояния от деревень до лесных полей — от 5-7 до нескольких

десятков верст (в зависимости от местной топографии, от пригодности лесных участков, от плотности населения по отношению к площади доступных земель и т.д.)—требовали сезонных переселений крестьян к этим полям и долговременного проживания близ них в специальных селениях, тем более что доступ к этим полям затруднялся почти полным бездорожьем и недостатком колесных повозок у крестьян. Этого не отрицали авторы описаний, остатков лесных переложных систем земледелия, сохранившихся до начала XX столетия, но все эти авторы, весьма подробно описывая подсечно-огневой способ расчистки леса, почти не обращали внимания на временно обитаемые селения при дальних полях, в лучшем случае лишь упоминая о них.

Реконструировать облик этих селений удастся при сопоставлении нескольких групп разнородных источников.

I. Опубликован документ начала XVI в. с подробнейшим судебным протоколом земельного спора в районе г. Гороховца (ныне восточный край Владимирской области), где упомянуты не только деревни, но и тяготевшие к ним мелкие селения близ лесных полей — «зимницы» и одноименные постройки в них.⁴

II. Есть серия упоминаний с XIII до начала XVIII в. о лесных селениях-«зимницах» у мордвы в правобережной части Среднего Поволжья.⁵ К.И.Козлова обоснованно связала их с лесными переложными системами земледелия типа лесопольно-паровой.⁶ Но пока не оценено должным образом то, что термин «зимница» не мордовский, а русский, и что наличие его в средневековых русскоязычных документах, касающихся мордвы, позволяет думать следующее: и у восточных славян в то время были такие селения. Действительно, помимо гороховецкого документа есть еще упоминание об аналогичной «зимнице» во второй половине XV в. близ Рязани.⁷ По спискам населенных мест 1870-х гг. названия деревень, производные от слова «зимница», прослеживаются почти во всех губерниях Европейской России, кроме крайних южных и юго-восточных. Больше всего их было в Смоленской, Нижегородской, Владимирской и Рязанской губерниях.⁸

III. Слово «зимница» как название постройки было известно и в XIX — начале XX в. В частности, на севере бассейна Волги оно означало временно обитаемую зимнюю постройку крестьян-лесорубов на лесозаготовках. Это были срубные постройки площадью не менее обычной избы, наземные или несколько заглубленные, покрытые бревенчатым накатом (горизонтальным или двухскатным, нередко сводообразным), обложенным дерном, с открытым очагом посередине и дымовым отверстием над ним, с нарами у стен вокруг очага.⁹ Нечто подобное вырисовывается и по некоторым замечаниям в упомянутом гороховецком документе начала XVI столетия.

IV. Такие же жилища лесорубов, с незначительными отличиями в деталях, существовали в конце XIX — начале XX в. на северо-западе и севере Европейской России, обычно под названием «стан», хотя и термин «зимница» там

знали.¹⁰ В названиях деревень термин «стан» также встречается почти во всей России, но более всего — в губерниях Новгородской, Псковской, Смоленской, в северных частях Тверской и Ярославской.

Создается впечатление, что оба термина относились к одному типу постройки, только термин «зимница» преобладал в средней полосе Европейской России, а термин «стан» — на северо-западе и севере, хотя полного господства одного из двух терминов не было нигде. Местами, особенно в Нижегородской и Владимирской губерниях, в XIX — начале XX в. «зимницей» называли также небольшую вспомогательную избу позади основного дома или на задворках крестьянской усадьбы, служившую кухней, зимним жилищем, рабочим помещением для неземледельческих промыслов и т. п. Это была постройка с печью, отличавшаяся от основной избы только меньшими размерами и упрощенным устройством. Почему-то именно на это значение термина прежде всего обращали внимание этнографы и диалектологи, не замечая «зимниц» лесорубов, известных нам главным образом по земской санитарно-медицинской литературе. Но вспомогательные избы данного типа в конце XIX — начале XX в. были распространены во всей лесной зоне Европейской России и назывались, как правило, «зимовками»; наименование их «зимницами» в указанном районе — исключение из правила. Все такие вспомогательные избы появились в крестьянских усадьбах не ранее середины или конца XVIII столетия, судя по тому, что в очень многочисленных описаниях крестьянских усадеб XVI, XVII и начала XVIII в., дающих полные сведения о составе построек и помещений в этих усадьбах, не упоминаются никакие подобные дополнительные избы под названиями «зимницы», «зимовки» или какими-либо иными.¹¹ Очевидно, эти избы «зимницы» — результат относительно позднего и случайного переноса термина с гораздо более древнего типа постройки, существенно отличного от избы (очаг посередине вместо печи в углу и т. д.).

Массовые промысловые лесозаготовки в удаленных от селений лесах начались в России только в XVIII в. В этих лесах ранее велось крестьянское земледелие с перелогам. Поэтому логично думать, что лесорубы использовали для своих целей тип постройки, ранее применявшийся при лесных полях под названиями «зимница» или «стан».

Это косвенно подтверждается сведениями по лесостепной зоне Европейской России и Сибири, где до конца XIX столетия еще применялись залежная и залежно-паровая системы земледелия — системы с перелогам, аналогичные подсеčno-огневой и лесопольно-паровой, только без подсеčno-огневого способа расчистки. Там тоже совершались сезонные переселения крестьян к дальним полям во временно обитаемые селения. Эти селения и постройки в них имели не везде те же названия, что в лесной зоне, но постройки были очень похожи на «зимницы» и «станы». Если в лесной зоне их формы впоследствии были использованы лесорубами, то и в лесостепной зоне они тоже нашли новое применение. По их образцу стали устраиваться «выходы» или «подвалы» —

противопожарные полуземляночные кладовые-сейфы, необходимые в деревнях вследствие господства соломенных кровель.

Жилища типа «зимницы»-«стана», только под иными названиями, применялись при лесных и лесостепных вариантах переложных и комбинированных систем земледелия не только у русских, но и у многих неславянских крестьян Европейской России и Сибири (о мордве уже сказано выше). Постройки этого типа очень похожи и на зимние жилища многих полукочевников Европы и Сибири — саамов, манси, хантов, башкир, западносибирских татар и других.

В селениях при дальних лесных полях ставились кроме «зимниц»-«станов» также овины. Из-за бездорожья вывозить урожай с этих полей можно было лишь зимой по санному пути. Поэтому снопы сушили и молотили при полях, а вывозили зерно только в начале зимы. Вот почему жилище должно было быть утепленным, отсюда и название «зимница». Эти овины описаны в конце XIX — начале XX столетия в еще существовавших лесных деревнях подобного рода у коми-зырян,¹² а в XVI в. упомянуты и в гороховецком документе. Вероятно, применялись и навесы для молотбы, а также для лошадей (последние имелись и при «зимницах»-«станах» лесорубов).

В лесной зоне при переложных и комбинированных системах лесные селения при дальних полях эксплуатировались обычно от 5 до 10-15 лет, в зависимости от количества полей, сгруппированных вокруг одного селения, от севооборотов и других местных причин. На время перелога селение забрасывали нередко на несколько десятков и до полусотни лет. Крестьянин обычно имел несколько таких временно обитаемых селений, вводившихся в действие по очереди. Известны и более сложные случаи, когда не только мельчайшие селения типа «зимниц»-«станов», но и основные, постоянно обитаемые деревни переносились с места на место лет через 20-25. Места временно покинутых селений и поля при них, запущенные в перелог, назывались пустошами.

Мы не рассматриваем еще некоторые типы временно обитаемых селений, например при местах рыбной ловли, которые встречались не везде, но тоже требовали периодического переселения к ним хотя бы некоторых членов семей, что усложняло и без того непростую систему расселения.

Очень разнообразным и сложным могло быть расположение всех типов временно обитаемых крестьянских селений на местности в зависимости от размеров и конфигурации общинной территории, от пригодности разных ее частей для тех или иных отраслей хозяйства, от речной сети, рельефа и прочих топографических особенностей (обзор лишь наиболее распространенных вариантов мог бы быть темой особого сообщения). Картина еще более усложнялась, когда в погостную систему расселения, общинную по своей сущности, начинали вклиниваться, создавая чересполосицу, земли различных феодалов. Но и у владельцев крестьян, при всех топографических усложнениях, могли сохраняться те же переложные или комбинированные системы земледелия, требовавшие переселений к временно обитаемым селениям при дальних полях. Сокращение и

исчезновение последних до конца XVII в. зависело в первую очередь не от форм феодального землевладения, а от роста плотности населения по отношению к доступным для него землям. В дальнейшем, в XVIII и особенно XIX столетиях, не меньшую роль сыграло запрещение лесного земледелия с подсечно-огневой расчисткой в государственных лесах и начавшееся уничтожение этих лесов при массовых промышленных лесозаготовках.

Но все земледельческие, сенокосные, охотничьи и прочие переселения, являвшиеся необходимыми элементами организации крестьянского хозяйства, совершались исключительно в пределах общинных территорий, по постоянным маршрутам, с поочередным занятием заранее известных мест для временно обитаемых селений, со строгим соблюдением сезонных или многолетних ритмов и с возвращением, рано или поздно, на прежние места. Эти систематические внутриобщинные переселения крестьянских семей или отдельных их членов не имели ничего общего ни с тем якобы беспорядочным «бродяжничеством», которое приписывали русским крестьянам историки второй половины XIX в., ни с колониационными миграциями на восток и юго-восток, которые были вызваны совсем другими причинами.

Итак, на сеть погостов и окружавших их деревень и пустошей накладывалась более тонкая, более сложная и притом подвижная, непрерывно изменявшаяся сеть мельчайших временно обитаемых селений и дорог к ним, вернее, тропинок, летом едва проходимых. Такие селения не отражались в писцовых и переписных книгах и лишь случайно упоминались в других письменных источниках. В этих временно обитаемых селениях и на полях при них крестьянин проводил в общей сложности до половины своей жизни. Из одного этого уже очевидна важность изучения данной области крестьянской культуры вообще.

Обратим внимание на некоторые специальные аспекты данной темы. Крестьянская изба с хлебопекарной печью в углу считается основным и древнейшим типом восточнославянского отапливаемого жилища. Хотя теоретически вполне ясно, что избе должен был предшествовать тип постройки с открытым очагом в центре, но для восточных славян или каких-то их предков он до недавнего времени мог мыслиться лишь где-то за пределами исторической видимости. Это традиционное представление несколько поколебали известные археологические находки крупных жилых построек с очагами посередине в богатых городских усадьбах VIII-XIII столетий на Ладоге, в Новгороде и Белоозере.¹³ А теперь выясняется, что простейшие варианты жилищ с очагами посередине существовали у русских крестьян с домонгольских времен вплоть до сравнительно недавнего времени одновременно с избами, только не в тех селениях, где находились избы, вследствие чего их не замечали этнографы. Отсюда можно сделать немало нетривиальных выводов, в том числе и относительно особенностей традиционной строительной культуры русского этноса.

И последнее. Отвергнув «теорию бродяжничества», слависты-медиевисты всех специальностей стали считать восточных славян искони оседлыми. Но

приведенные сведения этого не подтверждают. Мы уже несколько раз опровергали эту «теорию исконной оседлости» на материалах лесостепной и степной зон Европейской России и Сибири, где хозяйственно-бытовой уклад крестьян и казаков не был ни оседлостью, ни бродяжничеством, но может быть назван типичным полукочевничеством на основе преимущественно земледельческого хозяйства с переложными системами земледелия.¹⁴ Теперь уклад в принципе того же типа вырисовывается и в лесной зоне. Это тоже «информация к размышлению» для этнографии и для других разделов исторической науки.

¹ Сзедения об охотничьих постройках у русских крестьян: *Воронай*. Записки об охоте на севере России. М., 1871. С. 4, 25; *Котляревский П. В.* Экономический быт государственных крестьян северо-восточной половины Вологодской губернии // Вологодские губернские ведомости. 1893. №7. С. 9; *Ополовников А. В.* Русское деревянное зодчество. М., 1983. С. 219-226; *Орфинский В. П.* Путь длиною в 6 столетий. Петрозаводск, 1968. С. 27; *Федорова-Дылева И. А.* Охота у русских на Севере // Доклады по этнографии Геогр. общества СССР. Вып. 5. Л., 1967. С. 95-99. О том же у карел: *Исполатов Е.* Страна карелов, ее природа и жители // Естествознание и география. 1900. № 10. С. 64; *Камкин Н.* Архангельские карелы // Древняя и новая Россия. 1880. №2. С. 307; *Ломачевский Д. П.* Статистические заметки о Петрозаводском уезде // Журнал Министерства внутренних дел. 1859. Кн. 8. С. 53; *Орфинский В. П.* Деревянное зодчество Карелии. Л., 1972. С. 48-49; *Пудожанин*. Из охотничьего и домашнего быта крестьян Кривого-Пояса (в Пудожском уезде) // Олонецкие губернские ведомости. 1875. №37. С. 413; *Тароева Р. Ф.* Материальная культура карел (Карельская АССР). М.; Л., 1965. С. 97. Из обширной литературы о том же у коми укажем лишь главные обзоры: *Велицер В. Н.* Очерки по этнографии народов коми. XIX—начало XX в. // Труды Института этнографии. Новая серия. Т. 45. М., 1958. С. 17, 196-197, 216-217; *Жеребцова Л. И., Конаков Н. Д., Королев К. С.* Из жизни древних коми. Сыктывкар, 1985. С. 30-31, 37, 71-75.

² *Добрынкин Н. Г.* Вязниковский уезд Владимирской губернии // Труды Владимирского губернского статистического комитета. Вып. 7. Владимир, 1867. С. 44; *Е. К.* Историко-статистические заметки о разных частях Кадниковского уезда // Вологодские губернские ведомости. 1866. Я'33. С. 326; *Забивкин И.* Деревня Заручевье, Лодыгинской волости, Каргопольского уезда // Вестник Олонецкого губернского земства. 1910. №16. С. 15; *Круковский М. А.* Олонецкий край. СПб., 1904. Рис. на с. 97; *Малинина М. Д.* Очерки Рязанской Мещеры // Вестник рязанских краеведов. 1925. №3. С. 10; *Сергелъ С.* В Зырянском крае. М.; Пг., 1923. С. 39-46 (к этой книге относятся фотоснимки с дополнительными аннотациями к ним автора: Российский музей этнографии. Фототека. Колл. 984).

³ Употребляем общепринятое в 1910-1970-х годах определение понятия «система земледелия»: совокупность мероприятий для восстановления плодородия почвы. Поскольку в указанный период терминология для обозначения отдельных систем не была унифицирована, употребляем предложенную нами систему терминов (*Шенников А. А.* 1) Крестьянские усадьбы Среднего Поволжья и Прикамья с XVI до начала XX в. // Этнография народов Восточной Европы: Сб. статей. Л., 1977. С. 4-10; 2) Двор крестьян Неудачки Петрова и Шестачки Андреева. СПб., 1993. С. 8-12, 16, 36-39). Терминологию, применяемую в настоящее время агрономами, в которой под «системой земледелия» понимается, по существу, общая характеристика всего земледелия (ГОСТ 16256-30. Сельское хозяйство. Земледелие. Термины и определения. М., 1980), считаем неприемлемой для аграрно-исторических исследований по ряду причин, в частности потому, что в число традиционных систем попадают хищнические формы земледелия, которые вообще нельзя считать системами (например, паровой севооборот без удобрения или с недостаточным удобрением), но не включены залежно-паровая и лесопольно-паровая системы.

⁴ Отводная грамота на спорные земли в Гороховском уезде // Временник Общества истории и древностей российских. Кн. 18. М., 1854. С. 33-56.

⁵ *Герасимов А. А.* 1) Саратовская мордва // Изв. Краеведческого ин-та изучения Южно-Волжской области при Саратовском гос. ун-те. Т. 1. Саратов, 1926. С. 141, 145-146; 2) Мордовские «зимницы» // Там же. Т. 2. Саратов, 1927. С. 128; 3) Дозоры Нижегородской мордвы 96 и 122 гг. // Известия Нижне-Волжского ин-та краеведения. Т. 3. Саратов, 1929. С. 240; Еще старинный документ // Саратовский сборник. Т. 1. Саратов, 1881. С. 62-63; Нижегородский летописец. Н.-Новгород, 1886. С. 2; Полное собрание русских летописей. Т. 8. С. 26; Т. 15. Вып. 1. Стб. 120; Т. 25. С. 194.

⁶ *Козлова К. И.* О мордовской крестьянской общине XVII в. // Вестник Моск. ун-та. 1978. №3. С. 62-63 (К.И.Козлова назвала эту систему «комбинированной», хотя она давно известна как лесопольно-паровая).

⁷ Рязанские достопамятности. Рязань, 1889. С. 33.

⁸ Список населенных мест Российской империи. Т. 1-30. СПб., 1861-1885.

⁹ *Белькович Н. П.* Отчет о положении некоторых селений Царево-Кокшайского уезда. Казань, 1887. С. 130-131; *Виноградов Ф. Т.* О жилищных условиях рабочих на лесных промыслах в Кологривском уезде и желательности улучшения их // Врачебно-санитарный обзор Костромской губернии. 1912. Вып. 4. С. 56; *Дымовский.* Великовская волость // Материалы для характеристики положения сельского хозяйства в Костромской губернии. Кострома, 1913. С. 22; *Жегалова С.* Крестьянское жилище Нижегородской губернии в середине XIX в.: Автореф. канд. дис. М., 1951. С.4-5; *Завойко К.* Временные жилища крестьян (Костромской и частью Владимирской губерний) // Костромское научное общество по изучению местного края. Вып. 15. Кострома, 1920. С. 130-131; *К-в.* Лесные рабочие Марийской области. Марий Эл. 1927. №11-12. С. 23; *Лугинин В. Ф.* Очерки Ветлужского края // Этнографическое обозрение. 1896. №4; *Малыгин Н.П.* Материалы по осмотру зимовок на лесных промыслах в Ветлужском уезде // Врачебно-санитарный обзор Костромской губернии. 1907. Вып. 3. С. 105-106; *Пономарев А. А.* К характеристике Варнаевского уезда // Там же. 1911. Вып. 7. С. 34 -35; *Потехин А.* Река Керженец // Потехин А. Соч. Т. 1. СПб., 1873. С. 124-125, 138; *Рудольф Э.* О лесном заделе, сплаве и прочих лесных заработках в помещичьих лесах Костромской губернии // Журнал Министерства государственных имуществ. 1842. Ч. 5. №4. С. 132-133; *ЗегеЧиз П.* ЫБег (Не рпппНуеп У/оНлип^еп сleg ПппзсБеп икхl оЪ-ифпзсБеп УоШер // Ртп8сБ-ифп8сБе РогзсБипфеп. Вc18. 1908. 3.28-29.

¹⁰ *Воронов Г.* Очерк лесного хозяйства и торговли лесом в Новгородской губернии // Лесной журнал. 1896. Вып.3. С. 589; *К-ский А.* Вырубка и сплавка дров по мелким речкам // Новгородские губернские ведомости. 1869. №29. С. 206-207, *Лебедев Е.И.* О санитарных условиях лесного промысла в Тихвинском уезде // Сборник постановлений земских собраний Новгородской губернии за 1890 г. Новгород, 1891. Прил. 25-3. С. 3-4; Материалы по статистике народного хозяйства в СПб-ской губернии. Вып. 8. 4.2. СПб., 1896. С. 248; *Михнов С.* Вершинская волость Пудожского уезда // Вестник Олонецкого губернского земства. 1913. №19. С. 13; *П.М.* Вытегорские Кондужи // Олонецкие губернские ведомости. 1874. №14. С. 167; *Равдоникас В. И.* Чухари. Тихвин. 1925. С. 17; *Сардановский Н. Н.* Несколько данных о лесных промыслах в Вельском уезде // Труды VI съезда врачей и представителей земств Вологодской губернии. Вып. 1. Вологда, 1904. С. 53-54 и прения, с. 49-50; *Укко.* Очерки Поленецкого уезда // Олонецкие губернские ведомости. 1900. №48. С. 3; *Хрущов И.* Заметки о русских жителях берегов реки Ояти. СПб., 1869. С. 7.

¹¹ *Шенников А. А.* 1) Крестьянские усадьбы в XVI-XVII вв. (Средняя и южная части Европейской России) // Архитектурное наследство. №14. М., 1962. С. 63-74; 2) Крестьянские усадьбы XVI-XVII вв. (Верхнее Поволжье, северо-западная и северная части Европейской России) // Архитектурное наследство. 1963. № 15. С. 88-101; 3) Крестьянские усадьбы Среднего Поволжья и Прикамья... С. 3-38; 4) Длинный дом и крытый двор: из истории строительной культуры крестьян лесной зоны Европы до конца XIX —начала XX в. СПб., 1992. С. 83-177.

¹² *Жеребцов Л. Н.* Занятия крестьян локчимских селений в конце XIX — начале XX в. //

Историко-филологический сборник. Вып. 8. Сыктывкар, 1963. С. 51; *Колонист*. Подсечно-огневое хозяйство усть-сысольского зырянина // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1913. №2. С. 61-62.

¹³ Голубева Л. А. Весь и славяне на Белом озере: X-XIII вв. М., 1973. С. 65-117; Засурцев П. И. Усадьбы и постройки древнего Новгорода // Материалы и исследования по археологии СССР. Л^н123. М., 1963. С. 5-165; Кирпичников А. Н. Раннесредневековая Ладога (итоги археологических исследований) // Средневековая Ладога. Л., 1985. С. 8-17; Спегальский Ю. П. Жилище Северо-Западной Руси: IX-XIII вв. Л., 1972. С. 95-159; Шенников А. А. Средневековые жилые дома на Руси и в Скандинавии // Славяно-русские древности. Вып. 1. Л., 1988. С. 99-116.

¹⁴ Шенников А. А. 1) Земледельческая неполная оседлость и «теория бродяжничества» // Этнография народов СССР: Сб. статей. Л., 1971. С. 76-93; 2) Крестьянские усадьбы Среднего Поволжья и Прикамья. ... С. 10-17; 3) Червлёный Яр: Исследование по истории и географии Среднего Подонья в XIУ-XУI вв. Л., 1987. С. 72-84.

К. М. Плоткин

АРЕАЛ СЕТУ: ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ И ГРАНИЦА

Сету — прибалтийско-финская этническая общность, обитающая на русско-эстонском пограничье. В Печорском крае сету и русские веками жили рядом. Общими были места торга и места поклонения священным камням, источникам и деревьям.

Культовые объекты небольшого участка на границе Руси и Ливонии, у замка Нейгаузен упоминаются в письменных источниках с ХУ1-ХУП вв. и подробно описаны этнографами XIX-XX столетий. Речь идет о Теплом камне, камне Анны и Ивановом камне, причем Теплый камень и Иванов камень в научной литературе ошибочно отождествляются. Имеющиеся материалы позволяют проследить своего рода «горизонтальную стратиграфию», т.е. явление переноса культового объекта в границах гнезда поселений радиусом 5 км с постепенным изменением состава жертвоприношений и сопровождающих их ритуалов по крайней мере в течение ХУ1-XX вв.

Прямых данных для датировки начала почитания Теплого камня нет. Глубина исторической памяти сету зафиксирована в фольклоре и продатирована памятниками археологии. П. С. Хагу отнес летние коллективные жертвоприношения сету к древнейшему дохристианскому и дославянскому слою.¹

По данным М.Э.Аун в бассейне р.Пиуза известны 38 могильников культуры длинных курганов (КДК) второй половины I тыс. н.э. и 1 каменный могильник.² Три несохранившихся могильника (Касси, Казука, Вастселиона), расположенные Г. Лешке, располагались в окрестностях Теплого камня. Еще 8

курганых могильников и 4 городища, не считая памятников Изборска, есть в Печорском районе Псковской области.³

Интересно отношение местных жителей к своим памятникам археологии. В Печорском районе население дает информацию о памятниках типа городище («городачек») и жальник («могильник», «могильняк»). Песчаные курганы считают насыпями естественного происхождения, хотя в других районах Псковской области картина иная.⁴

Ф. Р. Крейцвальд, собиравший местные предания о Калевипоэге, писал в 1853 г. Ученому эстонскому обществу: «Как я узнал от псковитян, ареной его подвигов являются также ближайшие окрестности Выру, где так называемые курганы связаны будто бы с боями, в которых Калевипоэг уничтожил своих врагов».⁵

Таким образом, историческая память местного населения не проникает глубже IX-X вв. Конец КДК можно считать началом реальной, постмифологической истории сету. В связи с этим уместно вспомнить гипотезу В.В.Седова, связавшего формирование сету с ассимиляцией немногочисленных славянских элементов в составе КДК местным прибалтийско-финским населением.⁶ Вероятно, тогда же началось почитание Теплого камня или его не известного нам предшественника.

Теплый камень в качестве пограничного знака известен по русским источникам с XVI в. В грамоте Ивана Грозного Псково-Печорскому монастырю его называют «Теплым камнем на кургане при ручье».⁷

В грамоте Псково-Печорского монастыря XVI в., содержащей список ободной грамоты 1490/1491 г., отмечено административное деление псковских земель у границы под Нейгаузенем: «... по сей ободной грамоте отмежовало под Новым городком Мекужицею речкою и Пивжою едучи от Печерского монастыря к Новому городку большою дорогою на праве землю и лес и бортную ходбу в Завелицкую засаду в Тайловскую губу. А по нынешним писцовым книгам приписано в Понцковскую губу для повытного платежа детей боярских помещиков, которые мерейскими деревнями, а ныне в том ободу мельница на Пивже и мельников двор и пашня и закосы, што под Новым городком на псковской стороне».⁸

Первое научное наблюдение жертвоприношений принадлежит Иоганну Арнольду фон Бранду, ординарному профессору Дуасбургского университета. В 1673 г. он совершил путешествие в составе бранденбургского посольства Скультетуса, посетив Бранденбург, Пруссию, Курляндию, Лифляндию, Псков, Новгород и Москву. По дороге в Москву он прожил две недели в Нейгаузене, изучая жизнь и обычаи местного населения.

Описывая религиозные верования жителей Дерптского епископства, Бранд отмечает многочисленные проявления язычества и приводит конкретный пример: «На Иванов день отправляются они в полночь к Нейгаузену недалеко от Московской границы, где у них есть камень, который они называют Теплым

камнем, где жертвуют ему или передние конечности, или ноги, или голову либо быка, либо овцы и тому подобные разные вещи, все сделаны из воска, кладут все это на него со странными причитаниями и странными жестами».⁹ Он закончил свои заметки словами: «Люди здесь действительно напоминают волшебников».

В наблюдениях И. А. Бранда отметим состав жертвоприношений, включавших ноги и головы закланных на месте святилища животных и восковые вотивные дары, ритуальный танец в процессе жертвоприношения, а также широкую известность святилища, почитаемого не только местными жителями, но и пришлыми эстонцами.

В другом источнике XVII в. описана функция Теплого камня как пограничного знака.¹⁰ Отчет шведского военного агента «Некоторые наблюдения в России над ее дорогами, крепостями и границами; собрал при шведском посольстве к московскому царю Эрик Пальмквист в 1674 году» широко известен своими иллюстрациями.¹¹ В шпионском отчете на л. 33 помещен детальный план участка границы России с шведской Лифляндией, озаглавленный «Карта и подробное изображение спорного участка земли между замком Нейгаузен и Теплым камнем и другими, показывающая спорную пограничную межу обоих высоких владетелей» (см. рис. 1).

Карта сопровождается пояснительным текстом на л. 32об.: «шведская пограничная межа идет по небольшому ручью под названием Мегузица, от которого она у №1 отходит и идет до №2, до так называемого Теплого камня, что лежит на холме у правой стороны дороги в Печорский монастырь. Отсюда межа идет через небольшие болотца к Л"3, к Красной горке. Протяженность межи от укрепления замка Нейгаузен до Теплого камня, по моему точному измерению, равняется 1030 обыкновенным шагам, равняющимся 1543 шведским локтям, т. е. расстоянию обыкновенного пушечного выстрела. Ввиду этого, хотя русские вовсе не заявляют претензий непременно, как бы было удобнее на самом деле и для нас, вести границу от названного ручья Мегузица прямо к Красной горке № 3. Шведское правительство смело сможет отдать само все эти земли, лежащие между двумя пограничными межами, имеющие едва только каких-нибудь шесть квадратных хакаров, или 90 канн».

На плане показаны сопровождаемые надписями р. Пиуза, р. Мегузица и два небольших ручья, впадающих в р. Пиуза выше ее устья, лес, небольшие болотца и холмы, поля округи Нейгаузена, замок Нейгаузен, крестьянские мызы, дорога из Нейгаузена в Печоры и другие дороги местного значения, пограничная межа между русскими и шведскими владениями, ограничивающая спорный участок треугольной формы на правом, восточном берегу р. Мегузица и р. Пиуза.

Пункт №2 на плане сопровождает надпись: «Терпой катеп, т.е. Теплый камень. По словам простого человека, русские в ночное время эти огромные камни, которые очень велики, пытались с несколькими ротами пицальников сдвинуть прочь, т.е. еще назад, в большую яму. С внешней стороны камней отдыхал посол».

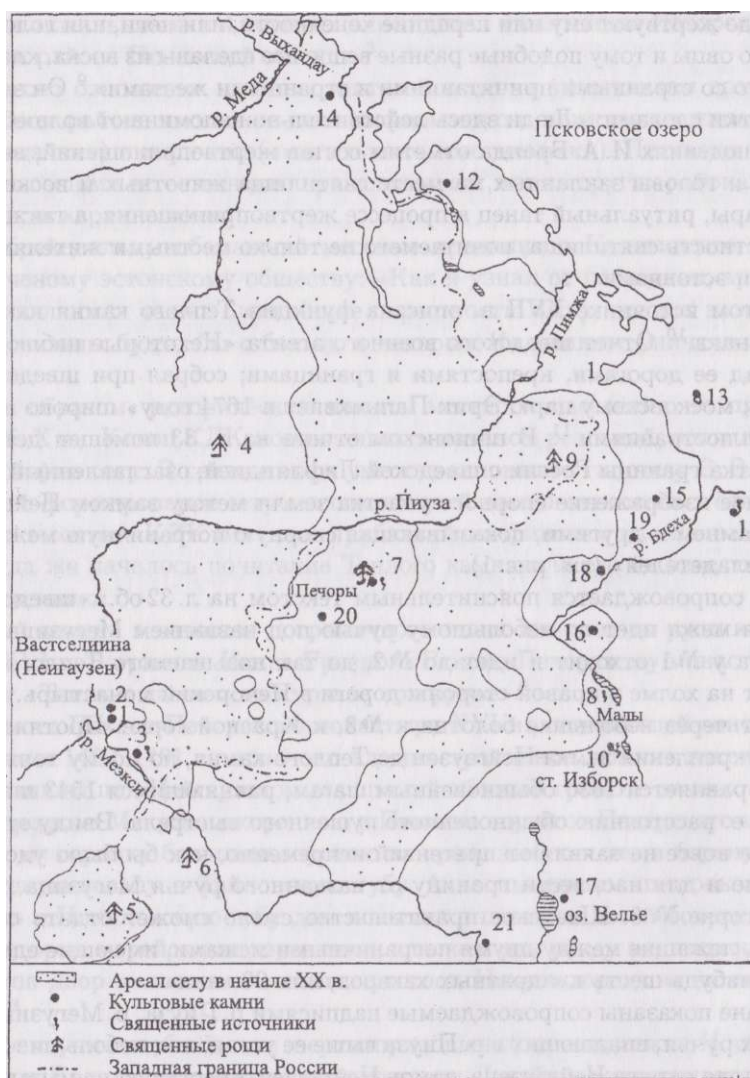

Рис. 1. Культовые камни, источники и деревья вокруг Изборска, Печор и Нейгаузена: 1 — Пелси: Теплый камень; 2 — Пелси: камень Анны; 3 — Меэкси: Иванов камень, ручей, предание о дереве; 4 — Орава; 5 — Лухамаа; 6 — Богомолowo; 7 — Печоры: Титов камень, ручей Каменец, родник Иоанна Крестителя, дубы на Святой горе; 8 — Малы; 9 — Саатсерийна (Зачеренье); 10 — Изборск: Славянские ключи (Сумильник), родник в монастыре Рождества Богородицы, культовые камни; 11 — Печки: камень-следовик, колодец; 12 — Кулье: глазной камень; 13 — о. Семский: камень «след ангела»; 14 — оз. Любенец: камень «Божий след»; 15 — Иваново болото: Болотный Бодряков камень, покровитель собирательниц ягод; 16 — Сытенки: чтимый камень в Соколовском бору; 17 — Велье: глазной камень; 18 — Лезги; 19 — Лезги-Гверстель; 20 — Тайлов: камень со знаком из длинного кургана; 21 — Бор Бельков.

За краткими отрывочными сведениями письменных источников проступает картина жизни русского пограничья с многовековым спором из-за клочка земли, с тайными попытками военного отряда уничтожить пограничный знак, с архаичными обрядами местных жителей. Необходимо было проверить эти сведения на местности.

План Э. Пальмквиста полностью соответствует современной топографии участка местности в окрестностях Нейгаузена на правом, восточном берегу р. Пиуза и р. Меэкси. Пункт № 1 может быть отождествлен с опушкой леса на южной окраине деревни Вахтселийна, подходящей к р. Меэкси в 350 м к югу от замка.

Пограничная межа между пунктами № 1 и 2 проходила примерно по опушке леса до высокого холма, расположенного на правой стороне дороги на Печоры, в 1 км к востоку от замка, у д. Пелси (Плесси). На вершине холма — небольшая плоская площадка, на которой лежат небольшой валун и 4 осколка валунных камней. Верхняя часть склонов холма, возможно, эскарпирована, о чем свидетельствует терраса под западным краем площадки. Вершина и склоны поросли густым лесом. Холм полностью соответствует местоположению несохранившегося Теплого камня.

Пограничная межа между пунктами №2 и 3 совпадает с грунтовой дорогой от д. Пелси (Плесси) к ур. Крутой берег (Крутой кряж) на правом берегу р. Пиуза. Ур. Крутой берег в 3,5 км к северу от замка представляет собой естественную возвышенность, сложенную красноватым песчаником и размываемую р. Пиуза в месте поворота течения на запад. Оно отождествляется с отмеченной на плане Красной горкой. Само название урочища указывает на его связь с одноименным праздником встречи весны, совпадающим с Фоминым воскресеньем после пасхальной недели. Многочисленные Красные горки имели сакральное значение, служили для традиционных празднеств, связанных с сезонными циклами народного календаря.¹²

Граница, отмеченная Теплым камнем и Красной горкой, была важным фактором этнической истории сету, ареал которых между устьем р. Выханду на севере, Изборском на юго-востоке, Миссо на юго-западе до 1920 г. входил в состав Псковского края (земли и уезда, наместничества, губернии). В 1920-1930-х годах он принадлежал Эстонии, а после 1944 г. был поделен по языковому принципу между Эстонией и вновь образованной Псковской областью (рис.2).

Западная граница Руси проходила от устья р. Выханду по р. Меда, р. Пиуза, р. Меэкси и далее в юго-западном направлении. Она была установлена после войны с Ливонским орденом 1240-1242 гг., неоднократно подтверждалась в договорных грамотах Новгорода и Пскова с Ливонским орденом и Дерптским епископством, сохранялась в ХУТ-ХУП вв., в XVIII столетии стала внутренней административной границей. На пограничном рубеже существовали спорные участки (д. Желачка на р. Пириссар, Вышгородок в окрестностях пригорода Красный и др.), служившие поводом для военных конфликтов.¹³

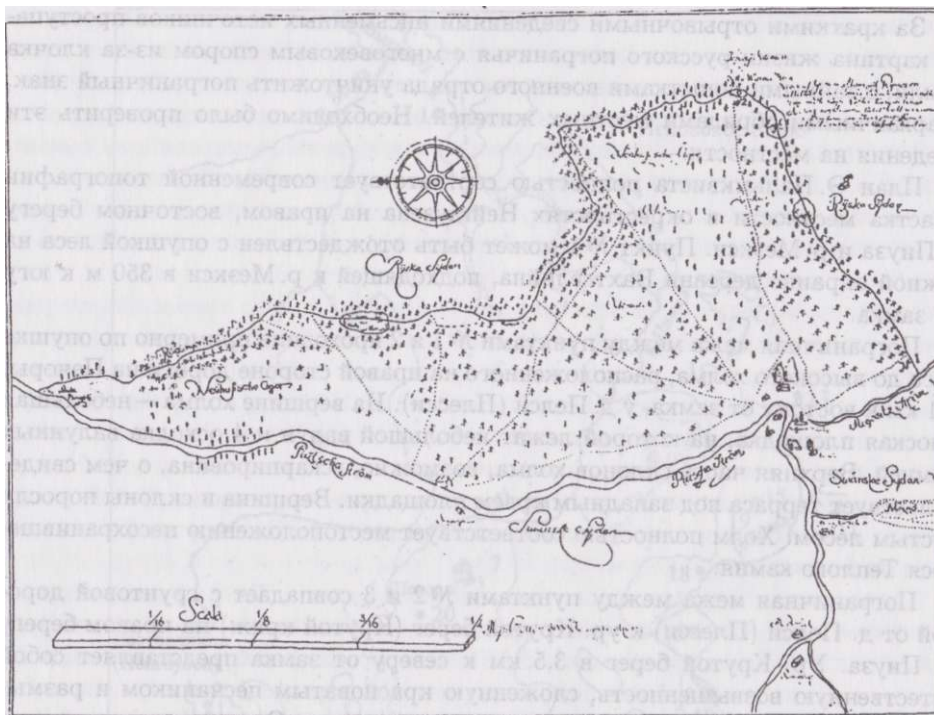

Рис. 2. Карта Э. Пальмквиста.

Спорный участок, описанный Э. Пальмквистом, возник в ходе военных действий 1341-1343 гг. после строительства в 1342 г. замка Нейгаузен (Новый городок, Вастселийна) на мысу при впадении р. Меэкси (Мегузица, Мекужичи) в р. Пиуза (Пимжа, Пивжа). Все псковские летописные своды отмечают, что немцы «поставите Новый городок на реке на Пивже, на Псковской земле».¹⁴ Уже в августе 1342 г. на Мекужицком поле произошло внезапное столкновение псковской разведки, возглавляемой воеводой союзника псковичей князя Ольгерда Юрием (Георгием) Витовтовичем, с немецким войском, шедшим к Изборску. В ходе столкновения погибло 60 изборян и псковичей.

В соответствии с русско-шведским договором 1650 г. на р. Мекужичи (Меэкси) происходили съезды межевых послов, обмен грамотами и сыск перебежчиков.¹⁵

Попытки русских убрать Теплый камень, служивший пограничным знаком и «кумирской прелестью» одновременно, завершились удачно. Огромные камни, составлявшие культовый объект, были куда-то перетащены. К XX в. почитание Теплого камня полностью прекратилось, а функции перешли к соседним

культовым объектам, камню Анны и Иванову камню. Только жители соседней д. Пелси (Плесси) помнили, что «был еще один камень покрупнее», у которого резали живую овцу, и «он находился по другую сторону дороги» в Печоры.¹⁶

В 1885 г. здесь побывал Ю. Трусман. В 1928, 1935, 1937-1938 гг. писатель и этнограф Л. Ф. Зуров собрал уникальные материалы о религиозных обрядах сету. Несмотря на его яркую статью «Поклонение камням, родникам и деревьям у сетукезов и русских в Печорском крае», эти материалы остались почти не известны русской науке. Серьезные наблюдения и обобщения были сделаны Е. В. Рихтер, П. С. Хагу и др.¹⁷

Камень Анны (Аппект) на холме Аннемая при развилке дорог располагался на противоположной от Теплого камня окраине д. Пелси (Плесси). Почитание камня происходило 25 июля, в день католической св. Анны, покровительницы овцеводства. В прошлом существовал обычай проводить в этот день к камню живую овцу и резать ее, причем головы и ноги раздавали сидящим вокруг нищим. Так делали местные крестьяне и приезжие «люди с моря». В состав жертвоприношений, которые клали на камень, входили также мясо, черная и белая шерсть, масло, сыр и деньги. Их разбирали нищие. Больные приходили к камню в надежде на исцеление. В XIX в. при камне существовала часовня. Аналогичные приношения бараньих голов, ног и шерсти иконам в часовнях св. Анны в д. Сульники Панцковского прихода и м.Троена Верхоустинского прихода отмечены Ю. Трусманом.¹⁸

В 1938 г. камень Анны еще сохранялся, но рассказы респондентов Л. Ф. Зурова сопровождалась ссылкой на стариков. Почитание прекратилось, вытесненное близким по времени праздником Иоанна Крестителя (24 июня/7 июля), справляемым у Иванова камня в соседней д. Меэкси (Мегузицы), в 5 км к югу от руин Нейгаузена.

Д. Меэкси (Мегузицы, Микужицы) неоднократно упоминается в описаниях вотчины Псково-Печорского монастыря XV1-X\ТП вв. В описании после Ливонской войны отмечено, что «деревня Микужицы, на реке на Микужицы, а было в ней по-старому, сказали, девять дворов, сожжены все от войны, а кто в тех дворах жили, и тех людей, сказали, не стало, а иные побиты, а иные в полон взяты, а имян, сказали, тех людей не упомнит, хто в котором дворе жил, а ныне в той волостке селитца на новом месте на поле у тех же у старых у девяти дворов их место (двор) Русан Иванко Федотов, (двор) чюхно Кучек Клаусов, (двор) Петрушка Ратаев...»¹⁹

Иванов камень (Даашкт) ныне представляет собой растрескавшиеся остатки огромного ледникового валуна на левом берегу р. Меэкси. Он почитался местным населением, а также русскими, эстонскими и латвийскими богомольцами как носитель большой целебной силы и покровитель животноводства, место ритуальных трапез и жертвоприношений в Иванов день. Культовый камень, ручей и не сохранившиеся деревья были освящены сооружением православной часовни, в 1930-х годах — деревянной церкви. С ними связаны предания

о «следке» Иоанна Крестителя (Иоанн Креститель и апостол Петр сидели на камне, омыли ноги в ручье и обулись), о купании «Ликандрь» (преп. Никандр Порховский), о наказании за причинение вреда. В составе жертвоприношений отмечены шерсть, масло, сыр, творог, сливки, хлеб, пироги, яйца, деньги, свечи. Приношения ставили на камень в кадушках, смазывали ими поверхность камня, раздавали нищим, сидящим вокруг.

Почитание сопровождалось поклонами, целованием, прикосновениями к камню больными местами, омовениями в ручье и водой ручья в часовне, набиранием воды в бутылки, раздачей одежды больных нищим. В Иванов день священники служили молебен в часовне.

Одновременно в деревне справляли праздник. В Иванову ночь это были коллективные трапезы со свежесваренным пивом, песни и танцы, «вольное» поведение женщин, прыжки через костер и в огонь. На следующий день после церковной службы и короткой ярмарки совершался женский праздник плодородия с ритуальным пьянством, эротическим бычьим и медвежьим танцами, поклонением «божеству плодородия» в повозке.²⁰

Местные жители и их родственники из Эстонии и Псковской области в 1970-1980-х годах продолжали собираться у Иванова камня 24 июня/7 июля, называя праздник «старый Иван». По мостику через ручей к камню подходили, чтобы приложиться к нему больными местами. Иногда подавали сидящим старушкам масло, творог, молоко, шерсть или ставили «жертву» на камень. Однако основная масса участников приходила, чтобы помянуть своих усопших родственников. Поминальная трапеза с обязательными домашними маслом и творогом происходила на кладбищенских могилах и продолжалась несколько часов.

Теплый камень в ХУ1-ХУИ вв. служил для летних коллективных жертвоприношений в Иванов день, один из поворотных пунктов народного календаря. Поверья и обряды этого дня многообразны. После разрушения древнего святилища его функции перешли к соседним объектам, причем были освящены как католической, так и православной традициями. Среди богомольцев были также эстонцы и латыши лютеранского вероисповедания.

С камнем Анны оказались связанными вера в целебную силу, а также представления и магические действия, направленные на увеличение плодородия скота, оберегания его от козней нечистой силы, диких зверей и других опасностей, отчасти напоминающие жертвоприношения «медвежьего праздника» в день св. Маргариты (13 июля) в Эстонии и Финляндии.²¹

Иванов камень и р. Меэкси соединили целебную силу с ритуалами огнепоклонства и женского праздника плодородия, присоединив позднее функции камня Анны и добавив помины усопших.

Хронологическую эволюцию состава и способов жертвоприношений от первоначальной кровавой жертвы до церковного молебна и поминов усопших наглядно характеризует таблица. Почитание Иванова камня началось, вероятно, позже почитания камня св. Анны, когда народная вера в бескровную жертву,

совершаемую на церковном алтаре, утвердилась настолько, что кровавая жертва уже не практиковалась.

Таблица. Жертвоприношения в Печорском крае

Объект	Состав жертвоприношений																Способы						
	А	Б	В	Г	Д	Е	Ж	З	И	К	Л	М	Я	О	П	Р	1	2	3	4	5	6	7
Теплый камень	+	+	+	+													+	+					
Камень Анны			+	+	+	+	+							+			+	+	+	+			
Иванов камень						+	+	+	+	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+

Л —восковые votивные дары, Б—бык, В—овца, Г—ноги и головы, Д—мясо, Е—шерсть, Ж—масло, З—сыр, И—творог, К—сливки, Л—хлеб, М—пироги, Я—яйца, О—деньги, Я—свечи, Р— святая вода.

1 — кровавая жертва, 2 —положение даров на камень, 3 — принесение даров в кадучках или другой посуде, 4 —раздача даров жертвоприношений нищим или старушкам, 5 —смазывание дарами поверхности камня, 6 —окропление камня святой водой, 7— церковное богослужение.

В зоне старой русско-ливонской границы известны и другие культовые объекты, например, остатки священных рощ или деревья в Лухамаа, Богомоллово, Орава.

Не исключено, что знаменитый Вороний камень, упомянутый в летописях в качестве ориентира для определения места Ледового побоища 1242 г., имел и культовое значение. Во всяком случае Вороний камень, наделенный магическими свойствами, хорошо известен в эстонских народных поверьях и целительстве. «По преданию, этот камень добывали следующим образом: из вороньего гнезда вынимали насиженные яйца, варили их и клали обратно в гнездо: птенцы не вылупляются, ворон замечает обман и приносит из дальних стран чудесный камень, после чего птенцы выходят из яиц. Когда птенцы оперятся, волшебный камень можно взять из гнезда».²² Ему приписывали магические свойства и применяли при лечении рожи, опухоли на шее, зубной боли и др. Ледниковый валун, служивший топографическим знаком и культовым объектом одновременно, вполне мог дать наименование небольшому островку в Чудском озере или скалистому выступу на оконечности этого островка, с которым обычно связывают место битвы.²³

Наличие культовых объектов в зоне границы Руси все же не позволяет чрезмерно сакрализировать эту условно проведенную по военно-политическим соображениям черту. Не меньше культовых объектов известно по обе ее стороны.²⁴ Наиболее распространенными были культовые камни: «следовики», «крестовики» и чашечные, помогавшие при глазных, женских и прочих болезнях и в других делах. Обычны предания, связывающие с ними проявления духовных энергий: видения ангелов и святых, чудотворные исцеления, наказа-

ния за неблагочестивое или вредоносное отношение к объекту. Менее известны источники, почитание которых активно возрождается в наши дни. Еще хуже сохранились священные рощи и деревья. Всего в Печерском крае, в его старых, до послевоенного раздела границах, известно свыше 20 пунктов, где зафиксированы, по данным разных лет, священные камни, источники и деревья, иногда по 2-3 в каждом.

- ¹ Хагу П. С. Аграрная обрядность и верования сету: Автореф. канд. дис. Л., 1983. С. 12.
- ² Аун М. Э. Курганные могильники юго-восточной Эстонии во второй половине I тыс. н.э. Таллинн, 1980. С. 114-120.
- ³ Минасян Р. С. Итоги археологической разведки в Печорском районе Псковской области в 1974 г. // Древние памятники на территории СССР. Л., 1982. С. 104.
- ⁴ Там же. С. 124.
- ⁵ Крейцвальд Ф. Р. Избранные письма. Таллинн, 1953. С. 50-52.
- ⁶ Седов В. В. О происхождении сету // Вопросы финноугроведения: Тезисы докладов. Сыктывкар, 1979. С. 49.
- ⁷ Трусман Ю. Полуверцы Псково-Печерского края // Живая старина. Отд.этнографии. Вып. 1. СПб., 1890. С. 40.
- ⁸ Российская государственная библиотека (далее —РГБ). Архив Н.Румянцева. Ф. 256. №54. Л. 35-35 об.
- ⁹ Вага А. / А. Кеизеп ёнгсЪ сбе Магк ВагёепБиг^, Ргеззец, Сьиглакс1, ЫеПапф Рлезоулеп, Сгозз-Ыап^арс1еп, Т^уеепеп икс1 Моссоулеп. \Уезе1, 1702. 3.157.
- ¹⁰ Плоткин К. М. Теплый камень — пограничный знак на западном псковском рубеже // Археологические исследования Пскова. Псков, 1988. С. 42-44.
- ¹¹ Кацге Лзле коп§1. Ат^Баязайеп Ш1 Тгагеп Мизкои ё^ог<1е оЪзегуаБюпе оуег ЕуззлапёБ ёез \Va§ег, разг гпсз Раз11§нег, ёез §гапгер. Заттас! га§не аГ ЕпсЪ Ра1тд\У1з1. Аппо 1647. 31оскБо1т, 1898. Б. 32-33 (перевод А.П.Богуславского. Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Ф. 11. Оп.95/2. Д. №175. С. 95-101).
- ¹² Соколова В. К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов XIX —начала XX в. М., 1979. С. 75-76; Некрылова А. Ф. Круглый год. Русский земледельческий календарь. М., 1989. С. 464-465.
- ¹³ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. С. 96-98, 133-136, 331-337. № 59, 78, 347; Казакова Н.А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV —начало XVI в. Л., 1975. С. 130-133, 148-149.
- ¹⁴ ПЛ. I. М.; Л., 1941. С. 18; ПЛ. II. М., 1955. С. 24, 95.
- ¹⁵ Рер \У1езе18геп. Вгеу 1Н1 Оеог§ 3^егпЫёт и1§1уиа осЪ коттеп4егас1е ау теё Ызлап! ау СегЪарс! Веппг осЪ Мапа ХУМпаз. Риб1са1уз о! 1Ъе пет зос!е(у оГ 1еиегз а1 Ыпё. Ыпф 1968. Р. 218-237.
- ¹⁶ ЗолотоЦ Б. Бугкап ау злепаг, калог осЪ (гас! Ыапё Зегикезег осЪ Куззаг 1 Релзап итгаде! // РолкП. 1940. ЗгоскБо1т, 1942. 3. 76.
- ¹⁷ Трусман Ю. Полуверцы Псково-Печерского края. С. 40-42; ЯоугоЦ Б. Иугкап. .. 3. 62-76; Рихтер Е. В. Материальная культура сету в XIX — начале XX века (к вопросу об этнической истории сету): Автореф. канд. дис. М.; Таллинн, 1961. С. 3-15; Хагу П. С. Аграрная обрядность и верования сету. С. 3-12.
- ¹⁸ ЗолотоЦ Б. Оугкап. .. 3. 75-76; Трусман Ю. Полуверцы Псково-Печерского края. С. 39.
- ¹⁹ РГБ. Архив. Н.П.Румянцева. Ф.256. №55. Л. 8.
- ²⁰ ЗолотоЦ Б. Бугкап... 3. 74-75.
- ²¹ Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Летне-осенние праздники. М., 1978. С. 112.
- ²² Калевипоэг. Эстонский народный эпос. Таллинн, 1979. С. 128, 242.

²³ *Плоткин К. М.* О культовом значении топонима «Вороний камень» // Церковная археология. 4.1. СПб.; Псков, 1995. С. 125-127.

²⁴ *Александров А. А.* О следах язычества на Псковщине // Краткие сообщения Института Археологии (КСИА). Вып. 175. М., 1983. С. 13. Рис. 1.

А. Ю. Чистяков

**ХОЗЯЙСТВО ИНГЕРМАНЛАНДСКИХ ФИННОВ
В СИСТЕМЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ
С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ НА РУБЕЖЕ
XIX-XX вв.***

На рубеже XIX-XX вв. ингерманландские финны составляли значительную часть сельского населения С.-Петербургской губернии, уступая по численности только русским. По переписи населения 1920 г. в губернии насчитывалось 101953 человек финнов (сельское население).¹ На Карельском перешейке ингерманландские финны проживали в северных волостях Петербургского уезда (район Белоострова, Осиновой Рощи, Лемболова, Коркиомьяк), в Шлиссельбургском уезде (окрестности Токсова, Матоксы, Колтуш). В ближайших пригородах С.-Петербурга финские крестьяне практически не селились. Южнее Невы финские деревни были расположены от окрестностей Мги на востоке до р. Нарвы на западе. На этой обширной территории наибольший процент населения ингерманландские финны составляли в северной части Царскосельского уезда (в Дудергофской, Мозинской, Кошелевской волостях — более 90% в 1882 г.) и северо-восточной части Петергофского уезда (в Ораниенбаумской, Ропшинской, Шунгоровской волостях — более 60% в 1881 г.).²

Ошибочно рассматривать ингерманландских финнов как некую изолированную общность. Их взаимодействие с русскими, ижорой, водью было обусловлено уже характером расселения. Данные земской переписи 1881-1882 гг. указывают на большое количество деревень, имеющих полиэтнический состав населения. Преобладание таких населенных пунктов особенно характерно для южной и западной частей Ингерманландии. В 1881 г. в Витинской волости Петергофского уезда была только одна чисто финская деревня — Крокшево. В этом же уезде в Ораниенбаумской волости насчитывалось 18 деревень с финским населением, 9 — с православным, 14 — со смешанным, причем в последних проживало 53,5% финского населения волости. В Ропшинской волости этот показатель был равен 56,5%, в Шунгоровской — 68%, хотя во многих деревнях со

* Исследование проведено при поддержке РГНФ. Проект № 02-01-18052е.
© А. Ю. Чистяков, 2004

смешанным населением наблюдалось явное преобладание представителей того или иного этноса.³ На Карельском перешейке доля однонациональных финских поселений, напротив, была высока. В 1882 г. все финские деревни Токсовской волости являлись моноэтническими. В Матокской волости на 18 финских деревень приходилось лишь две со смешанным этническим составом.⁴

Приведенные данные показывают, что хозяйство ингерманландских финнов нельзя рассматривать в отрыве от экономики региона. Проникновение товарно-денежных отношений в крестьянское хозяйство Северо-Запада во второй половине XIX — начале XX в. оказывало влияние на все население вне зависимости от национальной принадлежности. Вопрос заключается в том, в какой степени структура хозяйства ингерманландских финнов была обусловлена их культурной традицией и этнической спецификой, а в какой — общерегиональными тенденциями экономического развития. Подобное исследование возможно при условии привлечения обширного статистического материала, в частности данных земской переписи 1881-1882 гг., результаты которой были опубликованы в «Материалах по статистике народного хозяйства в С.-Петербургской губернии» (МСНХ). В МСНХ содержатся сведения обо всех сторонах крестьянского хозяйства, приведены численные данные по каждому населенному пункту с указанием вероисповедания жителей.

Природные условия Ингерманландии вряд ли можно отнести к благоприятным для деятельности земледельца. Лишь в Ямбургском уезде собираемого хлеба не только хватало на внутренние нужды, но он также использовался в винокурении и частично сбывался через Нарвский порт за границу.⁵ В 1882 г. финны составляли наибольшую долю населения в Наровской (36,4%) и Врудской (26,5%) волостях уезда. Крестьяне Наровской волости тяготели к ведению товарного сельского хозяйства: увеличивались посадки картофеля, развивалось животноводство. В хозяйствах Врудской волости под пашню отводилось 69,5% надела, что было наивысшим показателем по уезду. По посадкам картофеля эта волость занимала последнее место в уезде. Основной сельскохозяйственной культурой здесь была рожь. Ведущей системой севооборота оставалось трехполье.⁶ В таком же положении находились финские и русские хозяйства южных волостей Петергофского уезда, Сосницкой и Лисинской волостей Царскосельского уезда, расположенных вдали от столичного рынка.⁷ Менее удаленные территории активнее втягивались в товарное хозяйство и промысловую деятельность. В Ораниенбаумской, Шунгоровской, Ропшинской волостях Петергофского уезда, в Дудергофской и Мозинской волостях Царскосельского уезда расширялись площади картофельных полей за счет сокращения посевов ржи, происходил переход от трехполья к четырехполью. Возросшая потребность в удобрениях удовлетворялась путем увеличения поголовья молочного скота, доставки из города нечистот и различного мусора.⁸

На Карельском перешейке запросы столичного рынка повсеместно привели к расширению посевов овса, вытеснившего неконкурентоспособную рожь. Од-

нако по посадкам картофеля финские хозяйства занимали последнее место и в Петербургском уезде. В Шлиссельбургском уезде душевой надел был самым большим. Лучше других были обеспечены землей крестьяне Токсовской волости, ранее принадлежавшие ведомству коменданта Петропавловской крепости. После реформы 1861 г. им передали все комендантские имения, что составило около 15 десятин на мужскую ревизскую душу.⁹ В уезде ликвидировались поля под паром, расширялось использование удобрений.

Орудия обработки почвы в финских хозяйствах Карельского перешейка оставались примитивными. Это были соха и смычковая борона, которая представляла собой 3 или 4 еловых дерева, привязанных к двум плахам так, чтобы ветви упирались в землю. В конце XIX — начале XX в. в районах южнее Невы традиционная соха намного быстрее вытеснялась сохами-косулями и плугами, а смычковая борона — бороной с железными зубьями.¹⁰

В целом финские крестьяне уделяли больше внимания земледелию, чем их русские соседи. Составители МСНХ указывали (применительно к Шлиссельбургскому уезду), что «степень развития земледелия обуславливается этнографическим составом населения: чем больше финнов в данной местности, тем больше и пашни, так как в финских селениях запашки значительнее, чем в русских».¹¹ Инертность финских хозяйств объяснима тем, что для активного участия в промыслах требовалась хорошая ориентация в условиях рынка, а следовательно, и знание русского языка. Примером связи языка и занятий может служить распространение в финской деревне Петергофского уезда (источник не указывает ее название) извозного легкового промысла. Один из крестьян вынужден был поступить работником на мызу. Там за 2-3 года он выучился говорить по-русски и занялся извозом в столице, что принесло ему за зиму 70 рублей чистого дохода. После этого и остальные жители деревни обратили внимание на изучение русского языка, и многие из них занялись извозом.¹² В МСНХ эта история приводится как типичная.

Для ингерманландских финнов было характерно занятие молочным промыслом. В Петербургском уезде финские хозяйства лидировали по поголовью скота. В 1882 г. в среднем по уезду на 100 дворов приходилось 199 коров, а в северных финских волостях — 266 коров.¹³ Однако финские хозяйства были плохо обеспечены кормовой базой. Если в пригородных русских селениях в пищевом рационе коров преобладало луговое сено (кроме того, добавляли тимофеевку, отруби, пареный картофель и барду с пивоваренных и винокуренных заводов), то в северных волостях скотину кормили исключительно соломой.¹⁴ В соседних волостях Шлиссельбургского уезда положение с кормами было лучше. В Токсовской волости, где промыслу благоприятствовал большой размер надела, скот кормили преимущественно сеном, а в Рябовской и Колтушской волостях — и картофелем.¹⁵ Повсеместное развитие молочного промысла в деревнях Карельского перешейка обусловила территориальная близость к Петербургу, где крестьяне реализовывали продукцию.

Южнее Невы распространение молочного промысла также зависело от доступности рынков сбыта. Удаленные хозяйства включались в промысел по мере развития железнодорожного сообщения.¹⁶ В конце XIX в. на Балтийской железной дороге существовал даже ежедневный поезд, носивший название молочного и перевозивший в Петербург товар из западных районов губернии и Эстонии.¹⁷

Несмотря на значение животноводства для финских хозяйств, уровень его продуктивности оставался невысоким, что объясняется отмеченными недостатками кормовой базы, нехваткой средств для расширения хозяйства, его модернизации, хотя корова оставалась зачастую главной кормилицей семьи. И в 20-е годы XX столетия многие исследователи отмечали бедность финских хозяйств, которые обеспечивали лишь минимальный уровень, необходимый для существования. «Мы лентяи, дома пусто, обед варить не из чего, взял бидон с молоком, поехал в Ленинград — вот тебе и обед, и булка, и водка», — рассказывали крестьяне из деревни Мерозимьяки.¹⁸ Деньги, вырученные от продажи молока, в основном уходили на еду, водку и наряды, но почти ничего не расходовалось на укрепление хозяйства.

На протяжении XIX в. повышалось значение неземледельческих промыслов. Среди них специфически финским часто называют питомнический промысел. В действительности этот промысел имел место и среди русских крестьян. Много питомцев воспитывалось в русских селениях Сосницкой волости Царскосельского уезда, Редкинской и Ратчинской волостей Ямбургского уезда.¹⁹ Питомнический промысел, который в народе называли еще «производство ангелов», заключался в приеме на воспитание детей из сиротских домов. Воспитательный дом оплачивал содержание питомца до достижения им пятнадцатилетнего возраста. В основном промыслом занимались бедные хозяйства, что приводило к невозможности создания воспитанникам нормальных условий жизни. Выплата денег совершалась через каждые 2-4 месяца в Петербурге, так что бедной семье ездить несколько раз в год за получением незначительной суммы в 3-5 рублей было невыгодно. Поэтому крестьяне часто закладывали выдаваемые им билеты Воспитательного дома богатым односельчанам под ссуду в 10 и более процентов в месяц. Ссуда могла выдаваться не наличными деньгами, а продуктами по высоким ценам.²⁰ Питомцы, оказавшиеся в финских семьях, подвергались влиянию финской культуры и, став взрослыми, не выделялись среди местного населения. Проживание в деревнях таких финнизированных русских фиксировали исследователи во время полевых работ в 20-е годы XX в.²¹

Питомнический промысел в районах расселения ингерманландских финнов был распространен неравномерно. В нем активно участвовали финские хозяйства на Карельском перешейке (кроме Колтушской волости). Питомничество не было характерно для русских пригородных районов и финского населения близлежащих волостей (Дудергофской и Мозинской Царскосельского уезда,

Шунгоровской, Ораниенбаумской, Ропшинской Петергофского уезда). В более удаленных районах Царскосельского и Петергофского уездов, в Ямбургском уезде статистические данные выявляют факт проживания и в финских, и в русских деревнях значительного количества питомцев.²² Промысел, таким образом, отсутствовал в местностях, ориентированных на отходничество и товарно-производственную деятельность, а также, где существовали иные постоянные источники дохода (например, в Путиловской волости Шлиссельбургского уезда—добыча известняка). Поскольку питомнический промысел не отвлекал от обработки земли, сирот на воспитание брали лица, занятые преимущественно в сельском хозяйстве и испытывавшие недостаток в средствах.

Для финских крестьянских хозяйств, как и для губернии в целом, типичными были различные виды лесных промыслов. Промысловой заготовке дров способствовало наличие значительных по площади лесных массивов. Летом в течение двух-трех недель перед сенокосом занимались драньем ивовой коры. В русских поселениях этим промыслом занимались исключительно женщины и дети, а в финских — и взрослые мужчины. Кору после просушки и измельчения сбывали в Петербурге на кожевенные заводы или же продавали скупщикам в деревнях (в Коркиомякской и Лемболовской волостях Петербургского уезда).²³

Жители близлежащих к городу и железным дорогам поселений получали доход от сдачи помещений внаем. В районах расселения финнов дачные центры находились в Петергофском уезде (Шунгоровская и Ораниенбаумская волости), в меньшей степени в Петербургском уезде (Белоостровская, Вартемякская, Осинорощинская волости). Доход приносили сбыт постояльцам различных продуктов, перевозка, другие услуги (обеспечение водой и дровами, стирка белья, перевозка мебели и т.д.).²⁴ Одако из-за удаленности финские волости не могли конкурировать с русскими пригородными поселениями.

В личное услужение финны нанимались реже, чем русские, так как этому препятствовало плохое знание ими русского языка. Они предпочитали наем на различные сельскохозяйственные работы. В Шлиссельбургском уезде в 1882 г. прислугой состояли 29 мужчин и 279 женщин, из которых лютеранами были только 41 человек. Среди поденных сельскохозяйственных рабочих лютеране, наоборот, преобладали: 404 человека против 303 православных.²⁵ В Петербургском уезде молодежь из Коркиомякской и Лемболовской волостей уходила в окрестности Колтушей копать картофель. Работы длились около двух недель, и заработанные деньги тратили в основном на наряды.²⁶ В Царскосельском уезде поденщики работали не только на полях, но также в садах и огородах.²⁷ Поденные сельскохозяйственные работы были распространены по всей территории губернии.

Во второй половине XIX в. среди ингерманландских финнов приобретают популярность различные конные заработки. Жители Петербургского и Шлиссельбургского уездов занимались вывозом мусора и нечистот из города, которые затем использовали в качестве удобрений.²⁸ Финские крестьяне работали

пицами на катаниях во время масляничных гуляний. Таких возниц горожане зывали вейками (от финского *ueikko* — товарищ, брат).²⁹ Извозный промысел пользовался почетом в деревнях. Говорили, что «как только в доме у крестьянина станет замечаться достаток, он отправляется в извоз».³⁰

Кроме рассмотренных выше, существовали различные локальные промыслы, характерные исключительно для определенной местности или даже для одного населенного пункта. В 1882 г. в финской деревне Ойнолово Лемболовской волости пятеро крестьян занимались изготовлением оглобель, для чего обдирывали землю, поросшую мелким лесом. Оглобли они продавали возами новым извозчикам в Петербурге.³¹ В деревне Мустилово Кюляятской волости три жителя заготавливали рябиновые палки, которые использовали затем на дрова для бочек и рыболовных снастей.³² Этот вид деятельности больше был распространен в русских деревнях Парголово и Полустровской волостей. В русских волостях Петербургского уезда (Коркиомякская, Кюляятская, Лемболовская, Муринская) практиковался сбор муравьиных яиц, которым занимались 114 женщин и 32 мужчины. Национальная принадлежность сборщиков не известна, но можно предположить, что в первых трех волостях это были преимущественно финны. Муравьиные яйца использовались как корм для птиц и ютых рыбок. Иногда их сбывали непосредственно владельцам певчих птиц, чаще же — скупщикам, которые торговали на Щукинском рынке в Петербурге. Тогда по Петербургскому уезду собирали до 500 четвериков муравьиных яиц в год.³³ В деревнях Нурколово и Пелгола Дудергофской волости Царскосельского уезда в зимнее время изготавливали курительные трубки. Средняя семья здесь делала около двухсот трубок, которые продавали в столице.³⁴

Подводя итог обзору хозяйственных занятий ингерманландских финнов в конце XIX — начале XX в., следует подчеркнуть, что все рассмотренные виды деятельности были присущи не только финскому крестьянству, но и всему населению губернии. Экономика той или иной волости зависела в первую очередь от таких факторов, как близость к столице, наличие путей сообщения, торговых центров уездного масштаба, природных условий. Финны в большей степени отличались приверженностью к земледелию и непосредственно связанному с ним молочному промыслу. Слабое знание русского языка снижало их конкурентоспособность в отхожих промыслах и, наоборот, способствовало развитию в регионах с финским населением питомничества, различного рода лесных заготовок. Финские хозяйства медленнее втягивались в товарные отношения, так как развивались в том же направлении, что и крестьянские хозяйства Ингерманландии в целом.

¹ Золотарев Д. А. Этнический состав населения Северо-Западной области и Карельской СР // Труды КИПС. Л., 1927. Т. 12. С. 22-23.

² Материалы по статистике народного хозяйства в С.-Петербургской губернии (далее ИХ). Вып. 1-3, 5, 7. СПб., 1882-1887. Таблицы.

³ Там же. Вып. 1. СПб., 1882. С. 20-22.

- ⁴ Там же. Вып. 2. СПб., 1885. С. 13.
- ⁵ *Кащенко С. Г.* Реформа 19 февраля 1861 года в С.-Петербургской губернии. Л., 1990. С. 105.
- ⁶ МСНХ. Вып. 3. СПб., 1885. С. 121-122, 133-134, 221.
- ⁷ Там же. Вып. 1. С. 100; Вып. 7. СПб., 1887. С. 26.
- ⁸ Там же. Вып. 1. С. 82-86, 106.
- ⁹ Там же. Вып. 2.. СПб., 1887. С. 84; Вып. 5. 4.2. С. 184-185.
- ¹⁰ *Ходнее К. Н.* Травосеяние, улучшенные орудия и искусственные удобрения в крестьянском хозяйстве С.-Петербургской губернии по обследованию 1903 г. СПб., 1908. С. 113.
- ¹¹ МСНХ. Вып. 1. С. 94.
- ¹² Там же. Вып. 1. С. 159.
- ¹³ Там же. Вып. 5. Ч. 2. С. 192.
- ¹⁴ Там же. С. 239.
- ¹⁵ Там же. Вып. 2. С. 122, 126, 183-185.
- ¹⁶ Там же. Вып. 7. С. 200.
- ¹⁷ Россия. Полное географическое описание нашего отечества. СПб., 1900. Т. 3. Озерная область. С. 149.
- ¹⁸ *Архив МАЭ.* Ф. 19. Оп. 1. Д. 36.
- ¹⁹ МСНХ. Вып. 3; Вып. 7. Таблицы.
- ²⁰ *Россия.* С. 171-172; МСНХ. Вып. 5. 4.2. С. 262.
- ²¹ *Егоров В. А.* Работа Никуляского отряда // Бюллетень ЛОИКФУН. 1929. №2. С. 16.
- ²² МСНХ. Вып. 3. С. 232; Вып. 7. С. 266.
- ²³ Там же. Вып. 5. Ч. 2. С. 258; Вып. 7. С. 263.
- ²⁴ *Россия.* С. 170; МСНХ. Вып. 1. С. 167.
- ²⁵ МСНХ. Вып. 2. С. 165.
- ²⁶ Там же. Вып. 5. Ч. 2. С. 268.
- ²⁷ Там же. Вып. 7. С. 233.
- ²⁸ Там же. Вып. 5. Ч. 2. С. 295, 297.
- ²⁹ *Юхнева Н.В.* Этнический состав и этносоциальная структура Петербурга. Л., 1984. С. 26.
- ³⁰ МСНХ. Вып. 7. С. 250.
- ³¹ Там же. Вып. 5. Ч. 2. С. 287.
- ³² Там же. С. 287.
- ³³ Там же. С. 303-304.
- ³⁴ Там же. Вып. 7. С. 242.

Л. А. Скрыбина

О МЕЖГРУППОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ СТАРОЖИЛОВ И ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ПРИТОМЬЯ в конце XIX — начале XX в.

Объект нашего исследования составляет русское население бассейна р. Томи, правого притока Оби. Административные границы Притомья на протяжении XVII—начала XX в. претерпели ряд изменений. С 1804 по 1925 г. эта территория входила в состав Томской губернии. В настоящее время в регион

© Л.А.Скрыбина, 2004

входят Томский район Томской области, Яшкинский, Юргинский, Кемеровский, Топкинский, Крапивинский, Новокузнецкий, частично Беловский и Прокопьевский районы Кемеровской области.

Особенность исторического формирования русского населения Притомья обусловлена прежде всего тем, что начальное заселение этого региона происходило на первом этапе колонизации Сибири (XV1-XVШ вв.), а в течение почти всего XIX столетия колонизационные потоки обходили Притомье стороной, направляясь либо южнее —на Алтай, либо севернее —в район Томско-Красноярского участка Московско-Сибирского тракта. Новый незначительный поток переселенцев из европейских губерний наблюдался в 80-90-х годах XIX в. Среди переселенцев этого периода преобладали выходцы из Вятской и Пермской губерний.¹

Таким образом, основной массив русского населения края долгое время составляли потомки первых засельщиков. Как и повсеместно в Западной Сибири, среди первопоселенцев Притомья преобладали выходцы из северных губерний России, что обусловило преобладание здесь севернорусских культурных компонентов, безусловно, несколько трансформированных под влиянием местных природных и социально-экономических условий.

Массовые переселения в Притомье приходятся на время столыпинской реформы и последующие годы. Мигранты этой волны состояли в основном из крестьян Курской, Орловской, Тамбовской, Могилевской, Гомельской и Харьковской губерний.²

Вследствие переселений конца XIX — начала XX столетия в Притомье складывается новый контингент русского населения, так называемого «переселенческого типа», отличающийся разнообразием этнорегиональных традиций.

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы свидетельствуют о том, что взаимная культурная адаптация «местной» и «пришлой» групп одного этноса происходила неравномерно в разных местностях и во многом зависела от численного соотношения вступающих в контакт представителей этих групп, от влияния психологических установок, предпочтений и мотиваций, складывающихся в конкретной социально-экономической обстановке.

Характер взаимоотношений между старожилами и переселенцами зависел от того, насколько вновь прибывшие «теснили» сибиряков в земельном плане. Пожалуй, можно выделить два периода в развитии межгрупповых отношений среди русского населения Притомья в конце XIX —начале XX в.

Первый период охватывает 80-90-е годы XIX в. — первые годы XX в. Как уже отмечалось, количество переселенцев, прибывших в эти годы, было незначительным. Они предпочитали селиться в малодворных старожильческих деревнях, в которых было еще достаточно много свободных земель. Сибирские жители принимали новоселов с большой охотой, при этом не требовали от них высокой «приговорной платы», нередко не только сдавали в аренду, но и дарили им скот и инвентарь, селили до обустройства в своих домах.³ Выгода такого

приема для старожилов заключалась в том, что в деревне появлялась дешевая рабочая сила, а в малодворных поселениях прием новых членов облегчал бремя натуральных повинностей. Переселенцев этого периода А. А. Кауфман называл «переселенцы-староселы» и отмечал, что уже через несколько лет они «стремились видоизмениться в коренных сибиряков и ничем не отличаться от последних».⁴

Второй период приходится на время проведения столыпинской реформы и последующие годы. С 1906 г. на территории Притомья действовало два переселенческих подрайона—Томский и Кузнецкий, в которых происходили нарезка, а затем и заселение переселенческих участков. В 1912 г. на пустошах и отрезанных от старожильских владений землях в Томском подрайоне было уже 215 переселенческих участков, 93 хутора, 30534 наделов. Хотя большинство переселенцев селилось на отведенных землях, достаточно Много осело их и в старожильческих селениях.

В этот период наблюдается следующая картина: опасаясь дальнейшего земельного стеснения, старожилы принялись завышать приемную плату или вообще отказывать в приселении; чаще стало проявляться недружелюбное отношение к новопоселенцам, что, в свою очередь, настраивало их против сибиряков.

Таким образом, именно в данный период межгрупповые отношения становятся значимым фактором в жизни притомских деревень. Взаимоотношения строились по линии «мы — они». Безусловно, такое противопоставление не всегда подразумевало ярко выраженный конфликт. Оно проявлялось и в повседневной жизни, прежде всего на вербальном уровне, т. е. в закреплении особых самоназваний и названий другой группы. В Притомье, как и во многих регионах Сибири, за старожилами закрепляется название «чалдон».* Сами старожилы утверждают, что «чалдон значит коренной сибиряк». Повсеместно бытует легенда о том, что предки чалдонов пришли в Сибирь в давние времена с рек Чала и Дона.⁵ По-видимому, этим самоназванием старожилы по праву «первых», «исконных», «коренных» противопоставляли себя переселенцам. Для переселенцев слово «чалдон» действительно стало синонимом понятий «сибиряк», «местный». Однако среди них бытовало мнение, согласно которому чалдоны — потомки каторжников и ссыльных.⁶

Сибиряки считали себя истинно русскими, но не отождествляли этот этноним с переселенцами из европейских губерний, называя их *россейские*, *россея* или, независимо от национального состава, *хохлы*. В отношении переселенцев старожилы использовали и социальный термин «лапотники». Это название носило явно пренебрежительный, насмешливый характер. «Россея в лаптях ходила, так и звали их лапотниками, больно уж чудно было».⁷

Что касается самих переселенцев, то если в отношениях с сибиряками они

* «Чалдон» — от монг. «шолдон» (презираемый, негодный человек). В словаре В. И. Даля толкуется как каторжник.

причисляли себя, не без гордости, к росейским, т. е. пришедшим из России, то в своей среде, там, где селились землячествами, именовались исключительно по местам выхода: *туляки, куряне, вятские* и др.⁸

Противопоставление «мы — они» выразилось и в том, что переселенцы в старожильческих деревнях предпочитали селиться отдельно от чалдонов. В результате в начале XX столетия в старых селениях стали появляться *концы и края* с типичными названиями: *чалдонский, росейский, лапотный, хохлацкий, саратовский, казанский* и пр.⁹

Как известно, любые межгрупповые отношения всегда отличаются яркой эмоциональной окрашенностью. Чаще всего они проявляются в установлении различий между собственной группой и другими, причем в определенных условиях эти различия могут искусственно подчеркиваться и преувеличиваться, характерным является установление позитивно оцениваемых различий в пользу собственной группы. Так, повсеместно в среде старожилов и переселенцев Притомья складывались в целом сходные оценочные критерии и определения в отношении друг друга. Для переселенцев самым главным критерием было отношение к земледельческому труду и умение работать на пашне. Они считали сибиряков плохими земледельцами, лентяями и неумехами, называли их *желторотыми*, имея в виду, что им нужно еще многому учиться.¹⁰ Действительно, для российских крестьян, привыкших к тяжелому земледельческому ТРУДУ на родине в условиях малоземелья и неплодородных почв, порядки сибиряков казались неправильными и достойными осуждения и насмешек. «Чалдоны ведь встают, когда солнце встало, затем поедят, а потом помаленьку заложат лошадь и поедут на пашню, сделают полосу — время пить чай, а потом и обед...».¹¹ Для сибиряков, известных своей чистоплотностью, основным критерием в оценке переселенцев стала их неряшливость в быту. Типичными были такие определения в адрес переселенцев, как *хохлы-чернопятые, рассея-засеря, неряхи-неумывахи*.¹²

Подобные ценностные ориентиры и их вербальное выражение, по-видимому, были характерны для старожилов и переселенцев всей Сибири, и не только в конце XIX в. Сибирский чиновник, скрывавшийся под псевдонимом Грыцко, в 1858 г. писал о своей встрече с 60-летним стариком в переселенческой деревне близ Омска, который на замечание о грязных избах переселенцев ответил: «... оно точно, сибиряки опрятно живут, только эти опрятные-то, то и дело к нам, грязным, за хлебушком ходят, а живут здесь с покон веку, не то что мы. Опрятность, она богатству или достатку не помеха, конечно, да нам-то, батюшка, не след стать переиначиваться, отцы наши поумнее нас были, да также в грязи жили, да и мы своим житьем довольны».¹³

Характерно, что наряду с взаимными насмешками, одних — по поводу неумения трудиться, а других — в связи с нечистоплотностью, старожилы в основном положительно отзывались о трудолюбии «росейских», а переселенцы — о чистоплотности и опрятности чалдонов.¹⁴

В тех селениях, где по разным причинам возникали конфликты, прераставшие в драки, судебные разбирательства и т. п., во взаимных оценках друг друга зачастую присутствовали и другие характеристики. Например, до сих пор в деревне Иткара, где в 1914-1915 гг. имели место даже взаимные поджоги, старые жители из среды преселенцев называют чалдонов «ворами и обманщиками», а старожилы утверждают, что «все росейские — попрошайки».¹⁵

Взаимоотношения, складывающиеся в процессе взаимодействия двух групп одного этноса (местной и пришлой), на примере такой небольшой территории, как Притомье, представляются нам типичными и для других локальных социумов. Преобладание оценочных критериев и установка «свой — чужой» способствовали достаточно длительному периоду сохранения характерного для каждой группы менталитета, известной разобщенности и несмешивания друг с другом посредством браков.

¹ Ваганов Н. А. Хозяйственно-статистическое описание крестьянских волостей Алтайского округа. СПб., 1886. Новокузнецкий краеведческий музей. Ф.2. Оп. 1. Д. 33. Л. 50.

² Государственный архив Томской области. Ф.239. Оп. 1. Д. 119.

³ Кауфман А. А. Переселения и колонизация. СПб., 1905. С. 205; Голубев П. Сибирская жизнь и положение переселенцев на Алтае // Юридический вестник. 1892. №5-6. С. 315; Архив музея-заповедника Томская писаница (далее — АМЗТП). Ф. 3. Оп. 1. Д. 11. Л. 77; Д. 43. Л. 64-65, 95.

⁴ Кауфман А. А. К вопросу о крестьянских переселениях в Сибирь // Путь-дорога. СПб., 1893. С. 315.

⁵ АМЗТП. Ф.3. Оп. 1. Д. И. Л. 7; Д. 82. Л.33об.

⁶ Там же. Д. 82. Л. 40.

⁷ Там же. Д. 43. Л. 92; Д. 44. Л. 54; Д. 82. Л. 30 об.

⁸ Там же. Д. 44. Л. 28; Д. 82. Л. 2, 26 об.

⁹ Там же. Д. 44. Л. -5; Д. 82. Л. 63.

¹⁰ Швецов С. П. Сибирь: кто в ней живет. СПб., 1909. С. 32; АМЗТП. Ф.3. Оп. 1. Д. 43. Л. 74; Д. 44. Л. 66.

¹¹ АМЗТП. Ф.3. Оп. 1. Д. 44. Л.66об.

¹² Там же. Д. 43. Л. 78; Д. 44. Л. 64; Д. 82. Л. 72.

¹³ Грыцко. О Сибири // Современник. 1852. Т. 72. № 12. С. 187.

¹⁴ АМЗТП. Ф.3. Оп. 1. Д. 43. Л. 85; Д. 82. Л. 30 об; Томилова Н. А. Влияние переселений на развитие производительных сил Алтайского округа во второй половине XIX в. // Из истории Сибири. Томск, 1972. С. 298.

¹⁵ АМЗТП. Ф. 3. Оп. 1. Д. 11. Л. 87; Д. 43. Л. 74.

ИНТЕГРАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ОЛЕНЕВОДЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Исследование этнической культуры — комплексная проблема соотношения общего и этноспецифического, «национального и интернационального». Характерно, что даже если мы говорим об урбанистической (городской) культуре, то всегда имеем в виду относительную универсальность этой категории и в целом абстрактный ее характер, поскольку это то самое «общее», которое в его оценке обязательно должно быть соотнесено с «частным», в сфере культуры соответствующим этноспецифичному.¹

Процесс «интернализации» — это не просто сложение некоего современного культурного стандарта. В отношении культуры конкретного этноса он шел всегда. Поскольку абсолютно изолированные общества представляют скорее исключение, то даже два народа, контактирующие только друг с другом, принимают участие в этом процессе. Существенна в общем подходе к этой проблематике установка на иерархичность уровней системы взаимодействия культур, отражающей различные возможности их интернализации. В основании данной системы располагаются локальные подразделения этноса, которые «интернационализируются» на уровне этнической общности, так как облик ее культуры в целом обычно предстает перед нами как набор варьирующих в пределах территории расселения этноса культурных элементов. В свою очередь, этническая общность — в последовательностях «интернационализации» выходит на зональный, региональный, континентальный и общечеловеческий уровни. Поэтому процесс интернационализации представляет собой не столько исчезновение этнической специфики и этнической функции культуры, сколько конкретную форму ее выражения и существования. Любая этническая культура во взаимодействии с другой, в том числе и межэтнической, в различной степени адаптирует ее к своим специфическим нуждам.²

Соотношение общего и частного — кардинальный вопрос методики анализа культуры этноса, исследования ее формирования. Так, Г. Е. Марков выделил три группы культурных признаков этнической общности: специфические только для данной культуры (язык, мифология, украшения, отдельные элементы пищи и т. п.); ассимилированные культурные заимствования, переосмысленные в духе культурной традиции (типы одежды, жилище, религиозные верования); явления, характерные для многих этнических культур, которые определяются принадлежностью к сходным хозяйственно-культурным типам. Данная схема дифференцирует этническое — «интернациональное» в структурном плане.

Генетический аспект соотношения этнического и межатнического выражают: древнейший пласт культуры, элементы которого и составляют суть конкретной традиции; более поздний культурный комплекс, включающий как традиционные явления, так и ассимилированные культурные заимствования; современные для каждого конкретного исторического периода интерэтнические культурные явления.³ Такой подход достаточно универсален в исследовании генезиса этнических культур, он позволяет выявить в них те компоненты, которые вошли в их состав в различные исторические периоды.⁴

Положения этой схемы, особенно в генетическом плане, не универсальны прежде всего в связи с основной тенденцией развития этнических культур. Именно древнейший пласт, в этногенетике он чаще обозначается понятием «субстрат», — явление скорее надэтническое, которое уже впоследствии может стать основанием той самой специализации в форме этноспецифического, с последующей интернационализацией, как следствие взаимодействия этнических культур в пределах различных территорий— от локальных подразделений этноса до континентов.⁵ То же самое можно сказать и в отношении примеров первой части схемы, где мифология и компоненты пищи рассматриваются как признаки абсолютной специфики. В этом случае следует иметь в виду, что мифология, по крайней мере в «ранней» ее части, скорее субстратна, поскольку, будучи основой объяснения мироздания в границах традиционного мировоззрения, она опосредованна и системна,⁶ а пища в виде производного компонента модели питания связана с хозяйственно-культурным типом и в связи с этим лишается большей части этнической нагрузки.⁷

Вот почему, на наш взгляд, более эффективным подходом в фиксации общего (субстратного и межатнического) и частного (этнического) в культуре народа является компонентный анализ культуры этноса, когда основной акцент делается «на систему сложных и многообразных связей, в которых функционируют и взаимообуславливаются все компоненты этноса».⁸ Опираясь на одно из главных положений системного подхода («система начинается там, где некое множество элементов оказывается так или иначе упорядоченным, образуя определенное целое, свойства которого не сводятся к свойствам составляющих его элементов»⁹), и была создана схема компонентного состава традиционно-бытовой культуры. В ней принято выделять четыре основные сферы: культуру первичного производства (включает систему средств освоения и переработки соответствующих компонентов природы), культуру жизнеобеспечения (включает компоненты, направленные на социально организованное удовлетворение жизненных потребностей людей), соционормативную культуру (включает средства детерминации и регуляции человеческого поведения) и гуманитарную культуру (включает личностно-ориентированные компоненты образовательного, научного, фольклорного и профессионально-художественного характера). Познавание каждой из них предполагает вычленение доминантных комплексов и связей как внутри данной сферы, так и с компонентами других сфер.¹⁰

Как отметил А. В. Головнев, данная модель при всей ее стройности не является жесткой. Она одинаково удобна и как исследовательская процедура, и как способ адекватного восприятия исследователем «чужой» культуры в полевых условиях.¹¹ В рамках данной схемы познание каждой из выделенных культур предполагает установление доминантных компонентов и связей как внутри нее, так и с компонентами других сфер.¹² Она позволяет судить о принципиальных свойствах универсальности одних компонентов культуры народа и повышенных этнических функциях других.

Так, С. А. Арутюнов отмечает, что в культуре первичного производства преобладают этнически мало специфические элементы, они шире представлены в культуре жизнеобеспечения; в гуманитарной культуре представлен скорее базис общего (рациональные знания и в конечном счете наука) и специфического; традиции духовной культуры фольклорные ее формы, религия). Абсолютно преобладание элементов этнической специфики наблюдается в соционормативной культуре, где сосредоточены ценностные ориентации, генерирующие механизмы целостного функционирования культуры этноса.¹³

Наряду с «установкой» на этничность очевидно, что каждый компонент культуры имеет внутренние резервы и нормы восприятия и адаптации иноэтнического, и особенно это справедливо по отношению к тем народам, в чьих культурах аккумулирован весьма длительный экологический опыт, где можно зафиксировать своеобразные приоритеты восприятия, ведущего к локальной интернационализации культур различных по происхождению народов.

Чтобы проиллюстрировать эти положения, рассмотрим примеры интернационализации культуры народов севера Западной Сибири в сфере оленеводства — компоненте, входящем в культуру первичного производства и, по мнению А. Арутюнова, имеющему незначительную этническую нагрузку.

Общая хозяйственно-культурная типология в пределах территории Западной Сибири фиксирует два хозяйственно-культурных типа, которые связаны с оленеводством. Это оленеводство тундры — «ненцы и их соседи»,¹⁴ — как господствующая форма тундровой экономики¹⁵ и полукочевое упряжное оленеводство таежной зоны Западной Сибири,¹⁶ или «таежная оленеводческая система», которая, как полагает В. А. Шнирельман, не является вариантом скотоводческой экономики, а представляет собой своеобразное средство интенсификации некоторых форм хозяйственной деятельности, а именно охоты.¹⁷

Эти общекультурные оценки нивелируют региональные особенности культуры, что применительно к территории Западной Сибири стимулировало создание частных хозяйственно-культурных схем. Так, в исследовании экономики оленеводов Западной Сибири А. В. Головнев выделяет ряд хозяйственных комплексов как совокупности занятий (отраслей), обеспечивающих круглогодичный деятельности цикл на определенном жизненном пространстве.¹⁸ На начало XX в. таких комплексов было выделено девять, и ряд из них был связан с оленеводством. Во-первых, это тундровый промыслово-оленьеводческий ком-

плекс ненецко-энецкого населения тундровой и лесотундровой полосы с транспортной ориентацией оленеводства. Во-вторых, таежно-самодийский промыслово-олeneводческий комплекс (ляпинская, сыневская, войкарская, куноватская и казымская «самоядь»), ненцы Пура и верховьев Надыма, тазовские энцы — с транспортным оленеводством. В-третьих, обособленный от предыдущего предуральский комплекс, сложившийся в XVII столетии в связи с распространением в Сосьвинском Приобье угорских традиций и форм отгонного оленеводства транспортной и пищевой ориентации.¹⁹ Наиболее значимым фактором, определившим динамику развития и распространения данных хозяйственных комплексов, для территории тундры было развитие крупностадного оленеводства, а для таежных комплексов (ханты, манси, селькупы) — усиление распространения оленеводческих традиций. Существенной представляется оценка того, что крупностадное оленеводство и товаризация промыслов оказали нивелирующее

9 П

воздействие на туземное хозяйство.

С учетом последнего положения становится очевидным значение процесса формирования крупностадного оленеводства как интегрирующего, аккультурирующего фактора в этнокультурной истории народов Северо-Западной Сибири в XIX столетии.

На наш взгляд, к настоящему времени достаточно аргументированно выглядит положение о том, что крупностадное оленеводство формируется в течение XVIII — начале XIX столетия именно в среде тундровых ненцев. У остальных народов оно появляется позднее: у нганасан в конце XIX в., у энцев в конце XVIII — XIX в., у селькупов во второй половине XIX в., у хантов в XVIII в.²¹

А.В.Головнев проанализировал существующие точки зрения на время и динамику становления крупностадного оленеводства на севере Западной Сибири.²² В отличие от традиционной точки зрения на природно-климатический фактор как основу эволюции ненецкого хозяйства в XIX в.²³ он полагает более существенными собственно культурно-исторические, хозяйственно- и социально-экономические причины. Их следствием явилось перераспределение населения на севере Западной Сибири, что привело к постепенному перепромыслу дикого оленя, основного средства существования разных народов данной территории. Усиление роли домашнего оленя как транспортного животного в сфере пушного промысла, торговли и территориальной экспансии тундровых ненцев на восток стимулировало рост поголовья домашних оленей.²⁴ Очевидно, что этот процесс имел более широкий характер и затронул этнические группы, территориально контактировавшие с тундровыми ненцами.

А. В. Головневым сформулировано положение о возникновении оленеводства на севере Западной Сибири, которое развивает и конкретизирует гипотезу о типологическом соответствии навыков обращения с оленем в культуре охотников на дикого оленя.²⁵ Его истоки связываются с североуральскими охотниками, в среде которых и формируются основы ненецкого оленеводства, изначально стационарного, представляющего собой содержание небольшого поголо-

вья промыслово-транспортных животных посредством стационарных сооружений—загонов, сараев («изб»), а также деревянных пут, привязей. Это первый этап становления оленеводства на севере Западной Сибири, который приходится на I—начало II тыс. н.э. В последующее время история западносибирского оленеводства связана с постепенным видоизменением способов содержания оленей и их хозяйственной функции. В середине II тыс. н.э. (второй этап) оно развивается как горно-таежное и тундровое отгонное, а в ХУН-ХУШ вв. (третий этап) происходит сложение основ крупностадного оленеводства, но в этот период в основном количественно, поскольку в сфере хозяйства оно демонстрирует транспортно-торговую ориентацию. Только в XIX-XX вв. (четвертый этап) крупностадное оленеводство пище-сырьевого направления становится доминирующей отраслью тундрового ненецкого хозяйства.²⁶

В связи с этим таежное оленеводство, предшествующее крупностадному, следует рассматривать как культурный элемент субстратного плана, восходящий к промысловому хозяйству народов Западной Сибири. Представления о его генезисе можно свести к трем основным точкам зрения:

— по хозяйственному значению и атрибутике таежное оленеводство связано с южными самодийцами, что не исключает возможности вхождения в него в виде составляющей культуры оленя-маньщика как явления, типологически соответствующего хозяйству досамодийского населения севера Западной Сибири (С. И. Вайнштейн, отчасти В. И. Васильев, В. А. Козьмин, Е. Д. Прокофьева, Ю. Б. Симченко, Л. В. Хомич);²⁷

— основы формирования таежного оленеводства были заложены североуральскими охотниками (самодийцами?) в виде промыслово-транспортного стационарного оленеводства, «которое в течение первой половины II тыс. н. э. в модифицированной форме распространилось среди населения Средней Сибири и сохранилось до наших дней в облике "избленного" оленеводства хантов Средней Оби» (А. В. Головнев).²⁸ Следы его последующей эволюции в ХУ-ХУI вв. в отгонное оленеводство определили особенности оленеводческой традиции северных манси (А. В. Головнев, В. А. Козьмин, Е. Г. Федорова);²⁹

— таежное оленеводство некоторых народов Западной Сибири, в частности хантов, с самодийским генетически не связано и имеет самостоятельную как хозяйственную, так и атрибутивную основу (Н. В. Лукина).³⁰

Данные мнения, существенные для установления этнокультурных основ и взаимодействия народов Западной Сибири в сфере оленеводства, не меняют общей оценки исторических тенденций в развитии экономики и экологической обусловленности распространения двух форм оленеводства данного региона, где таежное транспортное оленеводство, базирующееся на промысловом хозяйстве, более традиционно для таежного населения Западной Сибири.

Отмеченная выше тенденция проникновения крупностадного оленеводства из тундр Западной Сибири в северотаежные районы усилилась в период социально-экономического переустройства хозяйства народов Сибири в 30-е годы

XX в. В районах расселения обских угров, таежных групп северных самодийцев сложились крупные хозяйства, организация оленеводства в которых ведется в традициях и формах, характерных для тундровой традиции.

Таким образом, после коллективизации крупностадное оленеводство получило распространение практически у всех народов таежного региона Западной Сибири. При всей искусственности данного процесса следует отметить и его историческую обусловленность в тенденциях распространения тундровых оленеводческих традиций на юг. К настоящему времени можно говорить о том, что в таежной зоне Западной Сибири сложилось оленеводство, не отличающееся от тундрового по своим экономическим основам (товарное, пише-сырьевого направления), структуре стада (дифференциация поголовья на репродуктивную и транспортную части), организации выпаса (стадная, с меридиональными перекочевками по площадям сезонных пастбищ) и атрибутике ненецкого оленеводства (пастушеская собака, тундровый вариант самодийского оленьего транспорта).

У тундровых групп таежных народов, непосредственно контактирующих с тундровыми ненцами (части северных селькупов, из обских угров частично у обдорских хантов и сосьвинско-ляпинских манси), полная переориентация в сферу крупностадного оленеводства характерна для весьма незначительного числа хозяйств, что отразилось практически во всех компонентах их культуры.

В культуре первичного производства это крупностадные оленеводы, материальная культура которых практически полностью переориентирована в связи с потребностями и возможностями кочевого образа жизни, соционормативная культура демонстрирует разрыв территориальных связей со своими народами и вхождение в территориальные, производственные и прочего вида объединения с тундровыми ненцами, в гуманитарной культуре наблюдаются доминирование оленя в качестве универсальной жертвы, распространение общей традиции делать изображения умерших типа нытармы,³¹ наземных погребальных сооружений.

У более южных групп обских угров, селькупов и кетов произошла частичная адаптация оленеводческой традиции, чаще в одной ее функции — транспортной, в вариантах, соответствующих особенностям культуры конкретного народа. Это относится к способам содержания оленей, которые определяются либо экологическими возможностями района расселения, либо соответствием оленеводства потребностям промыслового хозяйства, а также к способам его транспортного использования: только зимняя нартенная езда, сокращение количества функциональных типов нарт и «доработка» их до таежного варианта в соответствии с предшествующей традицией в собаководстве или пешей охоте (высота нарты, «баран»), ограничение количества оленей в упряжке и т. п.

Оленеводство — не просто хозяйство, но и определенный стандарт культуры, имеющий ряд функциональных составляющих. Вместе с ним у таежного населения Западной Сибири получила распространение оленеводческая одежда

типа малицы, которая использовалась прежде всего в качестве дорожной при езде на нарте. В Западной Сибири это прежде всего мужская одежда, но именно в качестве таковой она известна у коми,³² а у русских севера Европейской части России она использовалась и как женская.³³

Сходную ситуацию можно наблюдать далеко на востоке. Так, В. Г. Богораз отмечал, что «даже северный ламут, который обычно носит узкую верхнюю одежду и передник особого покроя, надевает чукотскую меховую кухлянку, когда отправляется в путь на оленьих санях».³⁴ Панда ненецкой малицы представляет собой конструктивный элемент одежды, утяжеляющий нижний ее край и препятствующий проникновению холодного воздуха внутрь малицы при сидении на нарте.

Весьма необычно, но заслуживает внимания сомнение Е. Г. Федоровой в «существовании собственно обскоугорского чума». Она полагает более вероятным, что чум был заимствован уграми от самодийцев.³⁵

Транспортная ориентация оленеводства народов тайги Западной Сибири фиксируется и в обычае использовать оленей в качестве жертвы в погребальном обряде, причем это именно транспортные животные, которые согласно мировоззренческой традиции предназначены для езды в загробном мире.

Если дополнить эту картину заимствованием таежным населением северо-самодийской лексики, связанной в основном с данным кругом культурных явлений, то этим собственно и ограничивается вторая разновидность процессов интернационализации региональных культур перечисленных народов.

Вновь обращаясь к теоретическим моделям взаимодействия культур, предложенным С.А.Арутюновым, можно отметить, что две из них вполне соответствуют приведенным фактам. В первом случае мы имеем дело с «усложнением (наращением)», в результате которого произошла коренная перестройка практически всех компонентов этнической культуры реципиента в рамках более эффективного оленеводческого хозяйства. Во втором — это «прибавление», причем процесс аккультурации охватил только транспортную составляющую и ряд функционально связанных с ней элементов культуры.³⁶

Поэтому в общей оценке системы межэтнического взаимодействия в сфере оленеводства в Западной Сибири более существен не столько хозяйственно-культурный аспект (изменение хозяйственно-культурного типа), сколько историко-культурный — вхождение в первом случае в Ямало-Таймырскую, а во втором — в Западно-Сибирскую историко-этнографическую область. Такое заключение позволяет обратить внимание на некоторую условность использования для таежного населения Западной Сибири хозяйственно-культурного определителя «охотники-рыболовы-олeneводы таежной зоны». К тому же это не аксиома — включать в обозначение хозяйственно-культурного типа его транспортную составляющую. Тогда придется говорить о «байдарных морских зверобоях» и «верховых кочевых скотоводах степей полупустынь».

На примере западносибирского оленеводства межэтническое взаимодей-

ствие в сфере региональной интеграции культур демонстрирует, что в данном процессе активной стороной выступает реципиент, а адаптации подвержены те составляющие воспринимаемой культуры, которые соответствуют потребностям его культуры. В первом случае наблюдается переход к более эффективной экономике, но при этом с утратой ряда этноспецифических параметров собственной культуры. Во втором — интенсификация промыслового хозяйства за счет оленьего транспорта, с усвоением небольшого количества элементов оленеводческой традиции, с возможностью либо даже обязательностью их частичной трансформации в соответствии со стандартами своей культуры, что существенно не изменило облик таежных культур.

Данные выводы в целом соответствуют и таким общим положениям, как доминантность культуры первичного производства, которая определяет взаимодействие и взаимообусловленность различных сфер этнической культуры, а также качественное своеобразие всех ее составляющих под влиянием экологических и социокультурных факторов.³¹

¹ Арутюнов С. А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М., 1989. С. 145-146.

² Там же. С. 148-154.

³ Марков Г. Е. Функции этнической культуры в системе образа жизни и жизненных укладов // Методологические проблемы исследования этнических культур. Ереван, 1978. С. 17.

⁴ См., напр.: Пелих Г. И. Происхождение селькупов. Томск, 1972; Лукина Н. В. Формирование материальной культуры хантов. (Восточные ханты). Томск, 1985; Федорова Е. Г. Историко-этнографические очерки материальной культуры манси. СПб., 1994;

⁵ См., напр.: Чернецов В. Н. К вопросу об этническом субстрате в циркумполярной культуре // VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М., 1964; Алексеев В. П. Антропологический комментарий к гипотезе циркумполярной культуры // Этногенез и этническая история народов Севера. М., 1975. С. 249-262.

⁶ Сагалаев А. М. Урало-алтайская мифология: символ и архетип. Новосибирск, 1991. С. 15-35.

⁷ Жуковская Н. А. Пища кочевников Центральной Азии. (К вопросу об экономических основах формирования модели питания) // Советская этнография (далее — СЭ). 1979. № 5. С. 65-75; Этнография питания народов Зарубежной Азии. М., 1981. С. 3-10.

⁸ Мкртумян Ю. И. Основные компоненты культуры этноса // Методологические проблемы исследования этнических культур. Ереван, 1978. С. 43.

⁹ Коган М. С. Системный подход и гуманитарное знание. Л., 1991. С. 19.

¹⁰ Мкртумян Ю. И. Основные компоненты культуры этноса. С. 44.

¹¹ Головнев А. В. Говорящие культуры: традиции угров и самодийцев. Екатеринбург, 1995. С. 18-19.

¹² Мкртумян Ю. И. Основные компоненты культуры этноса. С. 44.

¹³ Арутюнов С. А. Народы и культуры. С. 151.

¹⁴ Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области. (К постановке вопроса) // СЭ. 1955. № 4. С. 3-17.

¹⁵ Крупник И. И. Становление крупнотабунного оленеводства у тундровых ненцев // Там же. 1976. № 2. С. 57-69.

¹⁶ Васильев В. И. Система оленеводства лесных энцев и ее происхождение // Краткие сообщения Института этнографии. 1962. Вып. 37. С. 67-75.

¹⁷ Шнирельман В. А. Некоторые проблемы происхождения и распространения животных // СЭ. 1974. № 3. С. 41-51.

- ¹⁸ Головнев А. В. 1) Говорящие культуры. С.46; 2) Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. Новосибирск, 1993.
- ¹⁹ Головнев А. В. Говорящие культуры. С. 47-49.
- ²⁰ Там же. С. 48-50.
- ²¹ Крупник И. И. Арктическая этноэкология. Модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов Северной Евразии. М., 1989. С. 148.
- ²² Головнев А. В. К истории ненецкого оленеводства // Культурные и хозяйственные традиции народов Западной Сибири. Новосибирск, 1989. С. 94-108.
- ²³ Крупник И. И. Арктическая этноэкология; Хлобыстин Л. П., Грачева Г. И. Появление оленеводства в тундровой зоне Европы, Западной и Средней Сибири // Формы перехода от присваивающего хозяйства к производящему и особенности развития общественного строя. Л., 1974. С. 83-86.
- ²⁴ Головнев А. В. К истории... С. 104-105.
- ²⁵ Вайнштейн С. И. Историческая этнография тувинцев. Проблемы кочевого хозяйства. М., 1972. С. 124-125; Симченко Ю. Б. Культура охотников на оленей Северной Евразии. Этнографическая реконструкция. М., 1976. С. 100-101; Васильев В. И. Проблемы формирования северосамодийских народностей. М., 1979. С. 62-63.
- ²⁶ Головнев А. В. К истории... С. 97, 106.
- ²⁷ Вайнштейн С. И. Историческая этнография тувинцев. С. 124-125; Васильев В. И. Проблемы формирования. . . С. 61-64; Козьмин В. А. Оленеводство народов Западной Сибири в конце XIX — начале XX вв. (Проблема происхождения и типология): Канд. дис. Л., 1981. С. 198-199 (рукопись); Прокофьева Е. Д. Оленеводство тазовских селькупов // Материальная культура народов Сибири и Севера. Л., 1976. С. 152-155; Симченко Ю. Б. Культура. . . С. 100-101; Хомич Л. В. 1) Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев. Л., 1976. С. 74-82; 2) Ненцы. Очерки традиционной культуры. СПб., 1995. С. 284-291.
- ²⁸ Головнев А. В. К истории... С. 98.
- ²⁹ Головнев А. В. Историческая типология хозяйства... С. 87; Козьмин В. А. Типология оленеводства народов Западной Сибири // Историческая этнография. Л., 1985. С. 21; Федорова Е. Г. Об оленеводстве северных манси // Сибирские чтения: Тезисы докладов. СПб., 1992. С. 24-26.
- ³⁰ Лукина Н. В. 1) Материалы по оленеводству восточных хантов // СЭ. 1979. № 6. С. 110-121; 2) Некоторые вопросы происхождения оленеводства хантов // Этнография народов Сибири. Новосибирск, 1984. С. 10-17; 3) Формирование... С. 105-146.
- ³¹ Головнев А. В. О культе нытарма и сидрянг у ненцев // Мировоззрение народов Западной Сибири по археологическим и этнографическим данным. Томск, 1985. С. 46-48.
- ³² Жеребцов Л. Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М., 1982. С. 170.
- ³³ Ефименко П. С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. 4.1. Описание внешнего и внутреннего быта. М., 1877. С. 49, 52, 55, 57.
- ³⁴ Богораз В. Г. Материальная культура чукчей. М., 1991. С. 169.
- ³⁵ Федорова Е. Г. О возможных путях становления обско-угорского оленеводства // Европейский Север: взаимодействие культур в древности и средневековье. Сыктывкар, 1995. С. 197.
- ³⁶ Арутюнов С. А. Народы и культуры. С. 154.
- ³⁷ Мкртумян Ю. И. Основные компоненты культуры этноса. С. 44.

**К ВОПРОСУ О ХОЗЯЙСТВЕННО-КУЛЬТУРНОЙ
ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ХАКАСОВ
в XIX — начале XX в.**

В последние десятилетия объектом внимания многих исследователей стала разработанная в 1950-е гг. М.Г.Левиным и Н.Н.Чебоксаровым теория хозяйственно-культурных типов (ХКТ). За это время написано немало работ по характеристике ХКТ различных народов и регионов. Часть из них посвящена исследованию ХКТ народов Сибири и Дальнего Востока.¹

Изучение ХКТ народов Южной Сибири началось в 70-е годы XX в. и связано прежде всего с именами С. И. Вайнштейна и Н. А. Томилова.² До начала их исследований хозяйственно-культурная принадлежность народов этого региона определялась следующей характеристикой: «Основой хозяйства скотоводов степей и лесостепей являлось разведение... крупного рогатого скота, лошадей и овец (у алтайцев, хакасов, тувинцев, бурят, сибирских татар). Земледелие издавна существовало у всех этих народов... в качестве подсобной отрасли... Все эти народы занимались частично охотой и рыболовством».³

Более тщательное исследование хозяйства позволило выделить, в частности С. И. Вайнштейну, у тувинцев три ХКТ: 1) кочевые скотоводы горно-таежной зоны, 2) кочевые и 3) полукочевые охотники-скотоводы горной таежно-степной зоны. Для групп сибирских татар Н. А. Томилов выделил, помимо ХКТ кочевых и полукочевых скотоводов степей и лесостепей умеренной зоны в зоне лесостепи и южной окраины лесов, вторичный, или интегрированный, ХКТ с разными вариантами сочетания полуседлого или полукочевого скотоводства, мотыжного или плужного земледелия ранней стадии, охоты и рыболовства при часто ведущей роли последних занятий либо какого-то одного из них.

Работы С. И. Вайнштейна и Н. А. Томилова показали, что хозяйственно-культурная принадлежность южно-сибирских народов не столь однозначна, как представлялось прежде, и требует своего дальнейшего изучения. Попытаемся осветить эту проблему относительно хакасов.

То, что хозяйственно-культурные особенности взаимосвязаны с конкретной естественно-географической средой, не вызывает сомнения. Эта обусловленность нашла свое отражение и в хозяйственном укладе хакасов.

По своим природно-климатическим условиям и рельефу на территории Хакасии выделяются три зоны: *степная*, *лесостепная* и *горно-таежная*. Степная часть занимает 1/3 пространства Хакасии с абсолютными высотами до 500-600 м и характеризуется континентальным и засушливым климатом. Горно-таежная зона охватывает обширные горные массивы Саян и Кузнецкого Алатау, расположенные выше 800 м над уровнем моря. Для нее характерны холодный

климат и большая влажность. Промежуточная лесостепная зона находится в предгорьях Саян и Кузнецкого Алатау на высоте 600-800 м над уровнем моря. Она характеризуется умеренно-континентальным климатом.

Расселение хакасов по этим ландшафтным зонам было неравномерным. Большая часть хакасов населяла степи, меньше всего поселений приходилось на тайгу. В степях проживало абсолютное большинство качинцев и койбалов. Остальные племенные группы хакасов — сагайцы, бельтыры и кызыльцы — занимали все три ландшафтные зоны.

Разнообразие естественно-географических условий определило различные хозяйственные занятия населения — скотоводство, земледелие, охота, рыбная ловля. Степь предоставляла благоприятные условия для скотоводства. Мало-снежные зимы, к тому же при постоянно дующих ветрах, уносящих и без того неглубокий снег, позволяли скоту и зимой находиться на подножном корме. Лесостепь же вследствие большей влажности почв и меньшей их подверженности ветровой эрозии способствовала развитию земледелия. Обилие рек, а в северной части Хакасии, в местах расселения кызыльцев, и богатых рыбой озер привлекало к занятию рыболовством. Фауна обширных таежных пространств, окаймляющих степь, обусловила занятие охотой.

Основными объектами охоты хакасов были соболь, выдра, лисица, белка, колонок, рысь, росомаха, медведь, барсук. Реже добывали горностая, бурундука, хорька, ласку. Из копытных охотились на марала, лося, оленя, дикую козу и кабаргу. Местом охоты у кызыльцев, северных качинцев и части сагайцев был Кузнецкий Алатау, у сагайцев и бельтыр — Западные Саяны, у койбалов и южных качинцев — Восточные Саяны. У хакасов степных районов охота скольконибудь крупного значения в хозяйстве не имела. Приемы и способы охоты были общими для всех племенных групп, и общность эта распространялась также и на шорцев, северных алтайцев и северо-восточных тувинцев.⁴

Хакасы были пешими охотниками. Лошадь использовалась как транспортное средство для доставки продовольствия и снаряжения до охотничьих угодий. В зимнее время охотились на лыжах. Лыжи были с ременным креплением и подбивались камусом, чтобы при подъеме в гору они не скользили назад. На них развивали большую скорость и могли догнать бегущего по снегу марала. Продукты и добычу перевозили на ручных нартах (саях).

Универсальными орудиями охоты у хакасов считались самострелы (ая), которые устанавливались десятками, а иногда и сотнями на выдру, росомаху, рысь, кабаргу, на диких коз и других зверей. Ко второй половине XIX в. самострел стал вытесняться охотничьим огнестрельным ружьем. К тому же пользование им было запрещено официальными властями — как орудием, представлявшим опасность для скота и людей. Одним из основных видов охотничьего оружия до середины XIX столетия был лук со стрелами, применение которого в связи с использованием ружья также стало ограничиваться. В начале XIX в. хакасы охотились кремневыми ружьями, применявшимися до конца столетия,

а с середины XIX в. — пистонными. В начале XX столетия распространились дробовики и винтовки.

Охотились обычно артелями (аргьыс) в 3-5 человек. Жили все в одной постройке, называемой «одаг». Продукты питания, взятые в тайгу, расходовали сообща. Вся добыча членов артели согласно обычному праву распределялась поровну (тин, улес). Руководил артелью опытный охотник, называемый «одаг пазы». Промышляя из года в год на определенной территории, группа охотников постепенно закрепляла ее за собой на правах групповой собственности. Но в течение XIX в. в связи с освоением и заселением края, а также хищническим истреблением зверей границы родоплеменных охотничьих угодий стали нарушаться, и охотничьи артели выбирали место уже в зависимости от наличия зверя.

Первый промысел зверей начинался с сентября-октября. Осенью выезжали охотиться на конях с собаками и добывали главным образом белку, диких коз, кабаргу, маралов.

В это время у маралов шел гон, и на них охотились с помощью специального горна — «пыргы», представлявшего собой конусообразную трубу длиной около 50-60 см. При ее помощи издавали звук, похожий на крик самца, выманивая таким образом марала, готового вступить в драку с соперником. Для ловли диких коз, самых многочисленных из добываемых парнокопытных животных, на звериных тропах вырывали специальные ямы (куруп), устанавливали самострелы, на горных переходах устраивали засады (сах). В последнем случае несколько человек загонщиков шли в обход и своим шумом гнали коз в сторону охотников. Добыча делилась поровну. За сезон диких коз добывали десятками. Так, в 1896 г. в Аскизском и Кызымском ведомствах было отстреляно 500 коз, маралов же в 1897 г. — 70.⁵

На кабаргу, обитающую в горных скалах, в труднодоступных для человека местах, охотились при помощи специальной ловушки (тис). По гребням гор, где были переходы кабарги, делались длинные загороди протяженностью 100—150 м. В них оставляли узкие проходы, в которых ставились волосяные петли (хыл) или самострелы. Кабарга бежала вдоль загороди и, например, в первом случае, устремившись в проход, попадала головой в петлю. Ловили ее из-за дорогостоящей мускусной железы самцов — «хайыр». Мускус очень ценился китайцами, монголами и другими народами Центральной Азии как сильнейшее лекарство.

Наиболее распространенным промыслом было «белкование». Когда на белку охотились осенью (интенсивнее всего в сентябре), охотнику помогала лайка (пагырчан, адай). Она выслеживала белок, загоняла их на дерево и лаем сообщала хозяину о добыче. За сезон охотник добывал от 50 до 300 зверьков и при продажной цене 20-25 коп. мог заработать от 5 до 50 рублей.⁶

В конце ноября после выпадения глубокого снега охотники возвращались домой, а в конце декабря — начале января выходили на второй сезон, который

длился до конца апреля. Они отправлялись без коня и без собак, на лыжах и тянули за собой санки с провизией.

Одним из распространенных приемов охоты в это время была гоньба по насту. Ледяная корка, образовавшаяся на снегу вследствие ранних оттепелей и наступивших за ними заморозков, не давала зверю быстро бежать. По насту на лыжах охотники гнали марала, лося, а также диких коз. Догнав измученного зверя, убивали его дубинкой или ножом.

Зима, особенно декабрь и январь, считалась наиболее подходящим временем добычи медведя, в этот период он находился в глубокой спячке. Загородив выход, в берлогу запускали развистую палку или небольшое ветвистое дерево (сыгдаган) и «будили» зверя. Медведь тянул просунутое дерево на себя и появлялся у загороженного выхода берлоги, где его убивали выстрелом в голову. Добывали медведя также путем выкуривания. В 1896 г. в Аскизском ведомстве было добыто 100 медведей на сумму 1500 рублей.⁷

Основным объектом охоты зимой был соболь, за которым во второй половине XIX в. охотники продолжали ходить в самые отдаленные и глухие районы тайги. В осенний сезон, в октябре-ноябре, охотиться за соболем помогала собака, она загоняла зверя на дерево или камни и сторожила, пока не подходил охотник. Убежище соболя окружалось сетью (чш), длиной обычно в 70-80 м и высотой больше 1 м (до 1,8 м). Верхний край сети устанавливался на палочках, нижний придавливался к земле, засыпался снегом. На ночь к сети привязывали колокольчики. Установив сеть, соболя выкуривали дымом или подстерегали до тех пор, пока он не выйдет сам. Выбежав, он натывался на сеть и запутывался. Здесь его поражали стрелой или пулей или убивали тяжелой лыжной палкой, имеющей вид лопаты.

В январе-марте в низинах, по речкам, разбросав прикорм, на соболя настораживали самострелы, ставили ловушки, самоловы, волосяные петли, стреляли из ружья. Кроме того, на соболя ставили специальные плашки (тахпай). Приманкой служила тушка белки. Белка же вновь становилась приоритетной статьей охоты с марта, как только пригревало солнце, и до середины апреля. За сезон добывали в среднем 3-5 соболей. Добыча его неуклонно сокращалась. Так, в 1832 г. по Сагайскому ведомству было добыто 1200 соболей, а в 1885 — только 457.⁸ Применение с конца XIX в. железных капканов (хахпын) увеличило улов зверя, но ненадолго. В то же время на него постоянно росли цены. В 1896 г. было добыто 500 соболей на сумму 22 500 рублей, в 1911 г. — 162 на сумму 4860 рублей.⁹

Не менее ценным пушным зверем, чем соболь, считалась выдра. Ловили ее специальной сетью (пара) в виде длинного и узкого вентеря с широкой горловиной. Цена одной шкурки в конце XIX в. колебалась от 5 до 15 рублей. В 1897 г. добыча составила 70 выдр, в 1911 г. по всему Минусинскому округу — 20 выдр.¹⁰

Рысь и росомуху добывали на приманку самострелами. Остальных пушных

зверей (барсука, горностая, колонка, ласку и т.д.) добывали при помощи различных ловушек и приспособлений, например петель (тузах) и черканов (аргей). Сходным образом добывали степных мелких зверьков (сусликов, хорьков и др.). На тропинках зверей ставили петлю (чачыраас). Ее делали из белого конского волоса и привязывали за согнутый прут. Когда зверек попадался в петлю, то прут разгибался и подвешивал тушку.

На севере Хакасии у кызыльцев в богатом озерами краю большее значение, чем где-либо, имела также охота на водоплавающих птиц. Для ловли различных пород уток и гусей ставили на воде петли (тузах), натягивали над водой приспособление (пара), имевшее вид вязаного сачка, отверстие которого растянуто через всю ширину реки. Плывущие по течению птицы попадали в нее и запутывались.

Летом у водопоев, а чаще солонцов, устраивали охоту на маралов и лосей. Рядом на дереве сооружали лабаз (пахпа), на котором ночью караулили зверей. Иногда делали ловушку (хазаа). Для этого естественный солонец по кругу огораживали высоким частоколом. Входную дверь настораживали на чеку. Марал приходил на солонец, проникал через дверь вовнутрь, чека срабатывала и захлопывала дверь ловушки. Таким способом ловили маралов для срезания пантов, целебные свойства которых высоко ценились.

В июне при помощи «манка» (сымысхы) охотились на диких коз. Звук манка подражал голосу детеныша, и, услышав его, самка сама выбегала к охотнику.

Как было замечено выше, в степной части охота не имела важного значения. Но необходимо отметить существование здесь облавной формы охоты (аб), описанной еще в XVIII в. Г.Ф.Миллером.¹¹ Для этого собиралось 300-400 человек верхом на лошадях, в том числе женщины и дети, которые образовывали линию при расстоянии 100 саженей друг от друга. Затем оба крыла постепенно сближались, а поскольку вся линия всадников непрерывно двигалась вперед, то получался круг. Как только оба крыла смыкались, со всех сторон поднимался громкий крик, животные начинали сбегаться, а старшина охоты, избираемый всей охотящейся группой, с несколькими хорошими стрелками, находясь в середине круга, бил дичь. Затем всю добычу относили в одно место и делили поровну.

В степях охотились на красных и черно-бурых лисиц, волков, водившихся в большом количестве и причинявших немалый урон скотоводческому хозяйству. На них ставили капканы и травили их стрихнином. Лисицы стоили в конце XIX в.: красные по 3-4 рубля, а черно-бурые от 20 до 100 рублей. В 1896 г. было добыто 20 лисиц, а волков в 1897 г. по трем хакасским управам — 260.¹²

Что касается использования продуктов охоты, то в пищу шло мясо оленя, лося, марала, дикой козы, медведя, белки и зайца, птиц. Мясо замораживали и сушили, варили и жарили. Внутренностей у диких животных не брали, поскольку они не обладали такими вкусовыми качествами, какие имеет мясо домашних животных. Но у медведя брали подкожный жир и желчь, которые

использовали для лечения легочных и желудочных заболеваний. При удачной охоте устраивалось коллективное угощение. На этот обычай в 40-х годах XIX в. обратил внимание путешественник Н. С. Щукин: «Осенью кухня татар усиливается. Дает Бог козулю, сохатого, оленя или другую дичь — и все соседи до единого собираются в юрту счастливец, и добыча съедается в один присест. Обделить кого-либо считается тяжким грехом».¹³

Шкуры животных шли на продажу или использовались в домашнем хозяйстве, из них, например, шили одежду. Пушнина шла на уплату ясака, а в охотничьих хозяйствах она подчас была единственным средством для приобретения жизненно важных товаров.

В течение первой половины XIX в. увеличивались и добыча зверя, и соответственно его стоимость, но процесс этот шел неравномерно. Так, в 30-е годы XIX столетия стоимость зверя в Сагайской степной думе упала почти вдвое.¹⁴ Усиленная охота на пушного зверя сократила его численность, лук же и стрелы и примитивное кремневое ружье «клевака» не могли удовлетворить растущую потребность в пушнине. С 40-х годов, с переходом к новым способам добычи от примитивных ловушек к ружейной охоте, добыча зверя вновь возросла. Но то же развитие ружейной техники в 50-60-е годы вызвало новый кризис. Изменился и состав добычи. Резко снизился удельный вес соболя, истреблявшегося особенно интенсивно, вместе с тем увеличилось значение добычи белки, лисицы, рыси.

С развитием товарно-денежных отношений, ростом спроса и цен на пушнину, когда товарные цены на них значительно превышали ясачные, охотники все чаще начинали вносить ясак деньгами. Например, бельтыры и сагайцы прекратили внесение пушнины в ясак к 60-м годам XIX в.¹⁵

Со второй половины XIX столетия охота стала терять свое значение в хозяйстве хакасов. Добыча зверя росла лишь в Аскизском ведомстве, хотя стоимость его уже не дотягивала до уровня добычи конца 40-х годов. Там же в это время фиксируется увеличение числа охотников; в 1861 г. охотничьим промыслом здесь занимались 1750, а в 1885 г. — 1810 человек. В Кызыльском же ведомстве число охотников, как свидетельствуют источники, напротив, уменьшалось: в 1861 г. насчитывался 381 зверопромысловик, в 1890 — 446, в 1896 г. — около 200.¹⁶

В конце XIX — начале XX в. тенденция сокращения хозяйств, занимавшихся охотой, затронула и сагайцев. Уровень их по отношению ко всем хозяйствам сократился с 1890 по 1910 г. в Аскизском ведомстве с 38,2 до 26,5%, в Кызыльском ведомстве — с 29,4 до 18,5%.¹⁷ Уменьшение значения охоты объясняется истощением запасов ценных видов зверей, особенно соболя, и переходом хакасов в связи с этим к занятию земледелием.

Рыболовство не относилось к числу определяющих занятий хакасов. В степных районах ему не придавали большого значения, только у части кызыльцев, живущих по берегам рек и озер, оно имело в хозяйстве существенное значение.

В озерах и реках Хакасии водилось около 20 видов различных рыб. Среди них к денным породам относились ленок, хариус, нельма, таймень. Кроме них ловили щуку, окуня, ельца, налима, карася, пескаря и других рыб. По главному руслу Енисея, Абакана и Чулыма ловили редкие породы рыбы — осетра и стерлядь.

Наиболее интенсивными периодами занятия рыболовным промыслом были весна и осень. Одним из самых древних и самым распространенным видом рыболовческой снасти была верша (суген). Верши использовались большие и малые. Плели их из тальниковых прутьев. Малые (длиной в 1,5-2 м) ставились в небольших реках недалеко от берега. При этом обычно загораживали часть реки, оставляя проходы для верши, которая закреплялась с боков деревянными кольями, а сверху придавливалась камнем. Большая верша длиной в 3 м предназначалась для крупных рыб. К верше с обеих сторон приделывались так называемые крылья (ханат куу) из толстых прутьев длиной 4-5 м. Верша в воде укреплялась кольями, сверху придавливалась бревном, один конец которого находился на берегу. Заграждение (крылья) укреплялось частоколом. Рыба, плавающая вдоль загородки, попадала в вершу. Весной, когда рыба шла вверх на нерест, верши (чохтаг) ставились устьем вниз. Осенью, когда рыба спускалась вниз, верши (одыртлас) ставили отверстием вверх по течению. Рыбу ловили также путем перегораживания протоков рек, где от перегородки до устья протоки на определенных расстояниях друг от друга расставлялись верши.

Весной для крупной рыбы (тайменя и ленка) устанавливали специальное сооружение, называемое «пара». Река от одного берега к другому перегораживалась, в середине оставался проход, где устанавливалось устройство, имевшее вид корыта, сплетенного из прутьев. Длина пары составляла от 3 до 3,5 м, передняя часть была шире, сзади суживалась. С боков делались стенки, а верх оставался открытым. Укреплялась она на кольях.

Начиная с лета и до октября рыбу ловили посредством лучения (одарлап). Рыбаки выезжали ночью на лодке. На носу ее крепили железную подставку, где горел факел из бересты или смолья. Выплывшую на свет рыбу (налим, хариус) били острой (сасхыс), снабженной тремя или пятью зубцами, или стреляли из лука специальными стрелами с трезубцами (атхыс). Также летом ловили рыбу на «дорожку» (чутпа). К бечевке привязывали блестящий кусок свинца с укрепленным крючком и разноцветными тряпочками. Наживы не употреблялись. Чутпа привязывалась за корму медленно плывущей по озеру лодки. На нее ловилась только хищная рыба — щука, окунь, нельма, язь.

В летний сезон среди камыша ставили вентери (пецшр), куда попадали щука и окунь. В августе до листопада на перекатах занимались промыслом осетровых на самолов (кбспе).

Повсеместно была распространена ловля удочками (хармах). Крючки хакасы изготавливали сами или покупали. Леса (хыл) свивались из белого конского волоса. В качестве грузила привязывался кусок свинца. Кроме того, рыбу ло-

или волосяной петлей, а сагайцы, в частности, стреляли рыбу из лука деревянной стрелой с железным наконечником в виде лопатки. Подобным же способом жили рыбу шорцы.¹⁸ Этот прием проник к сагайцам, по-видимому, от бирюшцев, часть которых переселилась в 40-е годы XVIII в. из Горной Шории на территорию Хакасии¹⁹ и к началу XX столетия утратила свой этноним.²⁰

Ранней осенью на небольших ручьях кызыльцы рыбачили рукавами (хабаг), в форме напоминающими вентери. Выше установленного хабаг'а мутили воду пшуткой (пысхы). Рыба спускалась вниз и попадала в поставленные снасти, где шук ловили жерлицей (кулбе). Ее ставили на ночь, а наживкой служила рыба.

Весной и осенью ловили рыбу неводом (сбэлрбе). Улов распределялся поровну между всеми артельщиками по числу паев.²¹ Бирюсинцы во время листопада рыбачили небольшими неводами в омутах рек. Хозяин невода получал половину пай.

В озерах и реках с тихим течением ставили сеть (пуу). Плели ее из кендыря, нижняя часть сети, как и у невода, снабжалась грузилами, а верхняя — поплавками. Сеть имела в длину 40-60 м, в ширину 1,5-1,8 м. Сети были одинарные тройные. Тройная сеть состояла из одной мелкоячеистой сетки, вставленной между двумя крупноячеистыми.

Осенью, как только замерзала вода, ходили по тонкому льду глушить налов. Увидев рыбу, с силой били колотушкой (сохпар) по льду. Затем лед «зламывали и вытаскивали оглушенного налима».

Кызыльцы, имевшие разнообразные рыболовные снасти, на озерах у родников устанавливали плетеные изгороди — котцы (толанат). Зимой, когда водная поверхность покрыта льдом, или в жаркое лето, когда вода озер сильно нагревалась, рыбы устремлялись к прохладным источникам и попадались внутрь плетеной городьбы. Попавшую в котцы рыбу вылавливали саком (солбы).

Рыба, как и мясо диких животных, служили в рационе питания хакасов основной пищей. Больше других употребляли рыбу в пищу кызыльцы, для которых на зиму ее не только замораживали, но и солили, в отличие от других племен хакасов.

Небольшие озера и старицы у кызыльцев считались собственностью того племени, среди которого они располагались. Только жители этого селения пользовались правом лова. Другим же рыболовство разрешалось за плату. Сбивали рыбу кызыльцы в Ачинск и живущим поблизости крестьянам.²² Процент хозяйств, занятых рыболовством, у кызыльцев был стабильным, а в начале XX в. число их даже превысило число охотничьих хозяйств, составив 22,3%.²³

Повсеместно распространенным хозяйственным занятием хакасов в XIX — начале XX в. было скотоводство, для большинства хозяйств оно имело абсолютно доминирующее значение.

Разводили хакасы в основном лошадей, коров и овец. Обеспеченность скотом зависела от района проживания была неодинаковой.

В наибольшей степени были обеспечены скотом хозяйства степной части. В двух других районах скота на одно хозяйство приходилось существенно меньше. Большими были в степном районе показатели и по отдельным видам скота. Характерным для скотоводческих хозяйств было соотношение количества гулевых и рабочих лошадей. Доля первых у них заметно больше — 73,5% против 26,5% рабочих. В лесостепном же и таежном районах преобладали рабочие лошади: соответственно 61,3 и 70,2% (по состоянию на 1890 г.).²⁴

Соотношение видов скота и их количество на одно хозяйство в 1890 г.
(без учета молодняка)*

Районы	На 1 хозяйство			Соотношение, %		
	Лошадей	Кр. рог. скота	Овец	Лошадей	Кр. рог. скота	Овец
Степной	14,3	11,6	36,4	27,2	20,8	52
Лесостепной	5,0	5,2	7,5	31,9	28,6	39,5
Таежный	3,4	2,9	1,7	44,8	36,0	19,2

* Сост. по: Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Т. III. Иркутск, 1893 С 374-381, 560-588

В зависимости от природно-географической зоны различались и приемы содержания скота. У хозяйств степной части скотоводство было полукочевое, связанное с перекочевками на сезонные пастбища. Как заметил в середине XIX в. исследователь Н. С. Щукин, «кочевая жизнь не есть привычка, но необходимость, происходящая из порядка вещей: кочующие гонятся за травой; если скот вытопчет, выест траву в одном месте, тогда необходимо перегнать его на траву, еще не тронутую».²⁰

Перекочевки со скотом совершались по давно выработанному маршруту и на определенные пастбища. Скот круглый год находился на подножном корму. Присматривали за ним сами хозяева, а у зажиточных владельцев — наемные пастухи. Малоскотные хозяева одного аала объединялись в коллектив по совместному выпасу скота.

Определенным, неизменным местом, где жила эта группа хакасов, был зимник (хыстаг), который обычно располагался по берегам или островам рек, в местности, защищенной от ветров. На зимнике жили с октября до апреля. Лошади в это время паслись под охраной зимнего пастуха и укрывались в малоснежных горах. Такой табун насчитывал не более 500 голов. Пастбища в течение зимы меняли раз 5-7, а в снежный год — до 15 раз. На ночь табуны загонялись в естественные укрытия — глухие лога или открытые конные дворы.

Для рабочих лошадей в XIX столетии на выпасе недалеко от аала осенью, когда еще не промерзла земля, вбивали колья. Зимой к этим кольям привязывался конь, который кормился здесь подножным кормом. В конце XIX — начале XX в. для рабочих лошадей заготавливали сено, подкармливали их также овсом и овсяной соломой.

Крупный рогатый скот зимой пасли недалеко от аала, а на ночь загоняли в открытые или полуоткрытые скотные дворы. Корм давался лишь в неблагоприятную погоду, так как его заготавливали в небольшом количестве. Со второй половины XIX в., с развитием сенокосения, крупный рогатый скот стали держать во дворах, по возможности пускали кормиться на аальный выпас, а на ночь загоняли в хлева. Для дойного скота хлева устраивали теплые (шек хазаазы), а молодняк и яловый скот держали в полуоткрытых сараях (сеер). Для телят в хлеву делали специальную теплую обмазанную кизяком загородку (кирпе). К началу XX в. в связи с дальнейшим увеличением сенокосения крупный рогатый скот полностью перешел на стойловое содержание.²⁶

Овец зимой пасли в укрытых от ветра ложбинах у незамерзающих родников. Для отары делались специальные загоны. Для слабых овец существовали специальные полуземляные клетушки — «сулан».

Летом, в середине мая — начале июня, когда степь начинала выгорать, после окота, таврения и кастрации на весеннике (в степи или горах, в местности, где рано появлялись травы и было много снеговой воды, в 10-30 км от зимняка), аал перекочевывал на летник (чайлаг); в котором хакасы располагались отдельными небольшими стойбищами или улусами, тянувшимися по берегам реки близ озер, в прохладных местах, удобных для выгона скота. В конце XIX в. большинство скотоводов Абаканского ведомства и почти все Аскизского и Кызыльского перекочевывали сразу с зимника на летник.²⁷ Расстояние от зимника до летника составляло 1-5-10 верст.²⁸ На чайлаге были открытые загоны для овец и коров, двор для ловли лошадей.

Лошадей с середины мая до октября держали на отгонных пастбищах за 25-30 км. Коровы перегонялись на пастбище возле летника. Овец пасли преимущественно по горам, где росла питательная трава и было мало гнуса. Поить старались реже. Считалось, что от этого овцы зимой будут более выносливыми.

В XIX в. традиционным местом кочевания был также осенник, но в конце столетия аалы уже перекочевывали сразу на зимник. После уборки покосов и пашен скот перегонялся поближе к территории аала. С сентября открывали покотину и выпускали пастись скот на скошенную траву. Сначала выводили лошадей, которые в это время паслись без присмотра, за ними — коров, наконец, в последнюю очередь — овец. Коров и овец затем переводили на острова, где они питались сухой травой (хоот) и тальником.

В лесостепной зоне, а тем более в тайге, условия для занятия скотоводством были менее благоприятными, чем в степи. Меньшие пастбищные пространства, глубокие снегопады (особенно в районе поселений, располагавшихся в зоне тайги или находившихся в непосредственной близости от нее) при отсутствии достаточной заготовки кормов исключали большое скотоводческое хозяйство. Гораздо меньшей в сравнении с хозяйством степных жителей была в стаде доля овец. Содержались они в открытых загонах и выпускались только на пастьбу. Зимой их кормили сеном, а на ночь загоняли в утепленные овчарни.

Поскольку большую часть зимы скот не мог находиться на подножном корму, в этих районах заготавливали больше сена. Так, в степном Абаканском ведомстве, где в 1890 г. в среднем на одно хозяйство приходилось 104,44 головы скота, был накошен 13951 пуд сена, а в Аскизском — 21 256 пудов, в то время как количество скота на хозяйство составляло здесь 40,75 головы.²⁹

Собирательство не имело в хозяйстве хакасов такого большого значения, как охота и скотоводство. Это было сезонное занятие, игравшее роль подспорья, которым занимались в основном женщины и дети. С ростом земледелия в течение XIX в. оно все больше теряло свое значение.

Весной — в начале лета собирались съедобные корни и лекарственные травы, в конце лета — ягоды. Собирательство имело сугубо натуральный характер. Единственным его направлением, которое под влиянием рынка приобрело товарное значение, был сбор кедрового ореха, сезон заготовки которого начинался в сентябре и продолжался до первых снегопадов.

Земледелием у хакасов ко времени прихода русских занимались бельтыры и сагайцы, жившие в не требующей орошения лесостепной полосе. Земледелие было мотыжное. Поля находились с южной стороны холмов и горных склонов, в прогалинах и вблизи березовых рощ. Обработывали участки абыл'ом, земледельческим орудием, аналогичным кетменю.

В конце XVIII столетия под влиянием русских земледелием стали заниматься и кызыльцы. Для вспашки полей они использовали заимствованную у русских соху, которая по-хакасски называлась «салда», а у русских Сибири была известна под названиями «соха-рукопашка» или «рогальюха». С конца XVIII — начала XIX в. в связи с распространением земледелия она проникла к остальным группам хакасов. Абыльная обработка земли сохранилась только на трудных участках, где не мог пройти конь с сохой. Для пашен стали выбирать ровные, пойменные места. Но все же соха-рукопашка была мало пригодна для пахоты степной твердой почвы. Ею можно было распахивать лишь мягкие земли, очищенные от кустарников. Пользовалось этой сохой притаежное население, жившее в районах, где почва была наиболее рыхлой и не требующей особой обработки. Во второй половине XIX в. соха-рукопашка выходит из употребления.

На ее место пришла соха-рассоха (азыр салда), одно из преимуществ которой состояло в том, что в нее можно было запрягать двух лошадей. Применение такой тягловой силы позволило распахивать новые земельные угодья степной части. В конце XIX столетия в хакасских ведомствах появилась соха «туюх салда», называвшаяся по-русски «одинарец», при которой качественно улучшилась вспашка, а в начале XX в. у хакасов появляются железные плуги, которые они называли «хара салда».

В первой половине XIX в. основной посевной культурой хакасов был ячмень, который особенно хорошо рос по склонам гор. Хакасы выращивали особый сорт, похожий по виду на пшеницу, который называли «чалаас кбче», т.е.

«голый ячмень». В традиционных земледельческих районах ячмень носил название «ас», т.е. «хлеб», «еда» (у качинцев он назывался «коче»). Кроме того, хакасы сеяли пшеницу (пугдай), ярицу (арыс), употреблявшуюся в основном для приготовления хлебной браги (бузы), овес (сула), озимую рожь (чадыган), которую культивировали в подтаежных местах, гречиху (хырлых) и просо (таран).

Соотношение посевных культур в течение XIX в. постоянно менялось. В 1849 г. в Сагайской думе ячмень занимал 63% посевной площади, к 1890 г. его посевы сократились до 15,6% общей площади пашни.³⁰ Сокращение производства ячменя среди других агрокультур было связано с влиянием рынка. Ячмень уступает место пшенице, ржи и овсу, получившим товарное направление.

Пахать хакасы начинали в конце апреля или начале мая. Этот период в хозяйственном календаре сагайцев и бельтыр, занимавшихся земледелием, назывался «хыраа сычан, ай» (месяц выезда на пашню) или «хыра тартчан ай» (месяц вспашки пашни).

Сеяли вручную разбрасыванием зерна по вспаханному полю. Удобрений не применяли. После посева пашню боронили деревянной бороной (поранды). Долгое время применялись бороны с деревянными зубьями, которые прикреплялись в точках пересечения продольных и поперечных перекладин. Постепенно такие бороны были заменены боронами с железным сошником, что, конечно, улучшало технику боронования. Но в подтаежных районах бороны с деревянными зубьями сохранились вплоть до 20-х годов XX в.³¹

Хлеб убирался серпом в конце августа, который назывался «оргах айы», т.е. месяц жатвы. Жали хлеб серповидным орудием (оргах) или выдергивали руками. Затем связывали в небольшие снопики (поом). Со второй половины XIX в. хлеб жали серпом и скашивали косой-литовкой.

В течение XIX в. у хакасов наблюдался неуклонный рост земледелия. Если в 1827 г. по всем хакасским ведомствам насчитывалось 900 десятин посева,³² то к 1875 г. — 2733.³³ Особенно бурный рост земледелия был отмечен в конце XIX — начале XX в. Так, в 1890 г. общая площадь пашни составляла 13 747 десятин, а в 1917 г. — уже 26 182.³⁴ В зависимости от расселения по зонам в 1890 г. приходилось на одно хозяйство в лесостепном районе 6,2 десятины пашни, в зоне тайги — 1,3, а в степи — 0,7.³⁵

Если до конца XIX столетия земледелие увеличивалось в основном одновременно с ростом населения, кроме того, земледельцами становились разорившиеся скотоводы, то в конце XIX в. на рост земледелия влияли уже другие факторы, прежде всего пример русских крестьян, поселявшихся среди хакасов или основывавших поселения в их землях, уменьшение свободных пастбищных пространств, а также резкое сокращение доходов от охотничьего промысла.

Кроме вышеперечисленных занятий у хакасов можно отметить занятие извозом, которым занимались кызыльцы, жившие вдоль Ачинско-Минусинского тракта, заготовку и продажу леса. Обедневшие хакасы выполняли батрацкую

работу у русских и богатых скотом сородичей, а в середине XIX в., с развитием золотодобычи, стали устраиваться на работу на прииски.

Рассмотрение конкретных хозяйственных занятий хакасов позволяет говорить о комплексности, многоукладности их хозяйства в XIX — начале XX в. и выделить, в зависимости от соотношения видов хозяйства, несколько групп населения.

Основную и самую многочисленную группу населения составляли большинство качинцев, часть кызыльцев, сагайцев и бельтыр, населявших степные пространства. Для них было характерно развитое скотоводческое хозяйство при незначительном занятии земледелием. Площадь запашек в этом районе была невелика. Такие факторы, как сухость почвы и ветровая эрозия, препятствовали развитию земледелия. Вообще же занятие земледелием было здесь уделом малоскотных хозяйств, разорившихся вследствие падежа скота. При увеличении количества скота, достаточного для обеспечения нужд хозяйства, т. е. при доведении поголовья до уровня, когда излишек его можно было продать или обменять на продукты земледелия, занятие хлебопашеством, как правило, забрасывалось.

Среди населения степи выделялись в хозяйственном отношении койбалы, которые обладали незначительным количеством скота и в дополнение к скотоводству занимались охотой. Причем последняя для них была более традиционным занятием, поскольку до переселения в конце XVIII — начале XX в. с правобережного Енисея в степи между Абаканом и Енисеем многие кето- и самодийскоязычные группы, образовавшие племенное объединение койбалов, занимались преимущественно охотой.

В богатых же скотоводческих хозяйствах охотой не занимались, так как наиболее важные для охоты сезоны совпадали со временем перехода, переко́чек на осенники и зимники. К тому же скот требовал за собой постоянного присмотра.

Следующая выделяемая по своим хозяйственным занятиям немногочисленная группа — жители тайги и примыкающих к ней подтаежных территорий. Основной отраслью их хозяйства была охота. Содержали они в небольшом количестве скот, главным образом лошадей. Нехватка пастбищного пространства в условиях тайги позволяла увеличивать поголовье скота только до определенных размеров, а наименьший вследствие продолжительной и снежной зимы пастбищный период требовал стойлового содержания скота и подкормки сеном в это время. Подсобную роль играло у этой группы собирательство и рыболовство. Занятие земледелием из-за холодного лета и ранних заморозков было ограничено.

Еще одна выделяемая по хозяйственным занятиям категория населения, территориально промежуточная, — «лесостепные» кызыльцы, сагайцы и бельтыры. Наличие свободных, не занятых лесом пространств позволяло им заниматься разведением скота. Но их скотоводство отличалось от скотоводства

степных жителей структурно. Большое значение имел крупный рогатый скот. Общее количество скота было меньшим.

2. ^{лаг}Оприятные природно-климатические условия способствовали занятию ^{земледелием} земледелием; близость тайги привлекала к занятию охотой, и часть хозяйств имела некоторый доход от сезонного охотничьего промысла. Подсобными здесь были рыболовство (в большей степени у кызыльцев) и собирательство.

2. ^{аделенные} хозяйственные системы показывают комплексный характер хозяйства хакасов в XIX — начале XX в. и зависимость соотношения видов хозяйственных занятий в этот период прежде всего от естественно-географических условий. С течением времени под влиянием различных факторов отрасли хозяйства "соответственно хозяйственные уклады модифицируются. Особенно это сказалось на хозяйстве хакасов, проживавших в лесостепной полосе, для которых всегда была характерна большая комплексность их хозяйственного уклада. Такая же многоукладность хозяйства отмечена, например, и у живших в лесостепной зоне групп сибирских татар.³⁶

2. ^{течение} течение XIX в. в связи с сокращением пастбищных территорий, вследствие роста самого хакаского населения, а также земельной колонизации русскими ^{эпоху} края и при их непосредственном влиянии на совершенствование сельского хозяйства практика земледелия в этом районе увеличивает свое значение и притом к остальным группам хакасов.

2. ^{ценом} же, на основе рассмотренных хозяйственных систем в общем виде можно выделить у хакасов в XIX — начале XX в. три ХКТ: 1) полукочевые скотоводы с незначительной ролью земледелия и охоты; 2) оседлые охотники-скотоводы горно-таежной зоны, подсобными видами занятий которых были рыболовство и собирательство; 3) полuosедлые скотоводы-земледельцы-охотники лесостепной полосы, рыболовство и собирательство у которых играли также важную роль. В последнем хозяйственно-культурном типе должны быть выделены кызыльцы, проживавшие по берегам рек и озер, поскольку у них относилось скорее не к подсобным, а к основным хозяйственным занятиям.

1. ^{Левченко} Левченко М. Г. К проблеме исторического соотношения хозяйственно-культурных типов Северной Азии // Краткие сообщения Института этнографии. 1947. №2; Чебоксаров Н. Н. ^{этнографическое} этнографическое районирование Дальнего Востока // Проблемы истории Дальнего Востока Владивосток, 1969; Симченко Ю. Б. Культура охотников на оленей Северной Евразии. Я" 1976

2. ^{дагтейн} дагтейн С. И. 1) Историческая этнография тувинцев. М., 1972; 2) К реконструкции хозяйственно-культурных типов у южно-самодийских народов Саян в XVII-XVIII вв. // Проблемы этнографии. М., 1979; Томилов Н. А. Особенности синтеза хозяйства и культуры; народов южной и средней полосы Западной Сибири // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск, 1979.

3. ^{Пруды} Пруды Сибири // Народы мира. М.; Л., 1956. С. 14-15.

4. ^{Цоупов} Цоупов Л. П. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан, 1957. С. 274.

- ⁵ Архив А. А. Ярилова Рукописный фонд Хакасского НИИ языкознания, литературы и истории (далее — ХакНИИЯЛИ). №712.
- ⁶ Минусинский филиал Государственного архива Красноярского края (далее — МФ ГАКК). Ф. 71. Оп. 1. Д. 16. Л. 61.; *Архив А. А. Ярилова // Рукописный фонд ХакНИИЯЛИ. №498. Л. 46.*
- ⁷ Архив А. А. Ярилова // Рукописный фонд ХакНИИЯЛИ. №712.
- ⁸ Государственный архив республики Хакасия (далее — ГАРХ). Ф. И-2. Оп. 1. Д. 109. Л. 7, 9; Д. 1397. Л. 16.
- ⁹ *Тугаринов А. Я.* Соболь в Енисейской губернии. (Современное состояние и значение соболинного промысла). Красноярск, 1913. С. 14-15.
- ¹⁰ Государственный архив Красноярского края (далее — ГАКК). Ф. 1380. Оп. 3. Д. 137. Л. 4.
- ¹¹ См.: *Потапов Л. П.* Происхождение и формирование хакасской народности. С. 185-186.
- ¹² Архив А. А. Ярилова // Рукописный фонд ХакНИИЯЛИ. №712.
- ¹³ *Шукин Н. С.* Народы турского языка, обитающие в Южной Сибири // Журнал Министерства внутренних дел. СПб., 1847. Ч. XVIII. С. 270.
- ¹⁴ История Хакасии. М., 1993. С. 273.
- ¹⁵ *Карцов В. Г.* Хакасия в период разложения феодализма (XVIII — первая половина XIX в.). Абакан, 1970. С. 146.
- ¹⁶ ГАРХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 704. Л. 69; Д. 1397. Л. 16; Д. 1141. Л. 28; Д. 408. Л. 124.
- ¹⁷ Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Т. III. Иркутск, 1893. С. 640-642, 676-680; *Козьмин Н. Н.* Материалы для определения земельных норм скотоводческого населения Минусинского края. Красноярск, 1918. С. 34.
- ¹⁸ *Кимеев В. М.* Шорцы. Кто они? (Этнографические очерки). Кемерово, 1989. С. 91.
- ¹⁹ *Потапов Л. П.* Происхождение и формирование хакасской народности. С. 270.
- ²⁰ *Костров Н. А.* Вирюсы // Записки сибирского отделения Императорского Русского географического общества. Кн. 6. Иркутск, 1836. С. 131.
- ²¹ Рукописный фонд ХакНИИЯЛИ. №705.
- ²² *Степанов А. П.* Енисейская губерния. 4.1. СПб., 1835. С. 239-240.
- ²³ *Козьмин Н. Н.* Материалы... С. 34.
- ²⁴ Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Т. III. С. 640-642, 676-680; *Козьмин Н. Н.* Материалы... С. 34.
- ²⁵ *Шукин Н. С.* Народы турского языка. ... С. 266.
- ²⁶ *Бутанаев В. Я.* Социально-экономическая история хакасского аала. Абакан, 1987. С. 33.
- ²⁷ Там же. С. 38.
- ²⁸ *Яковлев Е. К.* Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея. Минусинск, 1900. С. 39.
- ²⁹ *Козьмин Н. Н.* Материалы. . . С. 33; *Вутлнаев В. Я.* Социально-экономическая история... С. 124.
- ³⁰ *Карцов В. Г.* Из истории скотоводства, охоты и земледелия у хакасов в 20-50-х годах XIX в. (По материалам степных дум соединенных племен и койбальской) // 250 лет вместе с великим русским народом. Абакан, 1959. С. 81; МФ ГАКК. Ф. 71. Оп. 3. Д. 62. Л. 43.
- ³¹ *Потачаков К. М.* Культура и быт хакасов XVIII-XIX вв. Абакан, 1958. С. 26.
- ³² Российский государственный исторический архив. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 111. Л. 3.
- ³³ ГАКК. Ф. 595. Оп. 19. Д. 99. Л. 208.
- ³⁴ *Барашков М.* О мелиорации и условиях развития мелиоративного дела в инородческом крае (Енисейская губерния) // Енисейский кооператор. 1923. №1-2. С. 45.
- ³⁵ Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Т. III. С. 374-381, 560-585.
- ³⁶ *Томилов Н. А.* Особенности синтеза... С. 122-127.

степных жителей структурно. Большое значение имел крупный рогатый скот. Общее количество скота было меньшим.

Благоприятные природно-климатические условия способствовали занятию земледелием; близость тайги привлекала к занятию охотой, и часть хозяйств имела некоторый доход от сезонного охотничьего промысла. Подсобными здесь были рыболовство (в большей степени у кызыльцев) и собирательство.

Выделенные хозяйственные системы показывают комплексный характер хозяйства хакасов в XIX — начале XX в. и зависимость соотношения видов хозяйственных занятий в этот период прежде всего от естественно-географических условий. С течением времени под влиянием различных факторов отрасли хозяйства и соответственно хозяйственные уклады модифицируются. Особенно это сказалось на хозяйстве хакасов, проживавших в лесостепной полосе, для которых всегда была характерна большая комплексность их хозяйственного уклада. Такая же многоукладность хозяйства отмечена, например, и у живших в лесостепной зоне групп сибирских татар.³⁶

В течение XIX в. в связи с сокращением пастбищных территорий, вследствие роста самого хакаского населения, а также земельной колонизации русскими этого края и при их непосредственном влиянии на совершенствование земледельческой практики земледелие в этом районе увеличивает свое значение и проникает к остальным группам хакасов.

В целом же, на основе рассмотренных хозяйственных систем в общем виде можно выделить у хакасов в XIX — начале XX в. три ХКТ: 1) полукочевые скотоводы степи с незначительной ролью земледелия и охоты; 2) оседлые охотники-скотоводы горно-таежной зоны, подсобными видами занятий которых были рыболовство и собирательство; 3) полuosедлые скотоводы-земледельцы-охотники лесостепной полосы, рыболовство и собирательство у которых играли также вспомогательную роль. В последнем хозяйственно-культурном типе должны быть особо выделены кызыльцы, проживавшие по берегам рек и озер, поскольку рыболовство у них относилось скорее не к подсобным, а к основным хозяйственным занятиям.

¹ Левин М. Г. К проблеме исторического соотношения хозяйственно-культурных типов Северной Азии // Краткие сообщения Института этнографии. 1947. №2; Чебоксаров Н. Н. Историко-этнографическое районирование Дальнего Востока // Проблемы истории Дальнего Востока. Владивосток, 1969; Симненко Ю. Б. Культура охотников на оленей Северной Евразии. М., 1976.

² Вайнштейн С. И. 1) Историческая этнография тувинцев. М., 1972; 2) К реконструкции хозяйственно-культурных типов у южно-самодийских народов Саян в ХУП-ХУШ вв. // Проблемы типологии в этнографии. М., 1979; Тамилов Н. А. Особенности синтеза хозяйства и культуры у народов южной и средней полосы Западной Сибири // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск, 1979.

³ Народы Сибири // Народы мира. М.; Л., 1956. С. 14-15.

⁴ Потанов Л. П. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан, 1957. С. 274.

- ⁵ Архив А. А. Ярилова. Рукописный фонд Хакасского НИИ языкознания, литературы и истории (далее —ХакНИИЯЛИ). №712.
- ⁶ Минусинский филиал Государственного архива Красноярского края (далее — МФ ГАКК). Ф. 71. Оп. 1. Д. 16. Л. 61; *Архив А. А. Ярилова // Рукописный фонд ХакНИИЯЛИ. №498. Л. 46.*
- ⁷ Архив А. А. Ярилова // Рукописный фонд ХакНИИЯЛИ. №712.
- ⁸ Государственный архив республики Хакасия (далее — ГАРХ). Ф. И-2. Оп. 1. Д. 109. Л. 7, 9; Д. 1397. Л. 16.
- ⁹ *Тугаринов А. Я.* Соболь в Енисейской губернии. (Современное состояние и значение соболинного промысла). Красноярск, 1913. С. 14-15.
- ¹⁰ Государственный архив Красноярского края (далее —ГАКК). Ф. 1380. Оп.3. Д. 137. Л.4.
- ¹¹ См.: *Потапов Л. П.* Происхождение и формирование хакасской народности. С. 185-186.
- ¹² Архив А. А. Ярилова // Рукописный фонд ХакНИИЯЛИ. №712.
- ¹³ *Щукин Н. С.* Народы турского языка, обитающие в Южной Сибири // Журнал Министерства внутренних дел. СПб., 1847. Ч. XVIII. С. 270.
- ¹⁴ История Хакасии. М., 1993. С. 273.
- ¹⁵ *Карцов В. Г.* Хакасия в период разложения феодализма (XVIII — первая половина XIX в.). Абакан, 1970. С. 146.
- ¹⁶ ГАРХ. Ф.2. Оп. 1. Д. 704, Л. 69; Д. 1397. Л. 16; Д. 1141. Л. 28; Д. 408. Л. 124.
- ¹⁷ Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Т. III. Иркутск, 1893. С. 640-642, 676-680; *Козьмин Н. И.* Материалы для определения земельных норм скотоводческого населения Минусинского края. Красноярск, 1918. С. 34.
- ¹⁸ *Кимеев В.М.* Шорцы. Кто они? (Этнографические очерки). Кемерово, 1989. С. 91.
- ¹⁹ *Потапов Л. П.* Происхождение и формирование хакасской народности. С. 270.
- ²⁰ *Костров Н. А.* Бирюсы // Записки сибирского отделения Императорского Русского географического общества. Кн. 6. Иркутск, 1836. С. 131.
- ²¹ Рукописный фонд ХакНИИЯЛИ. №705.
- ²² *Степанов А. П.* Енисейская губерния. 4.1. СПб., 1835. С. 239-240.
- ²³ *Козьмин Н. Н.* Материалы... С. 34.
- ²⁴ Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Т. III. С. 640-642, 676-680; *Козьмин Н. Н.* Материалы... С. 34.
- ²⁵ *Щукин Н. С.* Народы турского языка... С. 266.
- ²⁶ *Бутанаев В. Я.* Социально-экономическая история хакасского аала. Абакан, 1987. С. 33.
- ²⁷ Там же. С. 38.
- ²⁸ *Яковлев Е. К.* Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея. Минусинск, 1900. С. 39.
- ²⁹ *Козьмин Н.Н.* Материалы... С. 33; *Бутанаев В. Я.* Социально-экономическая история. ... С. 124.
- ³⁰ *Карцов В. Г.* Из истории скотоводства, охоты и земледелия у хакасов в 20-50-х годах XIX в. (По материалам степных дум соединенных племен и койбальской) // 250 лет вместе с великим русским народом. Абакан, 1959. С.81; МФ ГАКК. Ф.71. Оп.3. Д.62. Л.43.
- ³¹ *Потачаков К. М.* Культура и быт хакасов ХУШ-ХІХ вв. Абакан, 1958. С. 26.
- ³² Российский государственный исторический архив. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 111. Л.3.
- ³³ ГАКК. Ф. 595. Оп. 19. Д. 99. Л. 208.
- ³⁴ *Бараишкова М.* О мелиорации и условиях развития мелиоративного дела в инородческом крае (Енисейская губерния) // Енисейский кооператор. 1923. №1-2. С. 45.
- ³⁵ Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Т. III. С. 374-381, 560-585.
- ³⁶ *Томилов Н. А.* Особенности синтеза... С. 122-127.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ТРАДИЦИОННОЙ СИСТЕМЫ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ ТОФАЛАР

Верхнеудинская промыслово-оленоводческая модель землепользования и жизнеобеспечения, сложившаяся у тофалар, достаточно подробно рассмотрена в отечественной историографии и будет использована нами в данной статье в качестве полигона с целью дальнейшего выявления общих и региональных особенностей национальной политики Российского государства в Южно-Сибирском регионе. Выбор полигона был сделан не случайно, так как здесь мы сталкиваемся с системой землепользования, подвергшейся к концу XIX в. наименьшей трансформации под воздействием переселенческого движения.

Система землепользования тофалар сложилась в условиях Восточно-Саянского горно-таежного и горно-тундрового региона и аналогична, по мнению М.В. Филипповой, системам эвенкийских групп Нижнетунгусской, Ленской, Мамско-Бодайбинской областей (по административным районам 1926 г.). Она характеризуется выделением трех зон хозяйственного освоения:

1. *Низко- и среднегорно-таежный комплекс*: лиственничная тайга, мозаичные луга низкого уровня проективного покрытия — локализация зимних промысловых охотничьих участков и летней охоты мясного направления, выпаса оленей в течение зимнего периода и рабочих лошадей в весенне-летне-осенний цикл. Это зона комплексного освоения угодий за счет развития всех отраслей хозяйства при доминировании промысловых участков и мест зимнего выпаса оленей.

2. *Долинный комплекс* — ограниченные луговые пространства, используемые под зимний выпас лошадей; прирусловые склоны с таежным покрытием использовались в качестве промысловых участков.

3. *Высокогорный гольцовый комплекс* с разнообразными продуктивными кормовыми ресурсами оленеводства при смене пастбищ после нескольких лет их использования.

Все указанные зоны имеют четкую привязку в жестком соответствии с высотной зональностью растительных поясов.

Традиционный хозяйственный комплекс тофалар уже в конце XIX столетия имел ярко выраженную промысловую ориентацию. Доминирующей отраслью являлась охота, но никак не оленеводство. Это достаточно ясно прослеживается при сопоставлении средней обеспеченности хозяйств оленями (см. табл. 1) и минимальным количеством оленей, необходимым семье, практиковавшей разведение оленеводства как основной отрасли. При годовой норме потребления де-

сяти оленей на человека для нормального воспроизводства стада, находящегося в собственности малой семьи, требовалось содержать не менее 300 голов. Данные же табл. 1 показывают, что даже с поправкой на неточность учета средние показатели обеспеченности хозяйств тофалар оленями не приближаются к этим величинам. Согласно Б.Э.Петри в 1925 г. на одно хозяйство закалывалось в среднем в год не более 2 оленей, на 100 человек — не более 37. Снижение потребления оленины за 10 лет, предшествующих обследованию (использовались данные К. Н. Миротворцева),¹ не может служить показателем того, что ситуация была принципиально другой. В 1914 г. на одно хозяйство закалывалось не более 5 оленей, на 100 человек — 105.² При получении мясной продукции не более 100 кг от хорошо откормленного быка годовое потребление мяса при составе семьи в 5 человек колебалось в пределах 40 кг. В 1910, 1919-1920 гг. отмечались и массовые падежи скота, которые также существенно снижали удельный вес продуктов оленеводства в пищевой цепи.

Таблица 1. Средняя обеспеченность хозяйств тофаларов оленями и лошадьми*

Годы	Колич. человек	Колич.		Оленей		Лошадей	
		семей	оленей	на 1 чел.	на 1 хоз-во	всего	на 1 хоз-во
1882	456	120	1744	19	21,0	51	0,6
1884	407	74	1766	21,5	23,9	55	0,7
1886	423	77	1467	17	19,0	42	0,5
1888	431	78	1128	13	14,5	39	0,5
1890	364	66	667	9	10,1	27	0,4
1894	349	63	700	10	11,1		
1912	406	74	2572	31,5	34,7		
1914	447	80	2660	29,5	33,25		
1925	413	75	1170	14	15,7		

* Сост. по: Залесский Н. В. К этнографии и антропологии карагасов // Оттиск из Антропологического общества при Имп. Военно-медицинской академии. СПб., 1898. С. 21; Петри Э. Б. Охотничьи угодья и расселение карагас. Иркутск, 1927. С. 16. — Расчет ориентировочного количества хозяйств проводился исходя из средней численности семьи в 5,5 человек (за исключением абсолютных показателей 1914 г.).

Олень и лошадь для тофалар в основном только транспортное средство с четко определенными функциями. Олень был необходим для перекочевки и охоты в течение всего зимнего промыслового цикла, лошадь использовалась в летний период для сообщения с сопредельными районами (поездки к р. Ока в буддийский дацан, торговля с бурятами и т.д.). Количество лошадей, находящихся в собственности, ограничивалось в условиях круглогодичного выпаса исключительно малой площадью лугов в долинных комплексах. При всем несовершенстве методов расчета средних показателей по статистическим данным в дореволюционный период ясно прослеживается, что средняя обеспеченность тофаларских хозяйств оленями всегда варьировала в пределах тех 15 голов, которые были необходимы для организации перекочевки при грузоподъемности быка 48 кг (лошади — 64 кг).

«Оленеводство» было замкнуто на промысловое по сути хозяйство и никак не могло определять производственный цикл. Вопросы регуляции поземельных отношений, локализации промысловых угодий, путей отгона отражены в историографии явно фрагментарно. Однако все исследователи отмечают четко выраженный *родовой принцип деления всех промысловых угодий и пастбищ*, практика закрепления которых на ежегодных сугланах сохранялась вплоть до периода колхозного строительства.

Все земли были разделены между пятью родами:

1. *Кара-Иогдо* — верхний бассейн р.Ия, начиная от Саян (на юге) и кончая рр. Иода и Ишидей (к северу), вершинами Кирея и Зимы (к востоку).

2. *Чогдо* — верховья р. Уды до водораздела между рр. Марня и Ярма, за исключением самой вершины р. Уды выше ее притока Сурлагон, бассейна р. Джуглыма и верхнего течения р. Огнита.

3. *Хааш* — верховья рр. Малой и Большой Бирюсы, Гутарьг, Тагула, Агула.

4. *Сары-Хааш* — среднее течение р. Агула по правому берегу включительно, р.Улька, вершины Туманшета, среднего течения рр. Тагула, Гутары, Большой и Малой Бирюсы вплоть до левого берега р. Уда.

5. *Чеентей* — нижнее течение рр. Туманшета, Тагула, Бирюсы, верховья р. Рубахиной.

В начале XX в. тофалар стали делить на две группы — западную и восточную. Это деление было проведено по бассейнам тех рек, где находились промысловые участки. К западной группе отнесли население, проживающее по рр. Уде и Бирюсе, к восточной — население, осваивающее бассейн р. Гутара.

Земли каждого рода были разделены между отдельными семьями. Каждая семья передавала свои урочища по наследству от отца к сыну, от сына к внуку по прямой нисходящей линии.

В среднем в 1927 г. одно хозяйство тофалар объединяло 5,2 человек, естественный прирост составлял 16,8%, детская смертность — 22,9%. Доминировала простая семья в силу отделения сыновей после брака (мотивация — традиционные запреты на общение между свекром и невесткой). Высокие показатели смертности (33,6%) обуславливались эпизодическим распространением таких заболеваний, как оспа, дизентерия, сифилис.³

Производственный цикл хозяйства тофалар (см. табл. 2) достаточно ясно отражает существование «пастбищной формы» скотоводства и специфику земельных связей между тофаларскими родами в относительной концентрации населения не в зимний период (как в Горном Алтае), а в летний, когда выпас осуществлялся объединениями из 10-15 хозяйств, располагавших свои чумы по кругу с прогоном в середине, в котором олени содержались в дневное время.

Вследствие того, что тофалары относились к группе «ясачного» населения, особый интерес представляют данные об объемах продукции, получаемой от охоты пушного направления. Охотились мужчины начиная с 12-14-летнего возраста (с отцом). С 16 лет охота проводилась уже самостоятельно. Средняя

добыча в 60-70-е годы XIX в. составляла 10-12 соболей, при «хорошем ходе» — 20-25 соболей. Исходя из информации Н. В. Залесского, по ценам на соболя в течение 1884-1887 гг. (19,5 рублей) можно рассчитать поступательную часть бюджета тофаларских хозяйств от охоты на соболя в этот период (см. табл. 3). Хотя, по данным Н. В. Залесского, средние поступления в семейный бюджет у тофалар в 80-е годы были ориентировочно в пять раз ниже, чем у крестьян, средние поступления только за счет реализации соболя явно перекрывали сумму эпизодических недоимок. Так, например, недоимка 1888 г. (334, 5 рублей) при раскладке на каждое из хозяйств не превышала пяти рублей, т. е. меньше стоимости одного соболя.

Таблица 2. Производственный цикл хозяйства тофалар

	Производственный цикл	
	Скотоводческий	Промысловый
XI XII I II III IV	Выпас лошадей в долинных комплексах Выпас оленей в таежной зоне, на месте промысловых участков Начало перегона	Пушная охота (активная форма) группами по три охотника, с эпизодическими отлучками за продуктами
V	Появление телят (анай), лошадей забирают с зимних пастбищ (22.05, «Микола Вешний»)	
VI VII VIII	Коллективный выпас объединениями по 10-15 хозяйств (ночной) с дневным содержанием в середине «табора», доение, начало откочевки, эпизодический забой бычков	
IX	Кастрация двухлеток (хуанай), спилка рогов, кочевка, доставка на лошадях продуктов на места промыслов	
X	Гон, начало свободного выпаса лошадей в долинных комплексах завершение дойки (14.10, «Покров»)	Охота (активная форма) мясного направления в контактной зоне гольцов и кромки леса Охота на оленях: на изюбрей, лося, кабаргу (до 28.08, т.е. «Успенья», — западная группа, до 14.09-восточная группа)

Таблица 3. Средний доход тофалар от реализации соболя*

Реализация соболя	1882 г.	1884 г.	1886 г.	1887 г.	1888 г.	1890 г.	1994 г.
Годовая добыча	1180	757	736	332	386	348	933
Доход от продажи (приблизит., руб.)	23010	14762	14352	6474	3408	?	8238
Поступление в семейный бюджет (руб.)	191,7	199,5	186,4	84,1	43,7	?	130

* Рассчитано по исходным данным добычи соболя, приведенным Н. В. Залесским, с. 28. Суммы поступлений за 1994 г. даны по минимальной цене (в 1888 г. — 8,83 рубля). Ориентировочная ошибка в численности хозяйств 10-15%.

Тофаларию конца XIX в. нельзя назвать районом, не входящим в систему региональных торговых связей. В летний период ее население часто выступало как посредник при товарообмене между бурятами и тувинцами. Конкурентами здесь были буряты. Закупка оленей проводилась у тувинцев напрямую или через посредничество окинских бурят. У последних покупались пища, одежда, оружие и боеприпасы, мелкая утварь, конские и оленные седла, войлок, одеяла. Этот же комплект товаров переправлялся тофаларами в Туву. Товарным эквивалентом иногда выступала шкурка соболя: 1 соболь = 1 бык (октазара). Достаточно широко были распространены китайские товары. Натуральный характер обмена выражался в прямом обмене скота на боеприпасы и, по данным Э. Б. Петри, был более выгоден, чем использование денег или пушнины.⁴

Дополнительным источником дохода тофалар служили и прииски. Добыча золота началась в 1836 г., когда Гавриил Мансаров открыл месторождения на р. Бирюса. На промывке в 1888 г. работало 28 человек. Была организована доставка на прииски сена, ягод, бересты, тофалары участвовали и в перевозке товаров к приисковым складам. Однако следует отметить, что степень воздействия развивающейся золотодобычи на традиционную систему жизнеобеспечения тофалар была минимальной.

Таким образом, традиционная система жизнеобеспечения тофалар к концу XIX — началу XX в. являлась открытой, ориентированной на рынок системой, экстенсивный характер использования природных ресурсов которой в большой степени определялся спецификой организации промыслового комплекса, обеспечивавшего основную часть поступлений в семейные бюджеты. Тофалария, как и все районы распространения таежных ландшафтов, была классическим специализированным промысловым районом, органически входившим в региональный рынок. Сохранение традиционных институтов здесь в значительной мере определялось сохранением «кочевого образа жизни» и минимальным воздействием в течение всего XIX столетия русских переселенцев.

Теперь перейдем к современной ситуации, которая к началу обследования 1992 г., проведенного в таежных поселках Верхняя Гутара и Нерха Тофаларии, имела по сравнению с пограничными таежными районами определенную специфику. Большинство трудоспособного населения здесь было занято на работе в коопзверопромхозе (КПЗХ) — предприятии, напрямую связанном с опромыслением тайги.

Основную часть рабочих мест занимали мужчины. Это обуславливалось спецификой организации охотничьего и оленеводческого промыслов. Показатели женской безработицы были здесь исключительно высоки. Так, например, в поселке Верхняя Гутара 45% семей имели в своем составе постоянно работающих в КПЗХ (52 человека — 47% трудоспособного населения) и сторонних организациях — детсад, ФАП, ГМС, райпо (33 человека — 30% трудоспособного населения). Остальное население (23%) нигде не работало и занималось только приусадебным хозяйством. Государственный курс на обеспечение автономно-

го населения рабочими местами на основе его кооперирования, как и во всех других обследованных нами таежных районах, оказался неэффективным и, судя по всему, ошибочным. Показатели занятости в этом районе напрямую не связаны с устойчивостью семейных бюджетов.

В конце 1980 — начале 1990-х гг. в КЗПХ преобладал сдельный характер оплаты труда. Коопзверопромхоз проводил оплату по работам, имеющим твердые расценки, и осуществлял закупку пушнины. В процессе полевых работ 1992 г. нам удалось ознакомиться с Положением об оплате рабочих Тофаларского КЗПХ.⁵ Анализ этого Положения, а также платежные ведомости отражают достаточно яркую картину стратегии природопользования этой организации и участия в ней представителей коренного населения. В перечень относительно высокооплачиваемых работ были включены следующие: деятельность, связанная с обслуживанием техники, погрузочные работы, деревообработка и лесозаготовка, работа на стадах. Дневная оплата по перечню расценок (дневных и почасовых) здесь должна была варьироваться в пределах 30-40 рублей за рабочий день при восьмичасовом рабочем дне, обеспечивая в среднем 600-800 рублей в месяц (при условии отсутствия надбавок) и физиологический минимум 1-2 человек при ограниченности ассортимента и существовавших ценах на продукты в местном магазине.

Уже в самой системе оплаты труда был заложен принцип, не предоставлявший тофаларам никаких льгот с учетом ориентации на сохранение их традиционной хозяйственной специализации. Количество рабочих мест в стадах было ограничено, а характер остальных работ подразумевал, что получение заработной платы в указанных пределах зависит, во-первых, от способности работать полный рабочий день, причем непрерывно в течение месяца, т. е. той способности, которой, по мнению опрошенных информаторов из числа русских, большинство мужчин-тофалар не обладают как по своему психическому складу, так и в силу постоянной ориентации на уход в тайгу, во-вторых, от позиции начальников участков КЗПХ, зачастую входящих в состав русских старожильческих семей и в значительной мере склонных предоставлять наиболее высокооплачиваемые работы прежде всего своим родственникам. В результате к 1992 г. сложилась ситуация, когда фонд заработной платы отдельных участков коопзверопромхоза распределялся в основном между немногочисленными русскими семьями, находящимися в близких и отдаленных родственных связях. Эта тенденция достаточно ясно прослеживается на основе параметров описательной статистики распределения средневзвешенной месячной заработной платы за четыре месяца (февраль — май) между этническими группами по участку Нерха Тофаларского коопзверопромхоза (см. табл. 4).

Показатели описательной статистики свидетельствуют о том, что система опромышления тайги, предложенная коопзверопромхозом, в значительной мере была рассчитана на пришлое население.

Таблица 4- Распределение фонда заработной платы по этническим группам на участке Нерха Тофаларского коопзверопромхоза (февраль — май 1992 г.)

Показатели	Тофалары	Русские
Среднее	643,5	1348,489
Медиана	478,5	817
Стандартное отклонение	614,8	1233,2
Коэффициент вариации	95,6	91,4
Интервал	2375,3	3615,5
Минимум	7,7	303,5
Максимум	2383	3919
Сумма	19305,65	12136,4
Счет	30	9

Отчасти это было связано и с тем, что в начале 1990-х гг., согласно экспедиционным материалам С.П.Елина, в поселке Верхняя Гутара наметилась тенденция сокращения видов работ, непосредственно связанных с опромышлением тайги и традиционными промыслами тофалар (производство кирпича, dranки, заготовка дров). Отдельно отмечалось, что руководство коопзверопромхоза не выражало «желания решать насущные проблемы подведомственной территории». Дополнительным аргументом в этом отношении служит и тот факт, что из-за исключительно низких расценок на сдаваемую пушнину ее перестали сдавать на участки КЗПХ не только лица, заключавшие кратковременные договоры, но и штатные охотники. Таким образом, и в этом районе система организации государственными органами занятости автохтонного населения не смогла принципиально решить проблему увеличения в структуре семейных бюджетов доли денежной массы, получаемой за счет подведомственных организаций. Население во всех случаях было вынуждено реализовывать часть продукции на «черном» рынке.

Специфика системы жизнеобеспечения автохтонного населения Тофаларии заключается в сохранении в хозяйственном комплексе значимости охоты как мясного, так и пушного направления. Охота считалась традиционной хозяйственной специализацией тофалар даже в условиях, когда оленеводство было выведено государством из производственного цикла большинства тофаларских семей.

Приусадебный комплекс в Тофаларии развит значительно слабее, что достаточно ясно прослеживается по данным таблиц распределения крупного рогатого скота и лошадей (см. табл. 5, 6). Прослеживается эта тенденция по ряду параметров. К их числу можно отнести следующие.

1. Высокий удельный вес простых (малых) семей, людские ресурсы которых не способствуют расширению приусадебного комплекса. Это достаточно явно видно по такому показателю, как численный состав семьи (см. табл.6). И у русских, и у тофалар как среднеарифметическое, так и коэффициент вариации

довольно ярко показывают, что в обследованных поселках доминируют семьи, численный состав которых не превышает 3-4 человек.

Таблица 5. Обеспеченность хозяйств крупным рогатым скотом и лошадьми в 1992 г.

Колич. голов на 1 хоз-во	Крупный рогатый скот				Лошади			
	тофалары		русские		тофалары		русские	
	п. Гутара	п. Нерха	п. Гутара	п. Нерха	п. Гутара	п. Нерха	п. Гутара	п. Нерха
0	77	37	50	26,3	78,6	74,4	52,2	63
1-3	15,9	63	35,6	57,4	18,6	25,6	39,1	21
3-5	7,1	—	11,8	31,2	2,8	—	4,3	16
5-7	—	—	2,6	5Д	—	—	2,2	—
17-19	—	—	—	—	—	—	2,2	—
	100	100	100	100	100	100	100	100

Таблица 6. Параметры состава семей и обеспеченности хозяйств скотом и землей в 1992 г.

Показатели	Параметры	Тофалары		Русские	
		В.Гутара	Нераа	В.Гутара	Нерха
Численный состав семьи (Х1)	Среднее	3,1	3,6	3,1	2,8
	Коэф. вариации, %	70	51	70	53
Число лиц трудоспособного возраста (Хг)	Среднее	1,7	2	1,4	1,5
	Коэф. вариации, %	65	53	57	50
Обеспеченность крупн. рог. скотом (Хз)	Среднее	0,5	0,9	1,1	1,7
	Коэф. вариации, %	212	85	140	83
Обеспеченность лошадьми (Х4)	Среднее	0,3	0,3	1,2	0,8
	Коэф. вариации, %	220	200	220	140
Площадь огорода, сотки (Хв)	Среднее	2,9	2,2	4,0	3,4
	Коэф. вариации, %	80	100	67	75

2. Обеспеченность хозяйств крупным рогатым скотом как показатель представляет особый интерес, поскольку данная отрасль для тофалар не традиционна и ее развитие — один из результатов национальной политики в этом районе. Данный показатель, как и следовало ожидать, у русских выше, чем у тофалар. В то же время то, что 50% русских семей в поселке Верхняя Гутара и 26,3% в поселке Нерха в период обследования вообще не держало скота, при существовавших проблемах снабжения поселков продовольствием — более чем показательный признак уровня их промысловой ориентации.

Необходимо отметить, что даже эти относительно высокие показатели обеспеченности скотом русских семей и поселка Нерха (по сравнению с другими этническими группами) в два раза ниже, чем аналогичные показатели в поселках Горной Шории. Возможно, это обусловлено высокой продуктивностью тайги Тофаларии, обеспечивающей большой выход товарной пушнины.

Отчасти развитие животноводства связано с ограниченной площадью сенокосных угодий, находящихся в разорванном контуре, длительностью стойлового периода, большими трудозатратам на заготовку кормов при незначительном

проектном покрытии пастбищ. Данный показатель по этнической группе тофалар достаточно ярко отражает, что животноводство не стало доминирующей отраслью в их хозяйственном комплексе.

3. Показатель обеспеченностью лошадьми в Тофаларии по всем группам значительно ниже аналогичного по полигонам Горной Шории. Это представляет исключительный интерес, поскольку лошадь в условиях горной тайги является основным транспортным средством в весенне-осенний период и одним из средств заброски продовольствия и снаряжения на промысловый период. Достаточно низкие показатели обуславливаются, как уже отмечалось, ограниченной площадью зимних пастбищ, прилегающих к поселкам, используемых в летний период под сенокосы, что резко снижает их продуктивность. Эта проблема имеет давнюю историю. Еще в дореволюционный период отмечались конфликты тофалар с русскими промысловиками, оставлявшими лошадей на свободном выпасе в долинах рек на весь промысловый период. В силу этого попытки отдельных организующихся «фермерских» хозяйств закрепить за собою участки высокого выпаса с целью развития коневодства, без сомнения, спровоцируют поземельные конфликты с характерной для них «этнической окраской».

4. Показатель обеспеченности хозяйств огородными участками — достаточно яркий маркер эффективности проводимого курса перевода тофалар на оседлость. Огородничество отсутствовало в традиционной системе жизни. Растительные продукты (дикоросы) присутствовали в пищевой цепи, однако в отличие от других этносов, осваивавших горно-таежные ландшафты Южно-Сибирского региона, тофалары не практиковали ручного земледелия. Обуславливалось это в первую очередь климатическими условиями: эпизодически повторяющиеся осенние заморозки не дают гарантированных урожаев овощей. Большинство из числа опрошенных респондентов отмечало, что, например, полученные урожаи картофеля даже в удачные годы обеспечивают семьи только на 5-7 месяцев, посевной же материал закупается в основном в городе, в соседних поселках и лишь в отдельных случаях у соседей. Изменить данную ситуацию за счет увеличения площади запашки до 1992 г. население поселков не пыталось. Количественные параметры достаточно ярко свидетельствуют, что площадь огородов здесь меньше, чем в предгорных районах и в Шории, а огородничество представляет собой вспомогательную отрасль хозяйства.

Корреляционные показатели, отражающие степень взаимосвязи между имеющимися в семьях трудовыми ресурсами (количество лиц трудоспособного возраста) и числовыми показателями обеспеченности хозяйств скотом и огородами (см. табл. 7), также подтверждают, что приусадебный комплекс трудно назвать сбалансированной системой, особенно у русской группы. В большинстве случаев мы сталкиваемся с низким уровнем взаимосвязи (до 0,4). Исключение составляет взаимосвязь «людские ресурсы — площадь огорода» у тофалар в поселке Нерха, однако низкие показатели средней обеспеченности при однородности группы по этому признаку свидетельствуют о том, что корреляционный по-

казатель здесь отражает не столько уровень развития, сколько наметившуюся тенденцию занятия огородничеством.

Таблица 7. Парная корреляция признаков (по Пирсону) в 1992 г.

	Русские		Тофалары	
	В. Гутара	Нерха	В. Гутара	Нерха
$r_{X_2X_3}$	0,3	0,4	0,3	0,5
$r_{X_2X_4}$	0,2	0,2	0,2	0,1
$r_{X_2X_5}$	0	0,1	0,9	0,2

Вместе с тем следует особо отметить, что мы имеем дело с параметрами, отражающими строго определенный хронологический срез. Уже на момент обследования при опросе респондентов было выявлено стремление значительной части семей увеличить площадь запашки и численность скота. Это стремление объяснялось снижением рентабельности промыслов, ограниченным числом наличности, начавшимися перебоями в завозе продовольствия из-за возросшей стоимости перелетов вертолетами. Однако скорее всего параметры развития приусадебного комплекса вряд ли возрастут более чем на порядок. Это связано с тем, что все тофаларские поселки расположены в долинных комплексах, серьезно ограничивающих возможности его экстенсивного развития. Не способствуют этому и относительно высокая концентрация населения, и отсутствие выселков.

Таким образом, система жизнеобеспечения тофалар поселков Верхняя Гутара и Нерха в период обследования в основном базировалась на промысловом комплексе, большая часть продукции которого реализовывалась на «черном» рынке в обход КЗПХ. В этом состоит принципиальное отличие тофаларской модели от моделей, сохраняющихся в Горной Шории, где при высоких показателях промысловой ориентации хозяйственный комплекс в значительной мере сказывается на развитии приусадебного комплекса.

Не вызывает сомнения, что современные системы жизнеобеспечения автохтонного населения обследованных полигонов по своим составляющим признакам отражают не столько принципиально новые модели, сколько серьезно трансформированные традиционные. Возникает вопрос: с чем мы имеем дело—стохастическими системами (когда внешнее воздействие не приводит к однозначному и синхронному изменению) или с механизмами восстановления и саморегуляции комплекса социальных связей после трансформации в этих районах колхозов в кооппромхоз? Эта проблема помимо научной имеет четко выраженную практическую значимость: любые попытки реализации стратегии на выделение территорий традиционного (приоритетного) природопользования, несомненно, поставят вопрос о принципах организации органов национального самоуправления и их полномочиях в регуляции поземельных отношений.

¹ *Миротворцев К. Я.* Карагасы: Статистико-экономический очерк. Иркутск, 1926.

² *Петри Э. Б.* Оленеводство у карагас. Иркутск, 1927. С. 15, 29, 31; *Залесский Н. В.* К этнографии и антропологии карагасов // Оттиск из Антропологического общества при Имп. Военно-медицинской академии. СПб., 1898. С.21.

³ *Петри Э. Б.* Охотничьи угодья и расселение карагас. Иркутск, 1927. С. 6-9; *Залесский Я. В.* К этнографии и антропологии карагасов. С. 48-49.

⁴ *Петри Э. Б.* 1) Оленеводство у карагас. С. 1, 9, 13, 21, 25-27, 35; 2) Промыслы у карагас. Иркутск, 1928. С. 3.

⁵ *Садовой А. Я.* Полевой дневник. Комплексная Тофаларская экспедиция Иркутского государственного объединенного музея. Июнь, 1992. Личный архив. Л. 74-75.

В. М. Кимеев, В. П. Кривоногое

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ СРЕДИ ТАТАР-КАЛМАКОВ

Этносоциологическое обследование татар-калмаков Кузбасса проводилось дважды: в 1970 г.—омским этнографом Н. А. Томиловым и в 1993 г.—кемеровским этнографом В. М. Кимеевым совместно с красноярским этносоциологом В. П. Кривоноговым.

В первом случае проводилось выборочное обследование с целью выявления генеалогий и этнографических особенностей калмаков как этнографической группы томских татар. В 1993 г. ставилось несколько задач, в первую очередь — опросить всех татар, кто относит себя к калмакам. Таких в сельской местности набралось около 150 человек, что составило около 90% возможных калмаков. Большие трудности возникли при выявлении калмаков в г. Юрга, где последние сильно смешались с казанскими татарами. Всего было заполнено 40 опросных листов, что, по предварительным подсчетам, составляет менее трети городских калмаков. Общая же численность татар-калмаков, по происхождению и самосознанию, и татар, связанных кровным родством с калмаками, но таковыми себя уже не считающих (180), составила приблизительно около 500 человек, из них калмаков по самосознанию насчитывалось всего 300 человек.

Опрос потомков калмаков проводился по специальному опросному листу, состоявшему из 45 вопросов. Кроме того, предварительно изучались архивные материалы, документы сельсоветов, проводилась работа с информаторами и экспертами. Попутно изучались этноязыковые процессы, степень сохранения этнических особенностей в разных сферах материальной и духовной культуры, характер межнациональных отношений.

Необходимо отметить, что сами калмаки в настоящее время свой этноним произносят по-разному: юргинские (калмыктар), как «калмыки», яшкинские

© В. М. Кимеев, В. П. Кривоногое, 2004

(калмактар) — как «калмаки». Мы считаем целесообразным пользоваться вторым самоназванием, поскольку оно утвердилось в научной литературе и не вносит путаницы.

По происхождению калмаки считаются потомками «выходцев на царевы беглых приобских «белых калмыков» (телеутов), смешавшихся на новой родине с томско-кузнецкими тюрками «горных порубежных волостей» и поволжскими татарами-переселенцами.

Из русских исторических документов достоверно известно, что в 1661-1662 гг., спасаясь от голода из-за гибели скота в эпоху «калмацких войн», телеутские князья Ирка Уделеков, Балык Кожанов, Бандас Изыгашев «з женами и з детьми» двумя группами в количестве 25 кибиток (75 семей или около 300 человек) откочевали под Томский острог в живописную, богатую пастбищами долину реки Искитим, левого притока р. Томи. Переселение шло двумя группами и в разное время. Первая группа князя Балыка Кожанова в количестве 45 человек мужчин, вероятно, появилась в Нижнем Притомье в 1662 г., вторая — племянника телеутского князя Мачика, князя Ирки Уделекова подкочевала сюда год спустя.¹

За верную десятилетнюю службу в качестве пограничных конных казаков царь Алексей Михайлович пожаловал им в 1673 г. порожние земли «под пашни и под скотский выпуск и под сенные покосы и на усадьбища вверх по Томе реке на устье Искитим реки по обе стороны».

Несмотря на измену в том же 1673 г. Ирки Уделекова, который вместе с Баскаулом и 15 соплеменниками бежал «за рубеж» «вверх по Томе реке», при этом «русские деревни и пашни повоевал и выжег, и сам он, вор, побегал из Томска в свою калмыцкую землю на побег со своими улусными людьми», а также убийство в 1674 г. князя Балыка Кожанова, его братьев и детей посильными телеутского князя Табуна Кокина, основная масса калмаков навсегда осела в здешних местах. Первым постоянным поселением калмаков-скотоводов стал Зимник — «Зимовье». В центре его в месте слияния реки Кожановки (может быть, ее название произошло от имени князя Кожанова?) на холме до сих пор сохранились остатки пограничного «острожка» и несколько небольших курганных погребений тюрков, а сам холм, по поверьям местных татар-мусульман, считается священным. Остальные калмацкие поселки, расположенные в долине Искитима — Улус, Шалай, Усть-Искитим — бывшие разросшиеся летние заимки.

Правобережная нижнетомская группа калмаков формировалась по-своему. Еще с началом строительства в 1689 г. Московского тракта и образованием вдоль него многочисленных русских деревень часть калмаков в поисках лучших свободных пастбищ переправилась на противоположный берег р. Томи и обосновалась в землянках вблизи Сосновского острога в пойме Томской курьи с великолепными заливными лугами. В этих местах еще со времен позднего средневековья, судя по археологическим находкам, обитали томско-кузнецкие тюрки «горных порубежных волостей».

Разбогатеv на торговле сеном и продуктами скотоводства, калмаки с помощью русских плотников срубили к началу XX в. великолепные деревянные двухэтажные дома, мечеть и мусульманскую школу— медресе. Постепенно сформировалась сохранившаяся до сегодняшнего дня историческая часть современного поселка Юрты-Константиновы, где сейчас создается экомузей «Калмак».

В 70-80-х годах XX в. расселение калмаков претерпело значительные изменения. Основной «калмацкий» по составу населения поселок — Большой Улус был ликвидирован в процессе всеобщей кампании «укрупнения», а его жители разъехались по окрестным русским и татарским деревням. Многие перебрались в соседний город Юргу — крупный промышленный центр, расположенный в непосредственной близости от калмацких поселений. Улусенские калмаки проживают в соседнем поселке Лотовой, в чисто татарской деревне Сар-Саз, в Зимнике и на центральной усадьбе совхоза Искитимский. Ликвидация Большого Улуса — переломный момент в этнической истории калмаков, резко активизировавший процесс ассимиляции калмаков татарами и русскими. На месте бывшего Большого Улуса сейчас расположен дачный поселок жителей Юрги.

В Зимнике и Сар-Сазе калмаки контактируют преимущественно с татарами (в Сар-Сазе — с башкирскими татарами группы «балябай», в Зимнике — с мишарями), в Логовом и совхозе Искитимский — с русскими, в Юрт-Константиновых — и с татарами, и с русскими. Только в Юрт-Константиновых калмаки — коренные жители, во всех остальных поселках большинство калмаков — выходцы из Большого Улуса (в том числе и в Зимнике, так как коренные «зимниковские» калмаки в большинстве своем к калмакам себя уже не относят).

Таблица 1. Расселение калмаков в 1993 г. (по материалам экспедиции)

Населенный пункт	Общее колич. чел.	Колич. чел. в поселке, в т. ч.	
		татары	калмаки, %
Зимник	709	368	44
Сар-Саз	475	286	34
Лотовой	129	12	21
с-з Искитимский	1324	104	14
Юрты-Константиновы	164	64	54

Среди городских калмаков в Юрге также большинство составляют выходцы из Большого Улуса (Юрт-Константиновская молодежь уезжает в основном в Томск, а не в Юргу, в силу его географического положения).

Из 151 калмака, опрошенного экспедицией, 54 ведут свое происхождение из Юрт-Константиновых, 17 — из Зимника, 79 — из Большого Улуса.

Татары, кровнородственные калмакам, но не относящие себя к последним, сконцентрированы главным образом в Зимнике (в большей степени) и в Юрт-Константиновых (в меньшей степени).

В основном это потомки ассимилированных татарами-мишарями зимниковских калмаков. Оказавшись уже в начале XIX в. в численном меньшинстве в

собственном селе, они утратили особенности языка, а затем слились с мишарями посредством смешанных браков.

Переселение группы калмаков из Большого Улуса в Зимник у коренных жителей не разбудило воспоминаний о калмацком происхождении, а скорее еще больше сблизило их с мишарями, а ведь и те и другие воспринимались в сельской местности как «местные», а калмаки из Большого Улуса как «пришлые», «чужие». Появление улусинских калмаков наглядно показало, что язык их зимниковских соплеменников отнюдь не калмацкий, а просто татарский, не отличный от языка мишарей. В Зимнике понятие «говорить по-калмацки» фактически заменено выражением «говорить по-улусински».

Лишь для небольшой группы зимниковских калмаков переселение соплеменников привело к возрождению калмацкого самосознания. Это касается тех, кто вступил с переселенцами в брак, и второго поколения от таких браков. Как уже отмечалось, всего 17 человек из Зимника осознавали себя калмаками, но у большинства из них один из родителей был родом из Большого Улуса и лишь у трех стариков оба родителя — зимниковские калмаки.

По всем этническим характеристикам потомки калмаков различаются в зависимости от места происхождения: максимально калмацкие этнические черты проявляются у выходцев из Большого Улуса, минимально — из Зимника, юрт-константиновские калмаки занимают промежуточное положение. В прошлом эти различия были еще ярче, но после ликвидации Большого Улуса его обитатели начали быстро «догонять» своих соплеменников из двух других поселков, сближаясь с татарами и русскими. Новое поколение улусинских калмаков по своим этническим характеристикам почти не отличается от юртовских, разница заметна только по старшим поколениям.

На дальнейшие изменения в расселении калмаков, на наш взгляд, будут влиять многие причины, прежде всего масштабность и интенсивность урбанизации. Юрга во все большей степени «высасывает» молодежь из соседних деревень, а о сохранении этнической самобытности в городских условиях говорить не приходится. Правда, миграционные настроения у калмаков не слишком развиты. При опросе выяснилось, что 87,1% калмаков не склонны к перемене места жительства, их устраивает настоящее положение, а из 11,5% желающих переехать многие нацелены на соседнюю деревню, а не на город. За обобщенной цифрой потенциальных мигрантов скрываются различия по возрастным группам, но даже в наиболее подвижной группе молодежи (16-29 лет) число склонных к перемене места жительства не достигает четверти (22,2%), а с возрастом этот показатель падает до 16,7% (30-40 лет) и 5,3% (50 лет и старше).

Это достаточно скромное число желающих переехать оставляет надежду на стабильность существующей системы расселения калмаков и еще раз подчеркивает, что происшедшие в жизни большинства калмаков миграции были вынужденными. К 1993 г. в месте своего рождения проживало лишь 32,2% взрослых калмаков, это в основном жители Юрт-Константиновых, а большинство

остальных только ностальгически вздыхало по утерянной «малой родине» — Большому Улусу. Впрочем, многие туда так или иначе вернутся — старики завещают хоронить себя именно там. Но переехать туда на жительство вряд ли удастся — район этот активно застраивается домами городских дачников.

Очень важная и чрезвычайно сложная проблема — использование этнонимов и особенно этническое самоопределение потомков калмаков, проблема сложная и для исследования и, как оказалось, для самих информаторов. Об этом свидетельствует тот факт, что в ходе экспедиции пришлось даже отказаться от привлечения студентов, поскольку при беседах с калмаками возникала необходимость задавать массу дополнительных вопросов, не предусмотренных в опросном листе.

Все калмаки используют этноним «татары», под ним они значатся в паспортах, во всех официальных документах. Употребление этнонима «калмак» обусловлено самой методикой исследования — ведь в число опрошенных включались именно те, кто этот этноним применяет к себе. Как уже говорилось, велико число и тех, кто связан с калмаками родством, но к калмакам себя не относит. Они не вошли в число 191 опрошенных.

Третьим термином, используемым для этнического самоопределения, оказался термин «сибирские татары». Его признает за собой 41,2% взрослых калмаков. Трактовка этого термина потребовала включить в опросник несколько дополнительных вопросов и уточнений, в результате которых выявились три различных смысла, вкладываемых в него населением данного региона:

1) просто татары, родившиеся в Сибири, в том числе потомки казанских, поволжских татар; в этом значении подразумевается лишь место рождения и проживания и не вкладывается собственно этнический смысл;

2) калмаки, которые знают, что их предки не переселены с Поволжья, а являются коренными сибиряками; под «сибирскими татарами» калмаки подразумевают самих себя и противопоставляют приезжим татарам и их потомкам, при этом калмаки не объединяют себя с другими группами сибирских татар — тоболо-иртышскими, барабинскими и т. д., о существовании которых большинство даже не слышали;

3) сибирско-татарский этнос, включающий в себя потомков населения Сибирского ханства (тоболо-иртышские, барабинские, томские и другие татары).

Без дополнительных выяснений смысла, вкладываемого респондентами в термин «сибирские татары», можно было бы легко прийти к ошибочным выводам, поскольку его признают за собой и многие местные татары, потомки переселенцев из Поволжья, не имеющие генетически и этнически никакого отношения ни к калмакам, ни к собственно сибирско-татарскому этносу. Они используют этот термин в первом смысле. Углубленные исследования, проведенные в калмацких селах с привлечением опытных информаторов и экспертов, позволили прийти к выводу, что потомки калмаков в большинстве своем применяют этот термин во втором смысле, а значит, использование его нельзя

трактовать как показатель консолидации калмаков с другими группами сибирско-татарского этноса. То, что процесс этой консолидации шел в прошлом, нельзя отрицать, это убедительно доказано в работах Н. А. Томилова и др. Однако в последние десятилетия этнические процессы приняли другое направление. Отголоском прошлых связей калмаков с сибирскими татарами является лишь факт признания родства с ними нескольких человек и небольшое число калмацко-чатских браков в Юрт-Константиновых. Что касается современных этнических ориентаций калмаков, то картину проясняют ответы на вопрос о собственно этнической принадлежности респондентов. Из нескольких предложенных вариантов они выбрали три:

1. Калмаки — отдельный от татар и других национальностей народ (40,1% взрослых калмаков старше 15 лет).

2. Калмаки — отличная от других татар группа, связанная происхождением с Сибирью, но составляющая с поволжскими татарами один народ (иными словами, калмаки — субэтнос татарского народа) (55,9%).

3. Калмаки — составная часть сибирско-татарского народа (20%).

Оставшиеся 2% затруднились в ответе. Надо признать, что эти вопросы ставили в тупик многих калмаков — сами они никогда над ними не задумывались, так что «затруднявшихся» было не 2%, а гораздо больше. И лишь поставленные перед необходимостью выбрать тот или иной вариант ответа после долгих раздумий они склонялись к тому или иному варианту, причем в ходе беседы могли несколько раз поменять свое мнение. Следовательно, приведенные цифры весьма условны, границы между разными группами калмаков, ответивших по-разному, не четки. И это естественно, так как калмаки находятся в стадии этнической трансформации, в переходном состоянии, когда они еще помнят о своем калмацком происхождении, но также признают себя татарами и остальных татар уже считают «своими».

Зыбко и неустойчиво этническое самосознание не только у тех, кто отнес себя к калмакам, но и у их сородичей, которые калмаками себя уже не считают. Разные ответы порой дают близкие родственники. Можно встретить, например, трех братьев, из которых один определяет себя просто татарин, второй — калмаком, не отрицающим свою принадлежность и к татарскому народу, а третий заявляет, что он — катмак, а татары — «другой народ». При этом по этническим характеристикам, по языку братья ничем не различаются между собой. Иногда при работе с информаторами случались и комические ситуации. Некоторые молодые респонденты впервые от нас узнавали, что есть какие-то калмаки, и для них новостью оказалось, что к этим калмакам относятся их родители. Только тут они впервые задумались, кто же они сами. Кто-то тут же принимал решение быть калмаком — «раз родители калмаки, то и я тоже»; кто-то оставался просто татарин.

Но при всей относительности этнического самоопределения, неустойчивости границ между группами калмаков, по-разному себя определивших, можно сде-

ть вывод о том, что «списывать» калмацкую этническую общность в архив истории еще рано. Часть потомков калмаков уверенно относит себя к калмацкой общности, считая ее отдельным, хотя и маленьким народом. Другая часть, зная единство с поволжскими татарами, не забывает о своем особом — калмацком, сибирском — происхождении, использует прежний этноним, который для нее стал субэтнонимом. Эти две группы калмаков постоянно несут «культурные потери», вступая в смешанные браки, ассимилируясь и растворяясь в среде потомков поволжских татар. Процесс «растворения» прошли почти все юртовские калмаки. В начальной или средней части этого пути находятся ходоки из Большого Улуса и Юрт-Константиновых.

Имевший место в прошлом процесс консолидации калмаков с другими группами сибирских татар, прежде всего с томскими, так и не завершился и был «заморожен» взаимодействием с поволжскими татарами. Здесь сыграл роль территориальный фактор — европейские татары, хотя и генетически более далекие, жили территориально более близкими, живут в одних селах с калмаками, поэтому время как с томскими соседствуют только юрт-константиновские калмаки, да и то оказались с ними по разные стороны областных границ. Постепенно уменьшалось количество браков калмаков с чатами, тогда как с еврейскими татарами — резко возросло. Поволжско-татарское влияние в результате оказалось сильнее сибирско-татарского. Усиление самосознания общности калмаков отчетливо показывает сравнение показателей по поколениям (табл. 2).

Таблица 2. Этническое самоопределение потомков калмаков в зависимости от возраста (в%)

Распределение мнений по возрастам	40 лет и старше	16-39 лет
«Калмаки — отдельный народ»	43,2	35,6
«Калмаки — часть сибирских татар»	2,3	1,7
«Калмаки и поволжские татары — один народ»	51,1	62,7
Нет ответа	3,4	—

Ассимиляция калмаков потомками поволжских татар пока не приняла «обязательного» характера, идет постепенно, и калмакам удается воспроизводить в какой-то мере свою численность, передавая этническое самосознание части своим детям. О характере воспроизводства поколений говорит половозрастная структура калмаков (см. табл.3).

Малочисленность группы сорокалетних объясняется, как и у других народов страны, влиянием войны, а вот уменьшение числа детей по сравнению, например, с группой тридцатилетних, связано отнюдь не только с «эхом войны» и снижением рождаемости, но и с ходом этнических процессов: многие калмаки, особенно в смешанных браках, становятся «просто татарами», калмацкое самосознание им не передается.

Таблица 3. Половозрастная структура калмаков, %

Возраст	Мужчины	Женщины
70 и старше	4	17
60-69	10	18
50-59	15	13
40-49	4	8
30-39	23	20
20-29	10	8
10-19	9	11
До 10 лет	11	10

Естественное движение калмацкого населения, если построить прогноз на 2-3 десятилетия вперед, будет вести к медленному, постепенному снижению численности калмаков при условии, что протекающие сейчас процессы будут идти тем же темпом.

В разных селах демографическая ситуация различна. Сменяемость поколений более или менее обеспечена лишь в Юрт-Константиновых и Сар-Сазе, где дети до 16 лет составляют соответственно 26,5 и 26,3% общего числа калмаков. В других селах дети явно не возместят уходящее поколение: в Логовом их доля достигает всего 10%, а в Зимнике — 5%.

Одним из важнейших показателей интенсивности и направленности этнических процессов служат смешанные браки. Если учесть незначительность численности калмаков, дисперсный характер их расселения среди татар и русских, то становится ясно, что проблема таких браков — это по сути показатель сохранения или исчезновения калмацкой общности как этнической единицы. Калмакам отнюдь не свойственно стремление к самоизоляции — количество смешанных браков позволяет говорить о «прорыве» эндогамии.

В сельской местности калмаки живут (если не считать одиночек) в 19 однонациональных и 60 смешанных семьях. В числе последних 38 — семьи, где калмаки проживают вместе с татарами и другими близкородственными тюркскими мусульманскими народами, в 22 семьях калмаки проживают вместе с русскими и представителями других европейских народов. Точнее характеризуют положение данные о национальности супружеских пар калмаков (см. табл.4).

Таблица 4- Национальность супружеских пар калмаков (сельское население), %

Национальность супругов	калмаки	
	Мужчины	Женщины
Калмаки	15	15
Татары	14	14
Башкиры	1	1
Русские	9	7
Украинцы	—	1
Немцы	—	1
Мордва	—	1

В смешанных браках состоит 62,5% семейных мужчин-калмаков, такой же показатель у женщин.

Отсутствие эндогамных барьеров ведет к активизации процесса ассимиляции с татарским окружением, а учащение браков с русскими придало новое направление этническим процессам.

Запись генеалогии калмаков показала, что более половины из них (52,9%) — этнически смешанного происхождения (см. табл.5).

Таблица 5. Этническое происхождение калмаков по данным генеалогий

Национальность ближайших предков	Человек	%
Только калмаки	90	47,1
Калмаки, татары	65	34,0
Калмаки, чаты	14	7,4
Калмаки, татары, чаты	4	2,1
Калмаки, русские	6	3,1
Калмаки, татары, русские	4	2,1
Калмаки, татары, чаты, русские	1	0,5
Калмаки, мордва	4	2,1
Калмаки, татары, чаты, мордва	2	1,1
Калмаки, татары, немцы	1	0,5
Всего	191	100

Ту или иную долю «татарской крови» имеют 40,3% калмаков, чатский компонент составляет 11%, русский —5,8, других европейских народов —3,7%.

Со сменой поколений смешение нарастает.

Таблица 6. Иноэтничный компонент у калмаков, %

Возраст	Калмаки			
	не имеющие иноэтнических предков	имеющие предков-татар	имеющие предков-чатов	имеющие русских предков или представителей других европейских народов
70 и старше	76,2	9,5	14,3	—
60-69	71,4	14,3	14,3	—
50-59	53,6	35,7	10,7	—
40-49	66,7	25,0	16,7	—
30-39	44,2	51,2	7,0	2,3
20-29	38,9	50,0	11,1	5,5
10-19	10,0	70,0	10,0	35,0
10-9	14,3	61,9	9,5	42,8

Несомненно, что такое интенсивное смешение способствует сближению и в конечном счете слиянию калмаков с поволжскими татарами, а в последние 20 лет усилилось взаимодействие с русскими и другими европейскими народами.

Взаимодействие в браках с сибирскими татарами (чатами) заметно слабее, чем с потомками переселенцев с Поволжья, да и свойственно не всем калма-

кам, а лишь юрт-константиновским (в этом поселке имеют ту или иную долю чатского компонента 25,5% калмаков).

Как уже отмечалось, отнюдь не все дети из калмацких семей причисляются родителями к калмакам, особенно в смешанных браках. Нам удалось выявить, что в смешанных калмацко-татарских семьях лишь 25,5% детей определены родителями как калмаки, остальные причислены ими к татарам. В смешанных браках калмаков с русскими и другими европейскими народами причислены к калмакам 41,1% детей, т.е. тоже меньшинство. Таким образом, смешанные браки — катализатор включения калмаков в общетатарскую общность, посредством них значительная часть детей калмаков вливается в татарский этнос. Но и те из детей, которые восприняли калмацкое самосознание, имеют многие этнические свойства второго этноса, а собственно калмацкие свойства у них ослаблены.

Язык — важнейший показатель «этничности» группы. Многие потомки калмаков трехязычны: владеют калмацкой речью, знают поволжско-татарский язык и говорят по-русски. Этноязыковая ситуация показана в серии таблиц (см. табл. 7, 8, 9).

Таблицы 7 и 8 показывают решительное вторжение в жизнь калмаков русского языка, не менее быстрое отступление калмацкого и противоречивое положение с татарским языком — число признающих его родным растет, а интенсивность использования падает по мере смены поколений.

Таблица 7. Родной язык калмаков в зависимости от возраста, %

Возраст	Родной язык		
	Калмацкий	Татарский	Русский
50 лет и старше	88,3	14,3	0,0
20-49	75,3	20,5	5,4
0-19	26,8	24,4	75,5
Итого	70,1	18,9	18,4

Таблица 8. Основной разговорный язык калмаков в зависимости от возраста, %

Возраст	Разговорный язык		
	Калмацкий	Татарский	Русский
50 лет и старше	74,3	41,0	29,4
20-49	40,9	29,6	67,2
0-19	9,5	19,0	95,2
Итого	47,6	32,1	58,1

Между отдельными селами в бытовании и использовании языков есть некоторая разница — татарский язык прочнее утвердился среди калмаков Сар-Саза, калмацкий язык медленнее сдает позиции в Логовом, Юрт-Константиновых и Зимнике, русский язык активнее наступает в совхозе Искитимский и г.Юрге.

Если сделать перерасчет по месту рождения калмаков, то более широким применением калмацкого языка отличаются выходцы из Большого Улуса, татарского — зимниковские калмаки (см. табл.9).

Таблица 9. Данные о родном и основном разговорном языках у калмаков в зависимости от места рождения, %

Место рождения респондентов или их родителей	Родной язык			Разговорный язык		
	Калмацкий	Татарский	Русский	Калмацкий	Татарский	Русский
Большой Улус	77,5	18,8	11,3	51,8	40,5	50,6
Юрт-Константиновых	66,7	12,9	22,2	50,0	20,4	59,3
Зимник	62,2	43,7	6,3	23,5	52,9	58,8

Многие калмаки отрицают существование калмацкого языка, а считают свою речь лишь разновидностью, диалектом татарского языка (точно так же, как многие не считают себя отдельным народом, а лишь небольшой группой в составе татар). Отсутствие литературных норм, письменности у калмаков заметно обеднило и сузило функции калмацкой речи, часть слов заменяется татарскими эквивалентами. Нередко калмаки применяют уничижительные эпитеты к своей речи: наш язык «твердый», «грубый», «некрасивый», а татарский — «мягкий», «красивый».

Татарский язык одержал полную победу среди калмаков Зимника, этот факт лингвисты отмечали и раньше. И если сейчас часть зимниковских калмаков и знает калмацкий язык, то лишь в результате тесного общения с сородичами из Большого Улуса — как указывалось выше, у многих зимниковских калмаков, признающих себя таковыми, один из родителей из Большого Улуса. Здесь речь идет лишь о небольшой группе жителей Зимника, признававших себя калмаками, но надо учитывать, что основная часть коренных жителей Зимника калмаками себя не признает и давно говорит только по-татарски.

Показатели степени владения языком приведены в табл. 10 и 11 лишь по калмацкому и татарскому языкам, так как русским владеют практически все за исключением нескольких стариков.

Таблица 10. Степень владения калмацким языком в зависимости от возраста, %

Возраст	Свободно	С затруднением	Понимают, но не говорят	Не владеют
50 лет и старше	89,6	1,3	2,6	6,5
20-49	71,2	8,2	16,4	4,2
0-19	19,5	17,1	31,7	31,7
Итого	67,5	7,4	14,1	11,0

Среди калмаков этнически смешанного происхождения знание калмацкого языка хуже, а татарского и русского лучше, чем у чистокровных калмаков. Например, в возрасте 20-29 лет свободно владеют калмацким языком 85,3%

чистокровных калмаков и 58,9% метисов, среди детей соответственно 40,0 и 16,7%, т.е. смешанные браки, метисация способствуют исчезновению калмацкой специфики.

Таблица 11. Степень владения калмаками татарским языком в зависимости от возраста, %

Возраст	Свободно	С затруднением	Понимают, но не говорят	Не владеют
50 лет и старше	71,4	16,8	11,8	—
20-49	53,4	20,6	16,4	9,6
0-19	22,0	7,3	9,7	61,0
Итого	53,9	16,3	13,1	16,7

Таблица 12. Язык общения с родителями, %

Возраст	Калмацкий	Татарский	Русский
50 лет и старше	91,7	11,6	1,4
20-49	81,7	19,9	7,0
0-19	56,1	29,2	92,7
Итого	79,5	18,8	24,2

Если оба родителя — калмаки, то в общении с ними используют калмацкий язык 92,8%, татарский — 7, русский — 6%. Если один из родителей татарин, то используют калмацкий язык 69,9%, татарский — 37,9, русский — 31,8%. Если один из родителей русский, то калмацким языком пользуются 41,2%, татарским — 11,7, русским — 100%.

Таблица 13. Язык общения между супругами-калмаками, %

Возраст	Калмацкий	Татарский	Русский
50 лет и старше	65,5	31,0	10,3
30-49	39,1	26,1	54,3
До 30 лет	25,0	62,5	37,5
Итого	51,7	31,2	30,4

Если супруги относятся к калмакам, то используют калмацкий язык 88,3%, татарский — 24,1, русский — 12,5%. Если один из супругов — татарин, то говорят с ним по-калмацки 20,9%, по-татарски — 75,8%. Если брак заключен с русскими или другими европейскими народами, то калмацкий язык используют при общении 9,3%, татарский — 13,4, русский — 100%.

Внедрение поволжско-татарского языка в обиход калмаков происходило не только под влиянием непосредственных контактов с переселенцами, но и через национальные школы, существовавшие в калмацких поселках в 30-50-е годы XX в. Татарский литературный язык изучали в школе 83,8% калмаков в возрасте старше 50 лет. Среди сорокалетних число прошедших в детстве обучение в таких школах составляет 53,8%, а более молодые поколения были лишены

этой возможности, так как национальные школы были ликвидированы и языком обучения стал русский.

Таблица Ц• Язык общения калмаков с братьями и сестрами в зависимости от возраста, %

Возраст	Калмацкий	Татарский	Русский
50 лет и старше	80,0	21,5	6,1
20-49	65,7	22,4	28,3
До 20 лет	5,4	8,1	97,3
Итого	57,6	18,8	34,7

Таблица 15. Язык общения калмаков с детьми, %

Возраст	Калмацкий	Татарский	Русский
50 лет и старше	61,0	28,8	28,8
30-49	45,9	21,6	78,4
До 30 лет	—	66,7	66,7
Итого	52,0	28,4	49,0

Таблица 16. Язык общения калмаков с друзьями, сверстниками, %

Возраст	Калмацкий	Татарский	Русский
50 лет и старше	73,9	52,1	54,8
20-49	62,5	47,2	93,1
До 20 лет	6,2	9,4	100,0
Итого	57,0	42,3	78,5

Таблица 17. Язык общения калмаков в трудовой деятельности, %

Возраст	Калмацкий	Татарский	Русский
50 лет и старше	51,6	27,4	80,6
30-49	23,6	16,4	94,5
До 30 лет	25,0	25,0	93,8
Итого	36,8	22,5	88,0

В последнее десятилетие предприняты попытки вернуть татарский язык в школы. В 1993 г. нам встретилось несколько детей, которые начали изучать татарскую письменность. Но задача учителями была поставлена трудная — для большинства детей разговорный язык — русский, поэтому татарский язык ими осваивался с трудом, к тому же для большинства он не был родным. Тем не менее сами родители-калмаки почти единодушно высказали желание, чтобы их дети, внуки изучали татарский язык в школе. Эту идею поддержало 74% взрослых калмаков, еще 8,9% не проявили большого энтузиазма («можно, но не обязательно»), против оказалось 15,1%, затруднились в ответе 2%. Видимо,

татарский литературный язык и письменность вполне устраивают калмаков; но крайней мере идею разработки особой калмацкой письменности поддержало явное меньшинство (18,6%), еще меньше тех, кто считает необходимым внедрение этого языка в программу школ (13,8%). Основная же часть калмаков получила образование в русских школах. Об общем уровне образования свидетельствует табл. 18.

Таблица 18. Уровень образования калмаков (16 лет и старше), %

Образование	Мужчины	Женщины
Неграмотные	—	8,0
Малограмотные	—	4,4
Начальное	32,3	30,7
Неполное среднее	15,4	15,9
Среднее полное	32,3	18,3
Среднее специальное	18,5	21,5
Незаконченное высшее	1,5	—
Высшее	—	1,2

С уровнем образования коррелирует социальная структура калмаков, которая по типу не отличается от социальной структуры русских и татар. Среди работающих калмаков неквалифицированным трудом занимались 27,2%, квалифицированные рабочие и механизаторы составили 44,4, служащие — 9,9, специалисты со средним специальным и высшим образованием — 14,8, руководители разных звеньев — 2,4, предприниматели — 1,2%.

Отношение к родному языку калмаков сказалось на тех сферах духовной культуры, которые непосредственно с ним связаны.

Оказалось, что из песенного жанра калмацкий язык вытеснен почти полностью — калмаки поют по-русски и по-татарски, на поволжско-татарском языке. Лишь 7,5% калмаков, в основном стариков, ответили, что поют на калмацком языке. Большинство калмаков не знают и даже не слышали калмацких песен, только 4,5% знают свыше пяти песен, еще 6,4% — менее пяти. С татарскими песнями положение, несомненно, лучше — 35,2% помнят более пяти песен, еще 30% — до пяти. Табл. 19 показывает, на каком языке предпочитают петь калмаки в разных поколениях.

Таблица 19. Язык песен

Возраст	Калмацкий	Татарский	Русский
50 лет и старше	14,1	89,1	31,3
20-49	4,3	55,9	80,0
7-9	—	4,0	100,0

В жанре народной сказки калмацкая специфика сохранилась лучше. Хотя помнят несколько сказок всего 2,9% калмаков, но слышали их 35,8%. По татарским сказкам показатель примерно такой же: слышали их в детстве 35,3%

калмаков, а могут рассказать своим детям 8,6%. При этом нужно оговориться, что сами респонденты весьма слабо разбираются в том, какие сказки собственно калмацкие, а какие — татарские. Это вынудило в ходе исследования внести коррективы в вопрос, и он стал звучать таким образом: «На каком языке они слышали, могут рассказать сказки?». Не исключено, что речь идет об одних и тех же сказках, но рассказанных и услышанных на разных языках, в зависимости от того, каким языком рассказчик лучше владел.

Дети и молодежь до 20 лет национальных сказок не только не знают, но и не слышали ни на калмацком, ни на татарском языках. Этот жанр уходит из народной культуры по мере смены поколений.

Несмотря на натиск урбанизированной массовой культуры, калмаки, как и их татарское окружение, приходят в восторг, если слышат татарские песни и музыку по радио или телевидению. Когда изредка приезжают на гастроли татарские ансамбли, недостатка в зрителях не бывает. Предпочтение татарскому народному искусству отдают 95% взрослых калмаков! Любят слушать песни, смотреть концерты на русском языке 29,2%, а на иностранных языках — 10,4%. Удивительно, что предпочтение концертам на татарском языке отдает даже молодежь: в группе 16 -19 лет его высказали 88,3%, в то время как концерты на иностранных языках пользуются симпатией лишь у 23,7% молодых людей.

Во всех случаях здесь идет речь о концертах, песнях на поволжско-татарском языке, калмацкий же язык в расчет респондентами не принимается. Многие считают, что калмацкий язык вообще не подходит для сцены. Судя по всему, в художественной самодеятельности использовался лишь татарский язык, и употребление в этой роли калмацкого языка кажется многим непривычным или даже невозможным. Существует предубеждение, что место калмацкому языку только в быту, но не на сцене, не в искусстве. Некоторым кажется, что «грубый» калмацкий диалект не приспособлен для «тонких сфер».

Владение татарской письменностью, свойственное старшим поколениям, находило применение в чтении татарских газет, журналов. Однако об этом можно говорить лишь в прошедшем времени — резкое удорожание прессы вынудило большинство семей отказаться от подписки на газеты и журналы. Лишь в 10 семьях выписывают по одному татарскому журналу и в 1 семье подписались в 1993 г. на газету. Пожилые люди, пенсионеры с невысокими доходами, владеющие татарской письменностью, не могут позволить себе подобные траты, а более обеспеченные калмаки среднего возраста не выписывают ее из-за незнания письменности. Прессу на русском языке выписывает большинство калмаков, за исключением одиноких малограмотных пожилых людей. Книг на татарском языке у калмаков почти нет, по крайней мере их — единицы.

Многие сферы материальной культуры калмаков оказались начисто лишены этнической специфики. Нет ее в типе жилища, интерьере. В 92,5% семей не нашлось ни одной вещи из посуды, утвари, инструментов, которая указыва-

ла бы на национальную принадлежность хозяев. А несколько встретившихся предметов имели не калмацкое, а татарское происхождение (7,5% семей). Вся одежда калмаков покупная, а вся «национальная специфика» — несколько узбекских тюбетеек, встретившихся у 6,8% опрошенных, в основном пожилых мужчин.

Иная картина наблюдается в пище калмаков. Правда, здесь о калмацкой специфике говорить не приходится, но что касается татарской кухни, то многие ее блюда стойко сохраняются в рационе калмаков.

Использование калмаками татарской кухни, %

Регулярно	49,7
Изредка, по праздникам	40,4
Знают, но не готовят	8,6
Не знакомы	1,3

В ходе опроса несколько знатоков национальной кухни вспомнили, что в прошлом кухня татар и калмаков различалась в некоторых деталях приготовления, в названиях блюд, но различия эти крайне незначительны и вряд ли в последние полвека можно говорить об особой калмацкой кухне.

Татарские блюда скорее всего составляют не основу, а дополнение к пище, общей для всего населения региона, включая русских. Даже свинина вошла в употребление, хотя совсем недавно блюда из нее были немыслимы для мусульман. И сейчас небольшая часть пожилых людей относится к свиноводству неодобрительно и свинину старается не употреблять, но таких меньшинство.

К сожалению, довольно широкое распространение среди калмаков и татар получили алкогольные напитки, по уровню их употребления татарские деревни вряд ли уступают соседним русским.

Если обратиться к духовной культуре калмаков, то калмацкая, да и татарская специфика для них самих идентична мусульманскому мировоззрению. Насколько сохранилось это мировоззрение в жизни калмаков?

Знают, признают отдельные элементы мусульманской обрядности при рождении ребенка 76,6% опрошенных, на свадьбах — 76,3, на похоронах — 98, практикуют обряд обрезания 26,3% (вернее, практиковали раньше, поскольку из-за отсутствия специалистов этот обычай исчез, как объясняют сами респонденты).

Особенно большое значение калмаки, как и соседние татары, придают соблюдению мусульманской обрядности на похоронах (и молодые, и старые), из-за чего порой случаются конфликты в национально-смешанных семьях.

Под национальными праздниками калмаки подразумевают мусульманские. Отмечают 2-3 основных мусульманских праздника 91,8% опрошенных, причем этот показатель среди молодежи не отличается от показателя в старшей группе.

Все эти обряды, обычаи калмаков идентичны татарским, можно сказать,

•то мусульманская религия способствует сближению калмаков с татарами, содействует унификации их культуры.

Кроме того, наблюдается оживление религиозных чувств и настроений, и происходит это не без влияния средств массовой информации. Еще в 80-е гг. многие респонденты, по их словам, были равнодушны к религии, считали себя атеистами, ко времени же исследования положение в корне изменилось: большинство, по крайней мере на словах, осознали себя мусульманами. Так ответили 81,8% пожилых калмаков, 57,9 калмаков среднего возраста и 56,2% молодежи. Однако ряд дополнительных вопросов (об употреблении алкоголя, «винины», совершении Намаза, соблюдений поста и др.) показал, что признание себя мусульманином для многих чисто символическое. Доля тех, кто старается соблюдать всерьез каноны мусульманской религии, гораздо меньше: среди стариков — 30,3%, в среднем возрасте — 2,6%, среди молодых людей не встречается. Суммарно по всей группе калмаков (старше 15 лет) определили себя верующими 29,2%, верующими, но не соблюдающими законы веры, — 53,3, «верующими и старающимися соблюдать предписания религии» — 17,5%.

Реанимация религиозного мировоззрения нашла выражение в стремлении построить мечеть в данном регионе. Уже несколько раз проходил сбор пожертвований, идея эта нашла поддержку у большинства калмаков. При опросе идею сооружения мечети поддержали 87%, причем 75,4% были готовы внести свой вклад в ее строительство. Скептиков оказалось немного — 5,5% проявили равнодушие, а 4,8% вообще сомневались в целесообразности строительства (остальные 2,7% не определили своего отношения).

Район расселения калмаков явно не претендует на звание «горячей точки» — межнациональные отношения здесь относительно благоприятные. Калмаков связывают многогранные, родственные, соседские, дружеские связи с татарами и русскими. Вот некоторые показатели по этим связям: имеют друзей среди татар 89,3% калмаков, среди русских и других национальностей — 6%. Есть родственники в среде татар практически у всех калмаков, а в среде русских — у 84,7%.

Большинство калмаков не испытывают какого-либо неудобства от того, что работают в смешанных производственных коллективах: 70,4% считают, что национальный состав коллектива не имеет значения, а еще 9,6% даже предпочитают работать в смешанном коллективе. Только 20% предпочли бы работать среди своих». Это связано с желанием и на работе говорить по-калмацки или по-татарски («своими» калмаки чаще всего считают татар).

Несколько иное отношение у калмаков к национально-смешанным бракам: многие опасаются (и не без основания), что рост их числа приведет к исчезновению калмаков, растворению среди русского большинства. Из числа опрошенных взрослых калмаков 36,5% полагают, что более приемлемы браки калмаков (между собой, еще 19,3% не возражают против браков с татарами, 39,3 % вообще не считают национальность чем-то существенным при вступлении в брак, 2,1%

считают межнациональный брак более желательным, 2,8% не определились в этом вопросе.

При общем благополучии в межнациональных отношениях они не всегда безоблачны: 24% опрошенных калмаков заявили, что сталкивались с фактами напряженного отношения к себе, к своей национальности со стороны русских и татар. Правда, такие проявления достаточно редки или сводятся лишь к детским «дразнилкам» в школьные годы.

Просьба оценить национальную политику властей респондентами не была удовлетворена — большинство опрошенных сочло, что в этих местах проводится общая для всей страны социально-экономическая политика и «особой калмацкой» или «татарской» политики здесь никогда не было, а значит, нечего и оценивать.

В заключение в качестве итога хотелось бы подчеркнуть, что, несмотря на усилившиеся процессы ассимиляции среди калмаков, данная этническая группа существует, имеет определенную специфику, и это безусловно требует проведения здесь особой национальной политики, которая оптимизировала бы этнокультурные процессы и была способна удовлетворить специфические этнокультурные запросы калмаков.

¹ См. анализ документов в кн.: Уманский А. П. Телеуты и русские в XVII-XVIII вв. Новосибирск, 1980. С. 196-198; Томилов Н. А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI — первой четверти XIX в. Томск, 1981. С. 241-242.

² Томилов Н. А. Очерки этнографии тюркского населения Томского Приобья. (Этническая история, быт и духовная культура). Томск, 1983. С. 48.

Ю. Ю. Карпов

ЦЕЗЫ (МАЛЫЙ НАРОД ДАГЕСТАНА): ВЙДЕНИЕ СЕБЯ И ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ

Крайняя западная оконечность Дагестана, острым клином направленная в сторону грузинских историко-географических провинций Кахети и Тушетии, составляет территорию, издревле известную под названием Дидо, Дидоэти. Дидуров, дидуванцев, дуданийцев, дидоев упоминали еще Плиний и Клавдий Птолемей, их знали средневековые арабские авторы и грузинские хронисты.¹ В летописях и исторических сочинениях Дидо фигурирует как довольно мощное военно-политическое объединение.² Привлекало оно внимание и странностью

обычаев населения, которое, как отмечали авторы указанных источников, по-клонялось «невидимому дьяволу» и «черной, не имеющей пятна собаке», имело пристрастие к сырому мясу «удушенных животных» и неординарные брачные нормы.³

Труднодоступный, высокогорный район Дидо, по периметру зажатый скло-нами Большого (Водораздельного) и Богосского хребтов и их отрогов, даже по дагестанским меркам представлялся «медвежьим уголком». Этот суровый в природном отношении край выглядит предельно контрастно по сравнению с благоухающей Алазанской долиной, над которой он нависает с востока отвес-ной стеной, нередко скрываемой облаками. Контраст природы в большой мере определил контраст культур, различия мировоззрения и психологии жителей географически соседних районов. Обратим внимание на один аспект, а именно на особенности восприятия народом самого себя и его восприятие окружающи-ми, отраженные в этно- и топонимике.

Термин *дидо* грузинского происхождения. Названия Дидоэти, дидуры, ди-дойцы и т. п. производны от него. Дидо связывают с грузинскими словами *ди-ди* — «большой»¹ или *κιδერი* — «стена» (в дидойском языке последнему соот-ветствует лексема *хидо* — «каменная стена»)⁵, а также с названием крепости Цихе-Диди в Грузии.⁶ Связь Дидо/дидойцев с Грузией отразилась в бытовав-ших в отдаленном и не столь отдаленном прошлом преданиях об их переселении из Грузии. Согласно версии, зафиксированной в XVIII в., дидойцы, спасаясь от войск Александра Македонского, бежали из предместьев Мцхеты в Даге-стан, для чего воспользовались ходом, сделанным под горой...⁷ Более поздние версии лишены подобной романтической окраски.⁸

Сами себя дидойцы называют по-иному — *цези*. Иначе именуют они и свой <рай — *Щунта*. Этноним *цези* произведен от местной лексемы *це/* — «орел». В основе топонима лежит аварское слово *цIун/цIум* — «орел», и построен он по нироко распространенной в аварском языке схеме образования топонимиче-ских названий через застывшую форму местного падежа с аффиксом *-да/-та* ср.: Акнада, АнсалтIа, БежтIа и т.п.).⁹ Данный аффикс Н.Я.Мартр относил с «показателю множественности любого типа» в северокавказских языках.¹⁰ Следовательно, аварское *цIунта* является аналогом местного (цезского) слова <ези — «орлы». В литературе встречаются и отличные от указанного вариан-ты самоназвания цезов. И.Гербер (XVIII в.) говорил о *зонгни*.¹¹ Н. Я. Мартр в одной из своих работ приводил термины *йабуби* (ед. число *йабу*), а *цези* пере-юдил как «страна дидойская», в другой же называл их *цецами*. Посетивший : начале XX столетия верховья Андийского Койсу А. М. Завадский местную тласовку этнонима передавал формой *церб* («орлы»)¹³. А. К. Сержпутовский вно ошибочно связывал с самоназванием термины *цунтал* или *цунта*, а *цези* нтерпретировал в качестве аварского названия народа со значением «люди».¹⁴ Г Плисецкий, перечисляя этнонимы дидоев, называл *цаза, цезе, цецы* или *унтал*»¹⁵

Среди соседних народов Дагестана, помимо аварцев, цезы известны под следующими названиями: *ц1униди* (ботлихцы), *ц1уйди* или *ц1уинти* (годобе-рины), *ц1унт* (каратины), *ц1унтна* (тиндинцы), *ц1унгнаду* или *ц1ут1адо* (ахва-цы), *ц1умди* (багулалы); андийцы называют их *дидовдирал*, тогда как цунтин-цами (*ц1ц1унадирал*) — жителей всех расположенных к западу и юго-западу от собственных земель территорий: багулалов, чамалалов, тиндинцев, каратин, ахвахцев, хваршин, цезов, бежтинцев.¹⁶

Перечисленные варианты, за исключением андийского, восходят к аварско-му слову «орел». Аналогично, но с использованием местной лексики, называют себя сами цезы. В грузинском варианте этнонима трудно найти исходную интерпретацию. Фигурирующие в литературе версии склоняются к связи *дидо* с лексемой *диди* («большой» и даже «великан»). Не лишено интереса замечание П. Иосселиани, хотя и не высказанное им непосредственно в адрес дидойцев, однако созвучное рассматриваемому сюжету. «Грузины именуют одну из близ-ких к Кахети (Кахетии) горных высот Дагестана горою орлов или коршунов, или по-грузински Корнисмта. В этом слове звучит и название той же горы у греческих и римских географов — МоЩех Согахга. Так, у Страбона и Плиния и др. грузинское корани или греч. и лат. коракс означают орла или ворона. От этого и горы эти именуются врановыми или орлиными. На них водится самая хищная из птиц — ягнятник, и беркут, или орел обыкновенный...»¹⁷ По всей ве-роятности, с «горой орлов» жители Кахети могли соотносить как раз пограни-чье с дидойским/цезским или ближайшим к нему бежтинским (капучинским) участком Дагестана. Немного ниже, говоря уже непосредственно о дидойцах, П. Иосселиани отмечал использование последними прирученных ястребов для

1 Я

ловли куропаток и перепелов.

Русские путешественники и исследователи, посетившие земли цезов во вто-рой половине XIX в., были поражены грандиозностью местных ландшафтов и следующим образом выражали свои впечатления: «На скатах дидойских гро-мадных гор,— писал, например, Н. И. Воронов,— все людское и все, что не го-ры, кажется равно ничтожностью: оно бежит от глаз... Целый аул представля-ется издали не больше как осиным гнездом, прилепленным к камню; засеянные хлебом поля кажутся разбросанными там и сям по горе желтыми пятнами, на которых работающие женщины копошатся точно муравьи... Этою громадно-стью фона... здешних видов, скрадывающего все детали, можно объяснить то общее впечатление, какое производит собою Верхний Дагестан: повсюду горы, издали —самые безжизненные, на которых, кажется, нет угодья ни для расти-тельности, ни для животных и человека. А между тем край заселен густо, лесу вдоволь, и сколько стад находит для себя обильную пищу на этих, по виду, го-лых горах... Может быть, орлами они называют себя потому, что селения их, как орлиные гнезда, расположены на значительной высоте, в сравнении с дру-гими поселениями дагестанцев; их угодья —альпийская, луговая полоса гор».¹⁹ Перекликается с подобными оценками и реплика другого автора: «Самое близ-

кое к Грузии дагестанское племя, заоблачные гнезда которых висят на своих утесах прямо над роскошной Кахетией, текущей вином и медом,—дидойцы, даже называют сами себя *орлами*, *цези*... До такой степени они сознают свое ²⁰ положение орлов, свои вкусы орлов, свою удаль орлов... »

Современные цезы в целом сохраняют этническое самосознание. Официальное причисление их, наряду с другими 12 малыми народами Западного Дагестана, к аварцам, осуществленное волевым решением правительственных органов в 1950-х годах, конечно, деформировало этот феномен этничности, но не разрушило его.²¹ Цезы и сейчас достаточно отчетливо осознают собственную самобытность, с готовностью дают пояснения к истории своего края. Вот некоторые варианты подобных рассказов.

Некогда на хуторе Хъовикъо, располагавшемся близ селения Шайтли, жила семья с двумя взрослыми сыновьями. Однажды братья ушли на охоту в сторону селения Мокок. Когда у их отца спросили, где сыновья, он ответил: «*Цейби рикIис*» — «Орлы ушли (улетели)». С этого времени всех жителей окрестных аулов якобы и стали называть *цейби* {-би — показатель множ. числа), цези, «орлами».²² Бытует и иная, менее поэтичная версия объяснения именовании тамошних мест «орлиными». Согласно ей недалеко от тиндинского селения Эчеда (совр. Цумадинский район), расположенном на расстоянии приблизительно 7-8 км от ближайшего цезского селения Сагада и ниже по течению Андийского Койсу, есть крутая скала. На ней некогда орел свил себе гнездо. Гнездо оказалось приметным ориентиром, и места, расположенные выше скалы — орлиного гнезда, а это все земли цезов и аварцев Ункратля, стали обозначаться жителями Эчеды и большинства селений современного Цумадинского района соответствующим образом. По рассказу информатора, гнездо принадлежало разновидности орлов, известных местным жителям (цезам) под названием *вурухъ*. Вурухъ по размерам превосходит других орлов, но уступает им в силе, питается исключительно падалью, и за то, что исполняет обязанности «санитара гор», охотиться на него запрещается.²³

Параллельно с пояснениями о связи с орлами местные жители предлагают и собственные интерпретации названия родного края — *Шунтпа*. Причем, часто имея в виду значение аварской лексики *цIун* — «орел», объясняют топоним на свой лад. В версии, предложенной Ахмедом Казалиевым, 1925 г. рождения, жителем селения Гутатли, основанием для появления слова *Шунтпа* послужил следующий случай. Произошел он в то время, когда в здешних горах поселились первые люди, ранее проживавшие в другом районе. Их родственники, оставшиеся жить в прежних местах, однажды навестили новопоселенцев. Все, что они увидели — хорошие земли и пастбища, богатые дичью леса, достаток хозяев, поразило их воображение. Поэтому по возвращении в родные аулы на вопросы любопытных о житье-бытье переселенцев они отвечали: «*ЦIун тпIасан арал*» — «Живут хорошо и даже лучше, чем хорошо» («Живут хорошо и еще лучше»)²⁴ Несколько отличается от изложенного другой вариант этимологии

лексемы *цIунта*. Согласно ему некогда аварцы посетили цезские земли, и они произвели на них столь благоприятное впечатление, что впоследствии «гости» отзывались о них лишь в высшей степени похвально: «*ЦIун тIасан*» («Лучше, чем хорошо; *цIун*— «полное», *тIасан*— «сверх»»).²⁵ Близок предыдущим и третий вариант этимологии, объясняющий слово *цIун* как «чаша», а слово *тIо-сам* — «полный чего-либо», «через верх», отчего название страны цезов обретает значение: «полная чаша», «чаша, наполненная до краев и даже сверх того».²⁶ Наконец, слово *Цунтпа* просто переводится как «переполненная богатством».²⁷

Переводы местными жителями приведенных фраз и словосочетаний, возможно, не точны.²⁸ Однако их смысловой акцент вполне определен. Родной край, родная страна, этническая территория, едва ли не по всему периметру огражденная высокими горными хребтами и в известном смысле закрытая от окружающих пространств, но не мира, действительно может рождать ассоциации с чашей. Этому не должно мешать и, судя по всему, не мешает то обстоятельство, что территория Цунты сама делится на 5 ущелий горными перемычками, правда, не столь высокими, как в первом случае. Условный, но по понятным — внешним, зримым — причинам конкретный образ чаши оказывается символически доминантным. Он предопределен логикой мировосприятия, построения модели мира, где точкой отсчета служит *Eṣo*, в данном случае представленное на групповом, этническом уровне. Здесь чаша исполняет функции Мирового Столба, Мировой Горы, на вершинах которых расположена сама. Чаша — это обиталище орлов, орлиное гнездо, устроенное на высочайших горных кручах, возвышающихся над известным и обозримым пространством. Весь первый ряд изложенных этимологий и интерпретаций этнонимов и топонимов играет именно на такой образ: «большой»/«великан» — «стена» —> «каменная стена» (вершина стены —?) -> «гора орлов» —> «орлы» —> «местность выше орлиного гнезда». Второй ряд, связанный с образом чаши, органично исходит из первого (гнездо -> чаша) и придает новое смысловое звучание названию маленького кавказского «Олимпа». Очевидно, в любых условиях жизнь обитателей «Олимпа» ассоциируется с «рогом изобилия», «переполненной чашей».

Тема «Олимпа» имеет и другой выход к истории цезов — это тема «восхождения орлов» на него.

Нам уже приходилось пересказывать местные предания о расселении предков современных цезов на нынешней территории.²⁹ Кратко их суть такова. В прошлом все цезы жили в одном селении, именовавшемся Атлетль (не гарантируя точность, это название переводят как «селение селений», с известной долей условности можно его определить также «первоначальным, исходным селением», «матерью селений» по аналогии с «матерью городов»). Располагалось оно возле современного селения Нахуратль (Хамаитли), а это самый нижний относительно прочих участок Цунты. Перенаселенность (в Атлетле якобы было 25 645 хозяйств)³⁰ вызвала потребность поиска новых мест жительства. Были посланы разведчики (по одному варианту предания, это были братья, о ко-

торых отец и сказал соседям, что «орлы улетели»), которые по возвращении сообщили о пригодных для этой цели 4 ущельях и одной котловине, расположенных сравнительно недалеко от Атлетля. Путем жеребьевки были определены маршруты переселения для каждой группы родственных семей. Те, кому выпала доля обживать наиболее удаленные от Грузии и соответственно самые безопасные места (селение Шаитли и др.) либо остаться в районе Атлетля, чрезвычайно радовались своей судьбе. Отправлявшиеся же в путь по направлению к современным селениям Кидеро, Хутрах, Кимятли, Асах и др. плакали — ведь им достались самые дальние и очень небезопасные земли. Однако впоследствии им не пришлось об этом жалеть — их земли оказались самыми богатыми. Произошли описанные события, по подсчетам местных жителей, приблизительно 300 лет назад либо в 991 г. по мусульманскому летосчислению, как якобы было записано в одной старинной книге.

Согласно преданиям, на момент расселения вновь занятые ущелья были необитаемы. Возле современных аулов известны древние погребения, однако устная традиция, обычно столь чуткая к фиксации всяческих военных побед предков, в данном случае молчит. Расселение цезов из Атлетля имело направленность вверх, к верховьям притоков р. Митлуды, протекающей возле остатков «селения селений». В результате миграции цезы-«орлы» полностью освоили свою нынешнюю территорию — «страну орлов», «полную чашу» и остались ею довольны. Если жители тех или иных участков Цунты порой и указывают на соседей как на более бедных по сравнению с ними, то оценка уровня собственной жизни и природных богатств своей локальной территории, как правило, высока. В рассказе А. Казалиева из селения Гутатли эти моменты отражены следующим образом. После расселения по ущельям группы селений сформировали 6 обществ (Шёратльби, Тлибйлзи, Асах, Кода, Керббтби и Тёшо), которые и составили Цунту в отличие от Цумады и Бежты. Язык в них во всех один, хотя диалектные отличия существуют. Общества пронизывали брачные связи, они помогали друг другу при необходимости дать отпор внешнему врагу, устраивали общие праздники, где лучшие борцы отстаивали честь собственного общества. В Шёратльби входили селения Кидеро, Зехида, Гутатли, Генух. Свое название это объединение аулов получило от слова *шору*, что значит «белые папахы». Папахы чистили пшеничной мукой (на этом основании следует делать вывод об уровне достатка местных жителей).³¹ Об Асахе (селение было разрушено русскими войсками во второй половине XIX в. и ныне необитаемо), первопоселенцы которого, как отмечалось выше, якобы плакали по дороге в предназначенную им жребием местность, рассказывают и иное. Современные потомки асахцев оценивают настроение переселенцев противоположно указанному, а именно как радостное, веселое. В свое время Асах был крупнейшим цезским аулом. Его жители, пользуясь собственной силой, довольно часто досаждали соседям. После одной несправедливой акции, совершенной асахцами в отношении чатлинцев, они были прокляты и им предрекли пролитие мно-

жества слез. С тех пор судьба Асаха переменилась, и в итоге аул перестал существовать.³² Примечательно название селения, образованное от слова *ас* • «небо», т.е. «близко к небу».³³

На своих соседей бежтинцев цезы смотрели свысока, отчасти продолжают придерживаться этой позиции и сейчас. В памяти народа живы воспоминания о том времени (XVIII в.), когда большинство цунтинских аулов было подвластно обществу Анцух, в которое входили и бежтинцы, и платило ему дань. Однако в рассказах цезов об этом периоде истории доминирует иной акцент, подчеркивается успешное избавление от зависимости, произошедшее в результате героических поступков тех или иных личностей, боевых операций, смело проведенных военными отрядами предков. Бежтинцев порой называют *кибури*, якобы от бежт. *кебура*, соответствием чему в аварском языке служит слово *гьардохъ-ан* — «попрошайка, нищий, просящий милостыню». Поясняют, что бежтинцы приходили в богатые цезские аулы с медом и выменивали его на зерно.³⁴

Подобным образом оценивают свою страну — «переполненную чашу» — и свою «орлиную» жизнь в ней цезы. Иными глазами глядят на них соседи.

«Дидойцы, — отмечал один русский путешественник начала XX в., — сами себя величают «церб», т.е. орлы, но соседи дали им подходящее название «цунта», т.е. оборванцы. Дети местных жителей имели плачевный вид: грязные, оборванные, многие страдали болезнью глаз».³⁵ Справедливости ради заметим, что приведенные слова передают впечатление об обитателях селения Хушпет (единственного цезского аула, расположенного за границами Цунты, на р. Андийское Койсу), которые незадолго перед тем вернулись из 12-летней ссылки в Ставропольскую губернию. Однако характеристики, подобные приведенной, превалируют и в целом. Грузинский историк и географ XVIII в. Вахушти отмечал бедность дидойцев, их зависимость от Кахети, откуда «они вывозят жизненные припасы, одежду и все потребное для себя».³⁶ По сравнению с дидойскими аулами Бежта, в оценках наблюдателей конца XIX столетия, выглядела большим и богатым селением.³⁷ Любопытны предания ахвахцев, жителей Нижнего или Цунта-Ахваха, выводящих свои корни из Цунты. Согласно им, переселение в Ахвах произошло по причине скудости цунтинской земли: «Цунта — плохая страна, там много снега, люди искали лучших земель и нашли (их. - Ю. К.) здесь».³⁸ Соседи-горцы смотрели на цезов/цунту с известной долей презрения, «как на медведей, увальней, неуклюжих пастухов»,³⁹ в чьих аулах блохи открывают дверь копытами и даже способны задавить собою коров.⁴⁰ Однако взгляд свысока, по-видимому, не был обусловлен лишь различиями в уровнях достатка, бытового обустройства и «общей культуры».⁴¹

Цезы едва ли не последними среди народов Дагестана приняли ислам. Период его распространения и утверждения в Цунте приходится на конец XVIII — первую половину XIX в. До этого некоторое влияние на религиозные воззрения местных жителей оказывала христианская Грузия. Однако ведущими до относительно недавнего времени оставались языческие взгляды. Офицер Генераль-

ного штаба В. И. Мочульский, в конце 1830-х годов проводивший обстоятельные натурные исследования горного Дагестана, писал следующее: «Дидойцы имеют много торговых сношений с кахетинцами и уверяют, что заазазанские долины некогда им принадлежали. Они, впрочем, не одного с лезгинами происхождения, и сими последними именуются цунты, что значит подлые. Сколько из сказаний явствует, то они некогда были христиане и жили на долинах Кахети и потому, вероятно, имеют одно поколение с осетинцами и тушинцами, но принятием мухамеданства от них отделились». Далее автор отмечал, что селения Мокок, Берих и Хеботль, «хотя и дидойского происхождения, но себя называют не цунты, а лезгинами и в действиях своих соотносятся с вольными лезгинскими селениями», располагавшимися по р. Ори-цхали и составлявшими независимое общество.⁴²

В этих заметках обращает на себя внимание противопоставление дидойцев/цунты населению соседних районов Дагестана (лезгины — собирательное название горцев) по религиозному фактору. Ссылка на их былую приверженность христианству не столь обоснованна и носит, скорее, внешний характер. Для цезов традиционно значимым был весь комплекс связей с Грузией — торговых, военно-политических, религиозных, на основании чего и делались выводы об особенностях их этнической истории. Тем не менее для грузин, жителей Кахети, дидойцы оставались дикарями, идолопоклонниками. Равно и для дагестанцев, исповедовавших ислам, полужыгская цунта являла схожий образ. Особенно явно это обозначилось в период упрочения мюридизма и Кавказской войны. Показательно, что изменение политической ориентации одного из цезских обществ ассоциировалось с отречением его жителей от своих цунтинских корней и причислением себя к лезгинам, т.е. дагестанцам, мусульманам. Такое изменение, по-видимому, было связано с поворотом в религиозных устроениях местного населения.⁰

Интерпретация этнонима *цIунта* в значении «оборванцы», судя по всему, не имеет под собой лексической основы. В существующих словарях аварского языка данный термин представлен номинациями, даже близко не похожими на лексемы *цIунта*, *цIута*, *цIун* и т. д. Из-за отсутствия доступных словарей малых народов Западного Дагестана — соседей цезов — утверждать подобное применительно к ним мы не возьмемся, но, очевидно, и в языках этих народов вряд ли удастся найти форму для подобной трактовки этнонима *цIунта*. А. М. Дирр, ссылаясь на Е. Г. Вейденбаума и других авторов, указывал, что кахетинцы называют дидойцев «цунта», т.е. «оборванцы». В примечании же добавлял от себя: «Я знаю грузинский корень цун — браковать, брак, недостаток, но я не думаю, что от этого корня происходит название цунта, оно скорее аварского происхождения».⁴⁴

Предположение А. М. Дирра о производности *цIунты* от аварского корня *цIун* оказалось верным. Однако значения обоих слов никак не связаны с «оборванцами». Соотнесенность «цунты» и «оборванцев», очевидно, не лингвисти-

ческая. «Цунта» = «оборванцы» — это скорее уничижительное прозвище вторичного порядка, рожденное культурно-историческими реалиями позднейшего времени. Адресовалось прозвище населенникам самого отдаленного и труднодоступного уголка Страны гор, жившим по своим дедовским порядкам, полужычникам, поклонявшимся не только Аллаху, но и неким демоническим существам. Кроме того, цунта выглядела внешне и обустривала свой быт не столь благообразно, как могли себе это позволить жители более щедрых в природном отношении районов Дагестана, гораздо шире общавшиеся с внешним миром.

Уничижительный акцент, по-видимому, обуславливался и психологическим фактором. Это была реакция на в известном смысле заносчивое самоназвание «орлы», некую амбициозность, проступавшую в оценке собственных качеств и качеств своей земли — «переполненной (богатством) чаши», что далеко не соответствовало реальному положению вещей. В устах соседей данный этноним превращался едва ли не в оскорбление, инвективу. Логика его новой интерпретации в общих чертах видится в послышке такого характера: «Вы, орлы — обитатели высочайших и якобы богатейших мест, добравшиеся едва ли не до неба? Вы — дикари, живущие в грязных саклях! Цунта!». Но, повторим, уничижительная интонация — явление позднее. В ретроспективе, очевидно, дело обстояло иначе.

В позднеантичный и раннесредневековый периоды Дидо, объединявшее разные народы Западного Дагестана, было мощным военно-политическим образованием. Военные отряды дидойцев представляли угрозу не только ближайшим соседям, но и жителям отдаленных территорий. С дидойцами сражались, но в них же искали союзников цари Грузии. В древности район Дидо являлся одним из центров бронзолитейного искусства Кавказа. В ранних известиях о дидойцах просматривается уважительное отношение к их силе и могуществу. Поэтому в целом не случайными выглядят попытки связать лексемы *дидо* и *диди* («большой»).⁴⁵

Со временем ситуация изменилась. Союз Дидо распался, образовалось несколько независимых обществ, одно из которых стало преемником имени прежнего Дидо. Наследование имени, впрочем, не обеспечило сохранения былой славы. Новое Дидо, в основном в пределах позднейшей Цунты, постепенно, но неуклонно сходило на периферию политической и социально-экономической жизни Нагорного Дагестана. Да и для своих закавказских соседей оно не представлялось уже столь значительным союзником или противником. Условия высокогорья предопределили экономическую зависимость горцев от насельников и владельцев долин Кахети. Туда, в эти долины, перегоняли дидойцы на зимний период отары своих овец. Вслед за скотом отправлялись в отход на заработки в те края и сами. В глазах новых поколений жителей Кахети новые носители некогда ставного имени *дидоец* обретали иные, отличные от прежних черты. Схожие процессы и метаморфозы оценочного порядка происходили среди жителей сопредельных Дидо территорий Дагестана. На фоне новых политиче-

ских, идеологических, экономических и бытовых условий некоторые параметры самооценки цезов выглядели все более претенциозными. Не соответствующим реалиям казалось теперь и исходившее прежде из уст соседей именование этого народа «орлами». Для последних он остался цунтой, но цунтой новой, на которую ныне уже смотрели сверху вниз, а не иначе, как прежде. Над их «орлиным гнездом», поднебесной «полной чашей» стало возможным иронизировать.

Характер позднейших взаимоотношений между цезами и их соседями сказывался и в новейших условиях. В 1950-1980-х годах территория Цунтинского района объединяла земли цезов и бежтинцев. При том, что первые занимали большую часть административного района, его центр располагался в селении Бежта. Упреки цезского населения в адрес своих соседей формулировались в виде претензий на узурпацию бежтинцами власти районного масштаба, на умышленное небрежение нуждами населения «горного участка» (строительство дорог, снабжение товарами и т. п.), что наряду с другими причинами того же порядка обуславливало, по их мнению, сравнительно низкий уровень социального и хозяйственного положения собственно Цунты. Делались ссылки на историческое прошлое, более древнее, не знавшее общих территориально-политических структур цезов и бежтинцев, и сравнительно недавнее — существовавший в 1930-х годах собственно цезский Шауринский район. В свою очередь, у бежтинцев есть претензии к цезам. В результате в 1992 г. Цунтинский район в административном порядке был поделен на два «автономных» участка, а его центр перенесен в цезское селение Кидеро. Однако эти меры не сняли всех противоречий между цезами и бежтинцами, поменяв их ролями.

К изложенному добавим, что сохраняющееся самоназвание малых народов Западного Дагестана — цезов, бежтинцев, андийцев и других — определяет их стремление к восстановлению статуса самостоятельных народов, наблюдаемое в последние годы, и в этом цезы проявляют большую активность.

В целом этимологические и культурно-исторические вариации, связанные с топо- и этнонимикой Цунты, являют интересные примеры инверсии значений, приложимые к характеристике социокультурной схемы: «я» — «другой», «мы» — «они», «свое» — «чужое».

¹ Дидойцы (*цезы*) — малый народ Западного Дагестана, компактно проживают в Цунтинском и в одном селении Цумадинского района Республики Дагестан. Язык относится к аваро-андо-цезской группе дагестанских языков. По оценочным данным переписи населения 1989 г., численность цезов составляет 7 тыс. чел. (см.: Шиллинг Е. М. Малые народы Дагестана. М., 1993. Приложение. Табл. 1. С. 270).

² Караулов Н. А. Сведения арабских географов IX и X вв. о Кавказе, Армении и Азербайджане // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (далее — СМОМПК). Тифлис, 1908. Вып. 38. С. 42; Известия грузинских летописей и историков о Херсонесе, Готфии, Осетии, Хазарии, Дидоэтии и России / Сост. Д. Г. Джанашивили // Там же. 1899. Вып. 26. С. 95; Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента X-XI вв. М., 1963. С. 146, 191, 192; Мровели Л. Жизнь картлийских царей. М., 1979. С. 33; Лавров Л. И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа X-XX вв. на арабском, персидском и турецком языках.

Ч. 3. М., 1980. С. 110-114. — До XV в. военно-политический союз Дидо объединял земли целого ряда малых народов Западного Дагестана — дидойцев, бежтинцев, хваршин, чамалалов, багулалов и др. В XV-XVI вв. этот союз распался, и из его частей образовались самостоятельные «вольные» общества: Бежтинское (Капуча), Чамалинское, Баквалинское и три дидойских — Дидо-Шуратль, Дидо-Асах и Дидо-Шантль (см.: *Магомедов Д. М.* Исторические сведения о дидойцах // Вопросы истории Дагестана. Вып. 2. Махачкала, 1975. С. 98-110).

³ Известия... С. 95; *Караулов Н.А.* Сведения арабских географов... С. 42; *Вахушти.* География Грузии // Записки Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. Тифлис (далее — ЗКОИРГО). 1904. Кн. 24. Вып. 5. С. 130-131; История, география и этнография Дагестана. XVIII-XIX вв.: Арх. материалы. М., 1958. С. 113. — Комментарии к некоторым сведениям о «странных» обычаях дидойцев см.: *Карнов Ю. Ю.* 1) Персонажи шантлинского праздника игби: атрибуты костюмов и общественные функции // Сборник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (далее — Сборник МАЭ). Т. 43. Л., 1989. С. 147-152; 2) О функциональном значении некоторых элементов традиционной обрядности и общественного быта у народов Западного Дагестана // Этнографическая наука и этнокультурные процессы: способы взаимодействия. СПб., 1993. С. 124-134; 3) Джигит и волк: Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа. СПб., 1996. С. 149 и след.

⁴ *Дурр А. М.* Современные названия кавказских племен // СМОМПК. 1909. Вып. 40. С. 22. — Тот же автор, ссылаясь на устное сообщение А. Н. Грена, указывает на употребление слова «дидо» в значении «великан» (см.: Там же).

⁵ *Мегрелидзе И. В.* Дидойцы и название Дидо // Тр. Тбилис. гос. учительского ин-та им. А. С. Пушкина. Вып. 2. Тбилиси, 1942. С. 186, 187. — Отмечу, что Н. Я. Марр корневую, по его мнению, основу названия дидойского селения Кидеро <И> оценивал в качестве «спирантного двойника сибилантной разновидности дгз», представленной в этнониме Кистами же грузины именуют чеченцев и ингушей либо отдельные их «племенные» образования, в том числе баббийцев. Марр не исключал возможности обозначения этим этнонимом и некоего «этнического целого», пределы расселения которого некогда простирались от Чечни до Дидо (см.: *Марр Н.Я.* Кавказские племенные названия и местные параллели. Пг., 1922. С. 23). Однако к названию селения Кидеро приложима и предложенная И. В. Мегрелидзе грузинская лексема *кидери*.

⁶ *Джанашвили М. Г.* Вахушти. География Грузии. С. 130 (примечание).

⁷ *Вахушти.* География Грузии. С. 130; Известия... С. 13; *Берже А.* Материалы для описания Нагорного Дагестана // Кавказ, календарь на 1859 г. Тифлис, 1858. С. 256.

⁸ *Мегрелидзе И. В.* Дидойцы... С. 179; *Магомедов Р. М.* Дагестан. Исторические этюды. Вып. 2. Махачкала, 1975. С. 248. — Известно предание о переселении дидойцев из Аравии (см.: *Мегрелидзе И. В.* Дидойцы... С. 179). Как свидетельствует посетивший дидойцев в 1926 г. А.Г.Данилин, старики рассказывали ему, что в район Дидо ссылали непокорных аварские ханы, ссыльные стали первопоселенцами здешних мест, ими и их потомками были основаны местные аулы (см.: СПб. филиал Архива РАН. Ф. 135. Оп. 2. №100. Л.77об.). Не исключено, что в данном случае ошибочно могла быть интерпретирована применительно к дидойцам информация о живущих по соседству с ними аварцах Ункратля, которые действительно были переселены в верховья Андийского Койсу ханами Аварии.

⁹ Аварско-русский словарь / Сост. М.-С.Саидов. М., 1967. С. 567, 634. — Тот же аффикс *-да/-та* встречается в топонимических названиях 8 современных цезских селений (из общего числа 48), причем 4 из них расположены по соседству с территорией Ункратля, населенной локальной группой аварцев.

¹⁰ *Марр Н. Я.* Кавказские племенные названия... С. 16.

¹¹ История, география и этнография Дагестана. С. 113.

¹² *Марр Н. Я.* 1) Кавказские племенные названия... С. 33; 2) Племенной состав населения Кавказа. Классификация народов Кавказа. Пг., 1920. С. 45.

¹³ *Завадский А. М.* Поездка вверх по Андийскому Кой-су // Известия Кавказского отдела Императорского Русского географического общества (далее — ИКОИРГО). Тифлис, 1903. Кн. 16. №5. С. 23.

- ¹⁴ Сергепутовский А. К. Поездка в Нагорный Дагестан // Живая старина. 1917. С. 279.
- ¹⁵ Плисецкий М. Горцы Дагестана. М., 1929. С. 8.
- ¹⁶ Дирр А. М. Современные названия. ... С. 22; Шиллинг Е. М. Малые народы. ... С. 26, 131, 152, 204. — Е. И. Козубский в качестве одного из вариантов именования цезов аварцами называл и термин *цун-орез* (см.: Памятная книжка Дагестанской области / Сост. Е. И. Козубский. Темир-Хан-Шура, 1895. С. 189).
- ¹⁷ Иосселиани П. Путевые записки по Дагестану в 1861 г. Тифлис, 1862. С. 80.
- ¹⁸ Там же. С. 94.
- ¹⁹ Воронов Н. И. Из путешествия по Дагестану // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1868. Вып. 1. С. 12, 15-16.
- ²⁰ Марков Е. Общий очерк // Живописная Россия. Т. 9. СПб.; М., 1883. Кавказ. С. ХЫП.
- ²¹ Карпов Ю. Ю. Межнациональные отношения на Северо-Восточном Кавказе // Межнациональные отношения в условиях социальной нестабильности. СПб., 1994. С. 11-12, 23 — 24.
- ²² Архив МАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. №1213. Л. 52. — Записано в 1981 г. в селении Хувсетли от Магомедова Ханмагомеда, 1924 г.р.
- ²³ Там же. № 1384. Л. 75. Записано в 1984 г. в селении Хамаитль от Джамалова Рамазана, 1908 г. р. — В своде названий животных и птиц в цезских языках термин «вурухъ» отсутствует (см.: Исаков И. А., Халилов М. Ш. Названия животных в цезских языках // Отраслевая лексика дагестанских языков: названия животных и птиц. Махачкала, 1988. С. 107). Возможно, имеется в виду орел-могильщик. Об орлах среди цезов приходилось слышать и следующее: «Орел говорит так: мужественный человек не будет в меня стрелять, трус же даже если и выстрелит, то не попадет» (Арх. МАЭ. Х» 1384. Л. 80 об. Записано в 1984 г. в селении Шаитли от Гаджимурадова Зульпакара, 1920 г.р.).
- ²⁴ Там же. № 1213. Л. 18.
- ²⁵ Там же. Л. 52. — Об информаторе см. сноску 22.
- ²⁶ Там же. № 1587. Л. 63об. Записано в 1988 г. в селении Хупри от Мусаева Талима, ориентировочно 1883 г.р.
- ²⁷ Там же. №1213. Л.29об. — Записано в 1981 г. вселении Ретлоб.
- ²⁸ За отсутствием сколь-либо полных словарей цезского (дидойского) языка невозможно проверить правильность перевода местными жителями данной фразы или словосочетания. Можно лишь сослаться на аварско-русский словарь, что вполне допустимо при учете близости цезского и аварского языков, большого числа аваризмов в первом. Тасок — аварское слово и имеет значение «сверху, поверх, сверх». Прямое соответствие первому слову найти не удалось (его форма не согласуется и с правилами склонения), в качестве возможных вариантов укажем: *ц/уни* — 'сохранение, сбережение, бережливость', *ц/ути*—'выпячивание, выпуклость', *ц/езе*—'заполняться, наполняться, быть наполненным', *ц/екгараб*— 'полный, наполненный до предела', *ц/екъизе*— 'быть до предела полным' (см.: Аварско-русский словарь. С. 490, 562, 567).
- ²⁹ Карпов Ю. Ю. Исторические предания цезов // Новое в этнографии. Вып. 1. М., 1989. С. 91-95.
- ³⁰ Архив МАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. № 1587. Л. 54. — Записано в 1988 г. в селении Хамаитли от Джамалова Рамазана, 1908 г.р.
- ³¹ Там же. № 1213. Л. 18. — Пользуясь случаем, исправим техническую ошибку, допущенную в первой нашей публикации о Цунте. В статье была пропущена строка, в результате несколько селений не вошло в их общий перечень и искаженным оказался состав обществ, составлявших Цунту (см.: Карпов Ю. Ю. Сельская община горных районов Западного Дагестана и Чечни в конце XIX в. // Полевые исследования Института этнографии 1982 г. М., 1986. С. 82). Соответствующее место в тексте должно выглядеть следующим образом: «В составе Дидо-Шуратль выделяются Шератльби (селения Генух, Зехида, Кидеро, Гутатли), Тлибилзи (селения Эльбок, Вициятль, Хибиятль, Хупри, Хутрах, Цицимах, Халах, Шапих, Оцхо, Китлярта), селение Мокок с прилегающими к нему небольшими выселками; в Дидо-Асах: собственно Асах (селения Асах и Акды) и Кода (селения Кимятли, Ретлоб, Чалах,

Ицирах); в Дидо-Шиитль: Керботби (селения Шаури, Цехок, Хетох, Куитль, Китури, Гениятль, Шайтли), Тешо (селения Хамаитли, Тляцуда, Сагада)». Здесь же отметим, что в источнике середины XIX в. последний подрайон вместе с селением Мокок именуется Сотл/Сотле (см.: Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. Военно-ученого архива (далее — ВУА). Д. 6528. Л. 99).

³² Архив МАЭ. №1213. Л. 50-50об. — Об информаторе см. сноску 22.

³³ Местожительство «у неба», характерное поведение и постигшая обитателей Асаха в итоге судьба (после разрушения своего селения они расселились по окрестным небольшим аулам) перекликаются с известными мифологическими сюжетами.

³⁴ Арх. МАЭ. №1213. Л. 13.—Записано в 1981 г. в селении Кидеро от Курамагомедова Магомеда, 1905 г.р.

³⁵ *Завадский А. М.* Поездка ... С. 23; см. также: *Буш Н. А.* По скалам Андийского Дагестана // *Известия Императорского Русского географического общества.* 1905. Т. 41. Вып. 3. С. 474.

³⁶ *Вахушти.* География Грузии. С. 131.

³⁷ *Марков Е.* Очерки Кавказа. СПб.; М. Б. д. С. 455.

³⁸ *Шиллинг Е. М.* Малые народы... С. 204. — Исследований исторической достоверности преданий цунта-ахвахцев об их переселении из Цунты не проводилось. Не исключено, что они связаны с цезскими преданиями о расселении из Атлетля. В данном случае любопытно, что переселение происходило с верхних участков Андийского Койсу в нижние, а также то, что прежней родине — высокогорному району — дается негативная оценка. Наконец, Цунта-Ахвах — это Нижний Ахвах, в отличие от Верхнего, Ратлу-Ахваха. Аварцы называют нижних ахвахцев «плохими», а верхних — «далекими» ахвахцами (см.: Там же. С. 201).

³⁹ *Воронов Н. И.* Очерки Кавказа. С. 12, 19.

⁴⁰ СПб. филиал Арх. РАН. Ф. 135. Оп. 2. №100. Л. 59об.

⁴¹ Заметим, что содержащиеся в средневековых источниках сведения о предпочтении ди-дойцами сырого мяса «удушенных животных», по-видимому, если и имеют под собой основания, то должны быть отнесены не только к цезам, но и к другим соседним им народам Западного Дагестана, составлявшим некогда союз Дидо. Отзвуки аналогичной информации порой встречаются в литературных источниках XIX в. Так, по свидетельству одного русского офицера, бывшего в плену у горцев, некие жители этого района богучемены (багулалы, чамалалы или условно богосцы?), как их называли аварцы-койсубулинцы, ели сырое мясо. Аргументировали они свои кулинарные пристрастия якобы следующим доводом: «Ведь ни орлы, ни львы не стряпают себе кушанья, зачем же и людям не делать того же?» (Рассказ офицера бывшего в плену // *Тифлисские ведомости.* 1831. №15—16-17).

⁴² РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6528. Л. 94, 99.

⁴³ Заслуживает внимания то обстоятельство, что по некоторым версиям преданий о расселении цезов из Атлетля последнее было вызвано экспансией поборников ислама, т. е. в чем-то напоминало бегство от новой религии.

⁴⁴ *Дирр А. М.* Современные названия... С. 22.

⁴⁵ В этом плане примечательно хотя и не совсем точное в деталях высказывание исследователя Кавказа начала XX в. К.Ф.Гана. Он писал: «Дидойцы, как известно, у грузин называются цези, т. е. орлы, потому что они, подобно орлам, с высоты гор бросались на свою добычу в Кахети» (*Ган К. Ф.* Экскурсия в нагорную Чечню и Западный Дагестан летом 1901 г. // *ИКОИРГО.* 1902. Т. 15. Вып. 4. С. 237).

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ КЕНОЗЕРЬЯ
(в контексте истории этнокультурных контактов
славяно-русского и финноязычного населения
Европейского Севера)

В 1993 г. экспедиция кафедры этнографии и антропологии исторического факультета Санкт-Петербургского университета проводила исследования в районе Кенозерского национального парка, находящегося на юго-западе Архангельской области. Основной целью работ был сбор материала по традиционной погребально-поминальной обрядности населения этого региона. Собранная информация была систематизирована и подготовлена к печати в виде статьи¹, данная же работа посвящена анализу некоторых особенностей зафиксированной обрядности.

Традиционной погребально-поминальной обрядности русских было посвящено значительное количество работ XIX — начата XX в., впоследствии, однако, интерес к данной теме несколько снизился. Между тем именно в этой области до сих пор широки возможности увеличения фактологической базы, ибо из всех видов обрядности жизненного цикла погребально-поминальная как наиболее консервативная до сегодняшнего дня сохраняет (в отличие от свадебной, а более того, родильной обрядности) многие черты, восходящие к глубокой древности. Погребально-поминальная обрядность дает возможность реконструировать архаическое мировоззрение, которое в сознании современных носителей этой традиции сохранилось в значительной степени только в обрядовой форме.

Другая, не менее важная проблематика, возникающая в процессе данного исследования, — объяснение параллелей с обрядностью соседнего финноязычного населения. На север Восточной Европы славянское население начинает проникать, главным образом, с XII в.², и вскоре оно численно преобладает над местным населением, а на значительной территории, в которую входит Кенозерье, вытесняет и ассимилирует его. Вступая в интенсивные контакты с местным населением, восточные славяне оказывают воздействие на его культуру и одновременно заимствуют ряд иноэтничных культурных элементов. Отразились эти контакты и в похоронной обрядности. Наличие сходных черт в культуре этносов ставит проблему о характере их происхождения — направлении заимствования (если оно имело место) или выявлении общего источника культурной традиции или возможности конвергентного происхождения данного явления.

В результате действия различных факторов погребально-поминальная обрядность Кенозерья, в целом укладываемая в рамки общерусской и шире — восточнославянской обрядности, имеет ряд особых черт, присущих не всем группам русского населения.

Обряжение покойника — яйцо. Яйцо помещалось умершему под подбородок или под мышкой. Профанное объяснение этих действий, даваемое информаторами: «чтобы рот не был полым», «чтобы покойник не скис», вряд ли адекватно, они явно имеют сакральный характер. Обыденное объяснение использования яйца в погребальной обрядности («чтобы покойник не почернел», т.е. не испортился) дается также и заонежанами, проживающими рядом с кенозерами, у них яйца закладываются покойнику за уши, под голову или под подбородок.³ Что же касается помещения яйца под мышкой, то для объяснения этого факта могут использоваться некоторые материалы славянской этнографии и фольклора.

У восточных славян зафиксировано поверье, что если носить под мышкой яйцо в течение трех лет, то можно таким образом вывести демона, который называется по-разному: летучий/рассыпучий змей, летун (рус.), перелесник (укр.) и др.⁴ По другим представлениям, он рождается из яйца петуха старше трех (семи) лет, когда колдун берет это яйцо и носит его за пазухой или закладывает в навоз на шесть недель.⁵ Летучий змей имеет вид огненно-красного шара (откуда происходит еще одно его название — «огненный змей»), он проникает к женщине в дом через трубу, рассыпавшись над ней искрами; если это вдова, то принимает облик покойного мужа, проводит с ней ночь.⁶ Близкий образ есть у чехов и словаков — Рарог/Рарашек, он, по поверьям, появляется из яйца черной курицы, которое человек держит под локтем 9 дней, сидя на печи, не молясь и не моясь.⁷ Впрочем, в Костромской губернии считалось, что огненным змеем становится сам умерший муж, который и летает к тоскующей вдове.⁸ Еще одна особенность этого змея — в понравившийся ему дом он может приносить ценности, которые похищает в других домах.⁹ И такую же функцию имеет другой дух восточных славян — коргуруш/коловерш (южнорус.), спориш/шпорих (укр.), он является помощником домового и обликом схож с кошкой.¹⁰

Отметим, что кроме вынашивания яйца под мышкой (под локтем, за пазухой) или выдерживания в навозе возможно еще одно происхождение летучего змея, характерное для южнославянских народных представлений, — рождение его умершей женщиной.¹¹ Кенозерский обряд показывает взаимосвязь ношения яйца под мышкой и умершего, она тем более кажется не случайной, что зачастую указываемый срок вынашивания — месяцы и даже годы — не реален для живого человека. Представление о связи «умерший — яйцо» широко наблюдается во многих других восточнославянских обрядах, в частности производимых в общепоминальные дни, — катание яиц по могилам,¹² зарывание их в могилы¹³ либо просто оставление яйца на могильном холмике.¹⁴

Б. А. Рыбаков в образе огненного змея видит трансформированную информацию о набегах кочевников на славян, сопровождавшихся пожарами и использованием плененных женщин как наложниц.¹⁵ Однако такое толкование выглядит слишком однозначным. Образ этот более сложен, ибо многие его характеристики не соответствуют предложенному объяснению: огненный змей не уводит женщину, а только вступает с ней в интимные отношения, он часто причисляется к категории «чистых» сил — демоноборцев,¹⁶ есть его женская ипостась — гирна (укр.).¹⁷ В определенной степени трактовка Б. А. Рыбакова может быть корректной: но только если рассматривать этот образ в рамках эпоса (былины), а не всей совокупности фольклорных сюжетов. Для нас важно отметить, что огненный змей своим происхождением связан с культом умерших, его аналог по некоторым функциям (коловерш/спориш) имеет непосредственное отношение к домовому, а последний тоже связан с умершими предками. Ряд характеристик «роднит» огненного змея и домового. Змей принимает облик мужа, или сам муж, по своему статусу хозяина дома, превращается в него. И домовый имеет мужской облик, и он по своей роли — хозяин дома (это в то же время его иносказательное название). Как и хозяин, домовый должен содействовать благополучию семьи, а домочадцы — угождать и тому и другому. Огненный змей проникает в дом через печную трубу, и место обитания домового обычно тяготеет к печи — печной столб, подпечек, жараток и т. п.

Одно из названий духа, схожего с огненным змеем, — «спориш», «спорышек» является и названием яйца петуха, из которого колдун получает змея.¹⁸ Этимология этого слова — «удачный», «обильный», «прибыток», «урожай».¹⁹ По поверью, если хозяин не позовет домового с собой на новое место жительства, то не будет водиться скотина и «ни в чем не будет спорыньи».²⁰ Сам домовый, по некоторым представлениям, может иметь облик змеи²¹ и, как змея в природе, периодически сбрасывает кожу.²² Наконец, белорусское поверье прямо указывает, что если носить под мышкой с левой стороны шесть месяцев петушиное яйцо, то из него появится змей, который и есть домовый.⁰

Связь «огненный змей — коловерш — домовый» требует дополнительной разработки. Что же касается конкретной обрядности — помещения яйца под мышкой умершего, — то можно утверждать, что она направлена на «воспроизводство» домового. Прежде чем стать домашним демоном, облик которого мог представляться по-разному, он в глубокой древности, видимо, мыслился как воплощение души конкретного, не так давно умершего человека — главы домохозяйственной общины. После смерти очередного главы дома появлялся («выводился» из яйца) и новый домовый дух, сменявший старого. Можно указать и на другие, как представляется, аналогичные, также «воспроизводящие» домового действия, составляющие часть погребальной обрядности. Во Владимирской губернии после смерти старшего в доме все предметы, которые использовались при его обмывании, не выбрасывались, как обычно, а зарывались под полом, иногда в переднем углу, в других случаях горшок с этими вещами разбивался во

дворе, и все это, как утверждалось информаторами, для того «чтобы домовый не переводился». ²⁴ У заонежан воду из стакана, где, по поверью, оmyвается душа умершего, выплескивали на красный угол дома, ²⁵ а он считался здесь местом обитания домашних духов. ²⁶ Известно, что в древности у восточных славян существовал обычай захоранивать под полом жилища не только детей, как это было зафиксировано в более позднее время, но и взрослых. Последние в народной терминологии причислялись к категории «предков», «домашних хранителей», «домовых»/

Укажем на параллели в использовании яйца в погребальной обрядности соседнего финноязычного населения — у коми оно вкладывалось в руку умершим детям, ²⁸ у сету во время похорон яйцо приносили к «прощальному дереву». ²⁹

Обряжание покойника — платок и гребень. Эти предметы вкладывались в руку умершему: платок — женщине, гребень — мужчине. По материалам XIX–XX вв. зафиксировано, что в большинстве случаев гребень после омовения покойника и причесывания выбрасывался подальше как «нечистая» вещь. ³⁰ В гроб его клали реже, ³¹ но эта традиция восходит к очень раннему времени. Судя по материалам древнерусских могильников, она существовала по крайней мере с IX в., ³² хотя в ряде случаев гребень мог быть положен умершему в качестве бытовой вещи повседневного пользования. Однако в некоторых погребениях характер помещения его в могилу указывает на особый семантический статус этого предмета. ³³ В древнерусских захоронениях гребни встречены как в мужских, так и в женских могилах примерно в равном соотношении (соответственно 8 и 10), но в синхронных захоронениях Бирки в Скандинавии гребни, находящиеся в футлярах — только в могилах мужчин, что может говорить об особой роли этих предметов ³⁴.

Придание гребню особой магической роли, как считала Н. И. Гаген-Торн, объясняется тем, что он связан с волосами, от которых и получает свою сакральную силу. ³⁵ У русских гребень широко употреблялся в апотропейных, продуцирующих и вредоносных обрядах. Обращение с ним обставлялось особыми предписаниями: его надо было прятать от взглядов посторонних, не класть на дежу, стол или окно. ³⁶ Использование гребня в качестве магической вещи известно по фольклорным сюжетам, в частности русской волшебной сказки, отражающим архаические черты мировосприятия. Герой во время бегства от погони бросает гребень назад, из него вырастает лес, который служит препятствием для преследователя, кстати, по наблюдениям Н. И. Гаген-Торн, чаще это делает женщина, нежели мужчина. ³⁷

Что же касается помещения платка в руку умершей женщины, то Г. К. Завойко во Владимирской губернии в начале XX в. удалось зафиксировать объяснение этого обычая — для утирания слез, когда умершего начнут «мытарить» ангелы за грехи. ³⁸ Оно, как и объяснение кенозерцами вложения расчески в руку умершего мужчины: «чтобы на "том свете" причесывался», вряд ли приемлемо по причине обыденности. В русской волшебной сказке пла-

ток используется героем в той же ситуации, что и гребень, — брошенный назад во время бегства он затрудняет преследование, превращаясь в огненную реку.

Нередко в этом сюжете фигурирует и еще один предмет — камень, становящийся горой. В погребальной обрядности Кенозерья камень также используется — его кладут на лавку, где лежал покойник (традиция, впрочем, довольно распространенная). В. Я. Пропп трактовал эти препятствия, в которые трансформируются упомянутые предметы, как маркеры границы между миром мертвых и миром живых. Их создает герой сказки, возвращающийся из мира мертвых.

Смысл использования этого довольно стандартного набора предметов волшебной сказки — гребень, платок (иногда ширинка), камень — в погребальной обрядности не совсем ясен. Скорее всего при их помощи умерший должен создать за собой границу между «этим» и «тем» мирами, вложение гребня или платка в руки умершего подразумевает манипуляцию с ними. Возможны и другие трактовки, в частности гребня как элемента очеловеченного мира в противоположность природе: животные — волосатые и нечесанные (ср.: нищие, пастухи, находящиеся на периферии мира человека/культуры).

Пронесение гроба над огнем. В Кенозерье этот факт был зафиксирован только однажды, но он явно не случаен. Путь на «тот свет», по народным представлениям, есть длительное путешествие с преодолением многочисленных препятствий, в том числе и огненной реки.⁴⁰ В соседнем Обонежье информаторы конца XIX в. утверждали, что брошенные в могилу деньги предназначаются именно за провоз через такое препятствие.⁴¹ В нашем случае этот обряд был совершен по просьбе человека, длительное время проработавшего пастухом, т. е. по роду своих занятий вынужденного вступать в контакты с «нечистой силой» и поэтому ставшего «нечистым», совершившим грех. Между тем, по народным представлениям, грешникам на «том свете» нельзя перейти огненную реку, и поэтому они не могут попасть на Страшный суд.⁴² Возможно, это действие имитировало прохождение данного препятствия для его «снятия» в будущем.

Поведение при встрече с похоронной процессией. Кенозерская традиция предписывает два варианта действий: либо обойти процессию по солнцу, либо присоединиться к ней на некоторое время. Первая норма объяснима — движение по солнцу как бы уподобляет человека небесному светилу, делает его земной ипостасью солнца-божества⁴³ и тем самым неуязвимым для опасной силы, исходящей от умершего. Но, с другой стороны, встречный и участники похоронной процессии оказывались по правую сторону друг от друга, т. е. ту, с которой связывается все положительное, в том числе «свое».

Между тем анализ похоронной обрядности показывает, что встречный — представитель «того» света,⁴⁴ т. е. для участников похорон он должен быть «чужим». «Правильное» поведение встречного предписывается у территориально близкой к кенозерцам группе заонежан — он должен свернуть вправо.⁴⁵ В противоположность этому у коми встретивший похоронную процессию дол-

жен сворачивать, как и у кенозерцев, влево, а в бытовой ситуации — вправо.⁴⁶ Возможно, однако, что существовало деление встречающих на «своих» и «чужих» по определенным критериям, о чем можно судить, в частности, исходя из анализа раздаваемых даров: те, что не имеют особой ценности (платки), вручаются всем встречающим, а ее имеющие — только первому и/или встреченному в воротах кладбища. Там же, кстати, должны ожидать похоронную процессию для получения подаяния нищие. Интересно в связи с этим отметить другое местонахождение нищих для получения подаяния — у церковной ограды или на паперти, хотя кладбищенская ограда — граница семантического «низа», а церковная ограда или паперть — «верха».

Баня. В таких обрядах жизненного цикла, как родильный и свадебный, баня и ее атрибуты играют значительную роль и у русского, и у многих других народов Восточной Европы. Меньше эта роль — в обрядности погребальной. В наших материалах по Кенозеру баня фигурирует по крайней мере в четырех моментах: существует поверье, что мытье в новой бане в первый раз со старым веником повлечет смерть самого моющегося или его супруга; банные веники, лист с них, прутья кладут в гроб в качестве подстилки; в бане моются участники похорон после возвращения с кладбища; «шоркать», т.е. оттирать пол после выноса покойника, надо не с песком, как обычно, а только с дресвой, полученной из раздробленного камня банной печи. Два последних действия вполне укладываются в обрядность ритуального очищения. Посещать баню после похорон предписывалось у финноязычных народов, в частности у карел⁴⁷ и удмуртов,⁴⁸ но не исключено, что такое посещение бани могло иметь и другой, дополнительный смысл. У волго-камских финнов после похорон старейшины рода этот статус передается другому человеку в бане.⁴⁹ Использование дресвы для мытья пола тоже преследовало цель очищения, в данном случае жилища, от вредоносной силы покойника. У карел участники похорон завязывали камешки из печи, явно в качестве оберега, в концы головного или шейного платка. Вернувшись с кладбища, они бросали их под печь.⁵⁰ У северных вепсов при выносе покойника из дома вслед ему левой рукой бросали камень-дресвяник.⁵¹ Запрет у кенозерцев использовать для мытья пола после выноса покойника обычный песок объясняется, видимо, тем, что он берется у воды, субстанции, которая связана в народном сознании с потусторонним миром.

Особая роль веника определяется, вероятно, тем, что он делается из березы. Она, как известно, — главный атрибут троицкой обрядности, символизирующей окончательное пробуждение природы, расцвет вегетативной силы, которая может передаваться человеку. Недаром считается, что банные веники надо заготавливать именно на Троицу. Подложенный под покойника веник живительной силой березы должен способствовать возрождению человека в будущем. Можно предположить, что именно поэтому береза очень широко используется в похоронных обрядах белорусов.⁵²

Старый веник как причина смерти одного из супругов указывает на пред-

ставление о бане как связующем сооружении-посреднике между мужем и женой. Это представление отражает как реальную действительность — в бане совместно моются муж и жена в предназначенные для этого дни и после интимного общения⁵³, так и обрядовую практику — первоначально именно в бане происходило первое соитие молодоженов, представлявшее кульминацию свадебной обрядности. Отметим, что у некоторых групп русских мужу после смерти жены запрещалось в течение шести недель мыться в собственной бане.⁵⁴ У заонежан на следующий день после похорон было принято идти на могилу, а по возвращении мыться в бане, при этом моющиеся «разговаривали» с покойным, как будто он присутствует среди них, в предбаннике для него оставляли смену белья.⁵⁵

Сходные представления о посещении умершим бани, но на 40-й день после смерти, характерны для финноязычных народов Восточной Европы. У вепсов в канун этого дня родственники шли на кладбище приглашать покойника домой, где ему готовили баню;⁵⁶ у коми на 40-й день после смерти человека один из обмывальщиков, который считался заместителем умершего, мылся в бане;⁵⁷ у мордвы в аналогичный срок мыли в бане куклу — заместительницу покойного.⁵⁸ 40 дней или шесть недель — время пребывания умершего на земле до отправления в потусторонний мир.

Баня в таком случае как сооружение, находящееся на пограничье «вода (мир мертвых)/земля (мир живых)» могла рассматриваться в качестве места возможного, но нежелательного контакта супругов, один из которых ушел в мир мертвых, а другой остался в мире живых. Поэтому не использованный, «свежий», веник клали в гроб, чтобы оживить покойника (сравним это с тем фактом, что у финно-угров покойника моют веником⁵⁹), старый же, как утративший живительную силу, приносил смерть. Это представление отразилось в обряде сжигания старых вещей в переходные моменты годового цикла — на Новый год,⁶⁰ Масленицу,⁶¹ Купалу.⁶²

Могильное сооружение — «потолок». Это своеобразное сооружение устраивалось в могильной яме во время похорон. После опускания в нее гроба над ним на высоте 10-20 см от крышки делался дощатый настил, опирающийся на четыре столбика, вбитых по углам ямы. Через несколько десятилетий он сгнивал и проваливался, так что могила на поверхности представляла собой уже не насыпь, как обычно, а яму глубиной 30-40 см. У заонежан, при всей тщательности исследования их семейной обрядности К. К. Логиновым, эта особенность не прослеживается,⁶³ зато есть ее аналогии у соседних финно-угорских народов — коми⁶⁴ и удмуртов.⁶⁵ Она отсутствует у вепсов,⁶⁶ сету,⁶⁷ мордвы,⁶⁸ не характерна для погребальной обрядности карел, но, возможно, в качестве ее реминисценции у последних сохранился обычай устраивать символический навал над могилой «калмалауда» — «смертная доска».⁶⁹

Самые ранние свидетельства о сооружении помоста в могильной яме на севере Восточной Европы получены при раскопках Ленского могильника. Он

входит в круг памятников вымской археологической культуры, оставленной пермью вычегодской, и датируется XII-XIV вв. н.э.¹⁰ На помостах производилось либо сожжение тела умершего человека, либо размещение остатков трупосожжения, произведенного на стороне. Э. А. Савельева справедливо считает, что в погребальном обряде коми произошла эволюция от трупосожжения на помосте к устройству навеса над гробом, а «окуривание» — разведение костра в могильной яме перед похоронами в традиционной культуре коми представляет собой пережиток обычая сжигать покойника.⁷¹ Отметим, что название внутри-могильного сооружения у коми—«йирт» — в переводе означает «потолок»,^{1*} т. е. тождественно кенозерскому названию, в то время как удмуртский термин переводится как «полати».¹³

Кроме указанных можно отметить немало других параллелей в погребальной обрядности русских Кенозерья и финноязычного населения: в особенностях шитья погребальной одежды — ниткой без узлов и движением иглой «от себя» у карел,⁷⁴ коми,⁷⁵ удмуртов,⁷⁶ в употреблении стружек от гроба и банных венников в качестве подстилки на дно гроба и для набивки подушки у коми,⁷⁷ карел,⁷⁸ вепсов,⁷⁹ сету,⁸⁰ удмуртов,⁸¹ в уже отмеченном использовании яйца у коми и сету.

Собака в поминальной обрядности. В Кенозерье это животное выступает как защитник живых от приходящего покойника: в рассказанной нам быличке вдова по наущению «знающих» людей пожаловалась собаке, что ей «видится» умерший муж, после чего тот «явился» ей в изодранной одежде, погрозив, крикнул: «Догадалась!»—и посещения прекратились.

Вообще, отношение к собаке, по крайней мере в восточнославянской традиции, двойственное. С одной стороны, она действительно «друг человека», с другой — считается «нечистым» животным: ее нельзя впускать в церковь, особенно в алтарь,⁸² в отличие от кошек. Пища считается оскверненной, если собака ее понюхает, даже не дотрагиваясь,⁸³ «собака» — ругательное название в русском языке.

Причина презрительного отношения к этому животному — связь его в индоевропейской традиции с миром мертвых. Это представление отражается в античной мифологии: страж Царства мертвых Аида — трехголовый пес Кербер (Цербер);⁸⁴ в индоиранской: у царя мира мертвых Ямы/Йимы стражи и вестники — псы, они бродят среди людей, высматривая добычу.⁸⁵ У русских представления о связи собаки с миром мертвых сохранились в поверье, что собака воет «к покойнику»: связь с потусторонним миром позволяет ей «узнать» будущее человека. Сопоставим это представление с другим, но аналогичным: кукушка может предсказать человеку, сколько ему лет осталось жить, потому что «заведует» ключами от «ирия», этим понятием обозначался «тот свет».⁸⁶

В более архаические времена роль стража загробного мира у индоевропейцев выполнял, видимо, волк. Эти представления сохранились в германо-скандинавской мифологии: брат Хели, хозяйки Царства мертвых, — волк Фенрир;⁸⁷

и в традиционной погребально-поминальной обрядности румын: по их представлениям, волк встречает в лесу загробного мира умершего, который должен стать ему «братом», он провожает его,⁸⁸ выполняя тем самым роль тотема-предка. И в восточнославянских поверьях волк связывается с мертвыми, предками, «ходячими» покойниками, в заговорах говорится, что он бывает у мертвых на «том свете»,⁸⁹ в русской волшебной сказке на волке герой отправляется в путешествие, которое, как показал В. Я. Пропп, представляет собой посещение загробного мира.

Перечисленными особенностями, конечно, не исчерпывается все своеобразие погребально-поминальной обрядности населения Кенозерья. Проведенное исследование показывает, что в ней есть особенности, восходящие ко времени индоевропейской общности, есть и объясняемые контактами с местным финно-язычным населением.

¹ Бузин В. С. Традиционная погребальная обрядность Кенозерья (материалы экспедиционных исследований 1993 г.) // Историческая этнография: Русский Север и Ингерманландия. Проблемы археологии и этнографии. Вып. 5. СПб., 1997. С. 153-164.

² Бернштам Т. А. Поморы: Формирование группы и системы хозяйства. Л., 1968. С. 19, 30-31.

³ Логинов К. К. Семейные обряды и верования русских Заонежья. Петрозаводск, 1993. С. 147.

⁴ Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 417.

⁵ Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей. М., 1982. С. 162; Померанцева В. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975. С. 181.

⁶ Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. С. 417.

⁷ Байбурин А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983. С. 110.

⁸ Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. СПб., 1993. С. 119.

⁹ Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. С. 417.

¹⁰ Там же. С. 414.

¹¹ Белецкая Я. Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов. М., 1978. С. 35.

¹² Макаренко А. А. Сибирский народный календарь. Новосибирск, 1993. С. 109.

¹³ Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1994. С. 352.

¹⁴ Там же. С. 346.

¹⁵ Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества ХН-ХШ вв. М., 1993. С. 158-159.

¹⁶ Белецкая Я. Н. Языческая символика. ... С. 35-36.

¹⁷ Седакова О. А. Тема «доли» в погребальном обряде (восточно- и южнославянский материал) // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. М., 1990. С. 158.

¹⁸ Успенский Б. А. Филологические разыскания... С. 162.

¹⁹ Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка. Т. I. М., 1959. С. 366.

²⁰ Померанцева В. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. С. 96.

²¹ Успенский Б. А. Филологические разыскания. ... С. 162.

²² Афанасьев А. Н. Народ-художник. М., 1986. С. 45.

²³ Демидович П. Из области верований и сказаний белоруссов // Этнографическое обозрение (далее — ЭО). 1896. X«1. С. 118.

²⁴ Завойко Г. К. Верования, обряды и обычаи великороссов Владимирской губернии // Там же. 1914. 3-4. С. 91.

- ²⁵ *Логинов К. К.* Семейные обряды и верования... С. 128.
- ²⁶ Там же. С. 111.
- ²⁷ Там же. С. 170-171.
- ²⁸ *Терюков А. И.* Обрядность жизненного цикла народов коми (рукопись монографии). С. 73. — Приношу глубокую благодарность Александру Ивановичу за возможность ознакомиться с рукописью.
- ²⁹ *Рихтер Е. В.* Некоторые особенности погребального обряда у сету // СЭ. 1979. №2. С.125.
- ³⁰ *Завойко Г. К.* Верования, обряды и обычаи... С.90-91. *Зобнин Ф.* Усть-Ницынекая слобода Тюменского уезда Тобольской губернии // Живая старина. 1898. Вып. 2. Год восьмой. С. 153; *Семенова О. П.* Смерть и душа в поверьях и рассказах крестьян и мещан Рязанского, Рязанбургского и Данковского уездов // Там же. С. 230.
- ³¹ *Богатырев П. Г.* Верования великоруссов Шенкурского уезда Архангельской губернии // ЭО. 1916. Кн. 111-112. №3-4. С. 70; *Кремлева И. А.* Похоронно-поминальная обрядность русского населения Пермской области // Полевые исследования Института этнографии АН СССР. 1978. М., 1980. С. 23, —Автор отмечает, что раньше умершего расчесывали щепочкой от гроба.
- ³² *Кондратьева О. А.* Гребень в погребальном обряде (по материалам древнерусских могильников X-XI вв.) // Язычество восточных славян. Л., 1990. С. 38.
- ³³ Там же. С. 39.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ *Гаген-Торн Н. И.* Магическое значение волос и головного убора в свадебных обрядах Восточной Европы // Советская этнография (далее —СЭ). 1933. №5-6. С. 82.
- ³⁶ Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Т. 1. М., 1995. С. 540-543.
- ³⁷ *Гаген-Торн Н. И.* Магическое значение волос... С. 82.
- ³⁸ *Завойко Г. К.* Верования, обряды и обычаи .. С. 93.
- ³⁹ *Пропл В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986. С. 342-351.
- ⁴⁰ Этнография восточных славян. М., 1987. С. 414.
- ⁴¹ *Куликовский Г. М.* Похоронные обряды Обонежского края // ЭО. 1890. Вып. 1. С. 53.
- ⁴² *Успенский Б. А.* Филологические разыскания. .. С. 143-144.
- ⁴³ *Афанасьев А. Н.* Дерево жизни. М., 1982. С. 71-72.
- ⁴⁴ *Байбури А. К.* Ритуал в традиционной культуре. С. 113-114.
- ⁴⁵ *Логинов К. К.* Семейные обряды и верования... С. 160.
- ⁴⁶ *Терюков А. И.* Обрядность жизненного цикла народов коми. С. 87.
- ⁴⁷ *Сурхаско Ю. Ю.* Семейные обряды и верования карел. Л., 1985. С. 111.
- ⁴⁸ *Христолюбова Л. С.* Погребальный ритуал удмуртов // Этнокультурные процессы в Удмуртии. Ижевск, 1978. С. 78, 81.
- ⁴⁹ *Дмитриева С. И.* Фольклор и народное искусство русских Европейского Севера. М., 1988. С. 81-82.
- ⁵⁰ *Сурхаско Ю. Ю.* Семейные обряды и верования карел. С. 82-83.
- ⁵¹ *Строгальщикова З. И.* Погребальная обрядность вепсов // Этнокультурные процессы в Карелии. Петрозаводск, 1986. С. 72.
- ⁵² *Дмитриева С. И.* Фольклор и народное искусство. .. С. 210-213.
- ⁵³ *Логинов К. К.* Материальная культура и производственно-бытовая магия русских Заонежья. СПб., 1993. С. 96.
- ⁵⁴ *Колегова Р. В.* Ваня в обрядах и представлениях коми-зырян: Канд. дис. СПб., 1992. С. 124 (рукопись).
- ⁵⁵ *Логинов К. К.* Семейные обряды и верования... С. 178.
- ⁵⁶ *Строгальщикова З. И.* Погребальная обрядность вепсов. С. 80.
- ⁵⁷ *Терюков А. И.* Обрядность жизненного цикла народов коми. С. 123.
- ⁵⁸ *Федянович Т. П.* Похоронные и поминальные обряды мордвы // Бытовая культура мордвы. Саранск, 1990. С. 118.
- ⁵⁹ *Дмитриева С. И.* Фольклор и народное искусство. .. С. 210.

- ⁶⁰ Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. С. 144.
- ⁶¹ Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. С. 406.
- ⁶² Там же. С. 398.
- ⁶³ Логинов К. К. Семейные обряды и верования... С. 101-213.
- ⁶⁴ Белицер В. Н. Очерки по этнографии народов коми XIX — начала XX в. // Труды Института этнографии. Нов. сер. Т. ХбУ. М., 1958. С. 328; Савельева Э. А. Пермь вычегодская: к вопросу о происхождении народа коми. М., 1971. С. 153-154.
- ⁵⁵ Пименов В. В. Удмурты: опыт компонентного анализа этноса. Л., 1977. С. 125; Христолюбова Л. С. Погребальный ритуал удмуртов. С. 78.
- ⁶⁶ Строгальщикова З. И. Погребальная обрядность вепсов. С. 65-85.
- ⁶¹ Рихтер Е. В. Некоторые особенности погребального обряда у сету. С. 116-128.
- ⁶⁸ Федянович Т. П. Похоронные и поминальные обряды мордвы. С. 96-125.
- ⁶⁹ Сурхаско Ю. Ю. Семейные обряды и верования карел. С. 100.
- ⁷⁰ Савельева Э. А. Пермь вычегодская. .. С. 96-98, 101.
- ⁷¹ Там же. С. 153-154.
- ⁷² Терюков А. И. Обрядность жизненного цикла народов коми. С. 96.
- ⁷³ Христолюбова Л. С. Погребальный ритуал удмуртов. С. 78.
- ⁷⁴ Сурхаско Ю. Ю. Семейные обряды и верования карел. С. 66.
- ⁷⁵ Белицер В. Н. Очерки по этнографии народов коми. .. С. 327.
- ⁷⁶ Христолюбова Л. С. Погребальный ритуал удмуртов. С. 71.
- ⁷⁷ Белицер В. Н. Очерки по этнографии народов коми. .. С. 327.
- ⁷⁸ Сурхаско Ю. Ю. Семейные обряды и верования карел. С. 69, 76.
- ⁷⁹ Строгальщикова З. И. Погребальная обрядность вепсов. С. 71.
- ⁸⁰ Рихтер Е. В. Некоторые особенности погребального обряда у сету. С. 118.
- ⁸¹ Христолюбова Л. С. Погребальный ритуал удмуртов. С. 75.
- ⁸² Токарев С. А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX — начала XX века. М.; Л., 1957. С. 57.
- ⁸³ Там же.
- ⁸⁴ Мифы народов мира: Энциклопедия. Т. 1. М., 1987. С. 640.
- ⁸⁵ Там же. Т. 2. М., 1988. С. 683.
- ⁸⁶ Круглый год: Русский народный календарь. М., 1991. С. 353.
- ⁸⁷ Мифы народов мира. Т. 1. С. 288.
- ⁸⁸ Свешикова Т. Н. Волк в контексте румынского погребального обряда // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. С. 128-130.
- ⁸⁹ Славянская мифология: Энциклопедический словарь. М., 1995. С. 103.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие

<i>Гадло А. В.</i> (Санкт-Петербургский государственный университет). Адыги во второй половине I тысячелетия н.э. (Очерк этносоциальной и этнополитической истории).	
<i>Уарзиати В. С.</i> (Северо-Осетинский государственный университет). Средневековый герб алан-осетин.	37
<i>Дубов И. В.</i> (Российский этнографический музей, С.-Петербург). О ранней дате появления славян в Верхнем Поволжье.	54
<i>Кривошее Ю. В.</i> (С.-Петербургский государственный университет). Институты дара и дани в русско-ордынских отношениях XIII-XV вв. Опыт историко-этнографической типологии.	65
<i>Новожилов А. Г.</i> (Санкт-Петербургский государственный университет). Карта поселений Карельского перешейка рубежа XV-XVI вв.	75
<i>Верняев И. И.</i> (Санкт-Петербургский государственный университет). Поземельные отношения в крестьянских общинах Псковской губернии во второй половине XIX - начале XX в.	85
<i>Шенников А. А.</i> (Русское географическое общество). Особенности расселения русских крестьян лесной зоны Европейской России в XVI-XVIII вв.	97
<i>Плоткин К. М.</i> (Псковский областной ин-т повышения квалификации работников образования). Ареал сету: жертвоприношения и граница.	105
<i>Чистяков А. Ю.</i> (Санкт-Петербургский государственный университет). Хозяйство ингерманландских финнов в системе экономических связей Санкт-Петербургской губернии на рубеже XIX-XX вв.	115
<i>Скрябина Л. А.</i> (Кемеровский государственный университет). О межгрупповых отношениях старожилов и переселенцев Притомья в конце XIX — начале XX в.	121
<i>Козьмин В. А.</i> (Санкт-Петербургский государственный университет). Интегративные аспекты оленеводческой культуры народов Западной Сибири.	126
<i>Табаев В. А.</i> (Санкт-Петербургский государственный университет). К вопросу о хозяйственно-культурной принадлежности хакасов в XIX — начале XX в.	135
<i>Садовой А. Н.</i> (Кемеровский государственный университет). Некоторые аспекты исследования традиционной системы жизнеобеспечения тофалар.	150
<i>Кимеев В. М., Кривоногов В. П.</i> (Кемеровский государственный университет). Современные этнические процессы среди татар-калмаков.	160
<i>Карпов Ю. Ю.</i> (Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого, С.-Петербург). Цезы (малый народ Дагестана): Видение себя и взгляд со стороны.	177
<i>Вузин В. С.</i> (Санкт-Петербургский государственный университет). Региональные особенности погребально-поминальной обрядности Кенозерья (в контексте истории этнокультурных контактов славяно-русского и финноязычного населения Европейского Севера).	190

Научное издание

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

Выпуск 1

ВОПРОСЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ НАРОДОВ РОССИИ

Ответственный редактор проф. А. В. Гадло

Зав. редакцией *И. П. Комиссарова*

Художественный редактор *Е. И. Егорова*

Корректор *Л. А. Губина*

Компьютерная верстка *Ю. Ю. Тауриной*

Лицензия ИД А[^] 05679 от 24.08.2001

Подписано в печать 01.03.04. Формат 70 х 90/16- Гарнитура литературная. Печать
офсетная. Усл.печ.л. 14,92. Уч.-изд. л. 15,37. Заказ (ЗУ-
Издательство СПбГУ. 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9.

ЦОП типографии Издательства СПбГУ.
199061, Санкт-Петербург, Средний пр., 41.

